

Литературный ОМСК

№ 27
ДЕКАБРЬ 2020

Литературно-художественный и общественно-публицистический журнал

Подписано в печать 10.12.2020.
Дата выпуска 18.12.2020.
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Bookman Old Style.
Печать офсетная.
Усл. печ. л. 11,48.
Уч.-изд. л. 11,8
Тираж 500 экз.
Распространяется бесплатно

Заказ № 324319

Отпечатано в ООО «Омскбланкиздат»
644007, г. Омск, ул. Орджоникидзе, д. 34,
тел. (3812) 212-111.
www.omskblankizdat.ru

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются, гонорары
не выплачиваются. За достоверность
информации ответственность несут авторы.
Их мнение может не совпадать
с точкой зрения редакции.

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

Министерство культуры Омской области.
644099, г. Омск, ул. Гагарина, д. 22.
www.kultura55.ru
press@mincult.omskportal.ru

Омская областная общественная организация
Союза писателей России.
644043, г. Омск, ул. Достоевского, д. 1.
lit_omsk@mail.ru

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

644099, г. Омск, ул. Гагарина, д. 22.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

В.Ю. Ерофеева-Тверская

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

М.А. Безденежных
П.А. Брычков
Ю.П. Перминов
С.Н. Прокопьев
В.И. Хомяков
Г.И. Целищева
Т.Г. Четверикова

КОРРЕКТУРА:

О.Н. Черных
О.В. Шилехина

КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЕРСТКА

Н.С. Пимонова

Содержание

Проза <i>Анна Ведерникова</i> 3 Внебр@чные игры <i>Отрывок из повести</i> <i>Валерий Константинович</i> 17 Армейский парадный мундир <i>Глава из романа «Моя драгоценная кладовка»</i> <i>Наталья Елизарова</i> 30 Трудный экзамен <i>Рассказ</i> <i>Светлана Макарова-Гриценко</i> 40 Хайдусобосло <i>Рассказ</i> <i>Наталья Кускова</i> 62 Рассказы из цикла «Призраки наркологии» <i>Владимир Смирнов</i> 84 Два рассказа <i>Лев Протасов</i> 90 Дефект <i>Рассказ</i> Семейное чтение <i>Светлана Вьюгина</i> 51 Странные бабушки <i>Рассказ</i> Проза молодых <i>Матвей Хисматулин</i> 68 Судьба <i>Рассказ</i> Поэзия <i>Светлана Курач</i> 14 Нам в Сибири зиму зимовать... <i>Илья Дмитриенко</i> 27 Во мне есть вера <i>Андрей Фролов</i> 34 Висели дома на высоких дымах <i>Анастасия Сергеева</i> 37 В сердце вслушаюсь <i>Григорий Глушнёв</i> 44 Такой же, как все, человек	<i>Андрей Попов</i> 47 Мне есть кого прощать <i>Александр Кудрявцев</i> 55 Во тьме проступают комет колен <i>Лариса Пушина</i> 59 Облака <i>Идия Шевцова</i> 66 Стихи прошлых лет <i>Александр Валуйский</i> 72 Вверх по течению <i>Елена Александренко</i> 75 Небесные ростки <i>Валерий Латынин</i> 81 Мы все росли на русских сказках <i>Диана Лугинина</i> 87 Сердце – скворечник <i>Геннадий Головин</i> 97 Ветра легкое брожение <i>Елена Марченко</i> 113 Окно распахнуто в небеса Размышления на тему <i>Наталья Вершинина</i> 78 Про Курочку Рябу Литературная критика, рецензии <i>Олег Клишин</i> 100 «Качает мир свирель ночную...» <i>К 80-летию Николая Трегубова</i> Литературоведение <i>Вадим Физиков</i> 115 В одухотворенном мире напевного стиха На первой странице обложки: <i>Сергей Цура.</i> Первый снег. 2012. <i>Холст, масло, 60×50</i> На четвертой странице обложки: <i>Сергей Цура.</i> Никольский собор. 2014. <i>Холст, масло, 30×40</i>

Анна Ведерникова

ВНЕБР@ЧНЫЕ ИГРЫ

Отрывок из повести

Дневники превратились в блоги, письма – в эсэмэски, имена – в ники, а лица – в аватары.

Отношения оцифрованы, чьими-то невидимыми руками разложены по папкам с паролями и ждут своего часа.

Когда пробьет твой час, ты будешь метаться и сходить с ума от страха...

Посвящается Алексею и Людмиле

ГЛАВА 1. ПОЧТИ НИКТО

Взрослые игры такие прямолинейные – все об одном: раздеть девчонок, заставить мужчин махать меж ног гирькой, привязанной к поясу, а также притираться вторым к первым то в ритме танго, то ламбады...

Люба читала сценарий сегодняшней вечеринки и грызла яблоко. Яблоко плевалось соком на распечатку сценария, но последний был достоин отнюдь не яблочного сока. Ее ручка устала маркировать в тексте грамматические ошибки, глаза болели от напряженного чтения плохого текста на газетной бумаге, которую исклевала чья-то допотопная пишущая машинка. Самым забавным в Любином занятии были встречи с очередной «Ё» в тексте. Буква «Е» у автора безбожно заедала, потому он заменял ее этой хорошо забытой русской литерой. Так в сценарии появлялись «двё дёвушки», «вёдуший» и полная иронии отрицательная частица «нё».

ВЕДЕРНИКОВА Анна Вячеславовна. Прозаик, член Союза писателей России, лауреат премии им. Ф.М. Достоевского. По профессии маркетолог, окончила ОмГТУ. Публиковалась в журналах «Москва», «Литературный Омск», «Пилигрим», «После 12» (Кемерово), коллективных сборниках в Томске, Екатеринбурге. Лауреат региональной премии им. М.С. Шангина. Живет в Омске.

Утомившись от авторского маразма, Люба направилась в кабинет Левки. Так и хотелось дописать точки на табличке его кабинета: «Еремьев Лёв Сергеевич».

– Как тебе творение нашего гения? – поинтересовался Левка. За полчаса до Любы он пробежал глазами сценарий.

– Пора закрывать с ним контракт. Мне уже костью в горле этот талантище. Получает по пять тысяч за сценарий, а не может компьютер купить и печатать, как все нормальные люди.

– То есть содержание тебя устраивает? – поддел Лева. Он по привычке ерзал в своем крутящемся кресле: 90 по часовой, 90 против часовой...

– Содержание все равно переписывать. Слушай, может, мне самой с нами контракт заключить?

– Я тебе давно говорю, брось бесплатно стараться. Найди подставное лицо, оформи с ним контракт и получай денежки...

– Дёнежки, – задумчиво проговорила Люба.

– Ты здесь сегодня обедаешь? – спросил Левка. («Как всегда», – немо улыбнулась она.) – А то поехали, конкурентов промониторим. У меня, если честно, изжога от нашего бизнес-ланча.

– А ты не пробовал вместо второго второго, например, салат заказывать? – съехидничала Люба. Левка съедал за обедом столько же, сколько весь «офисный» девичий коллектив: Люба, Маринка-Седая и Маринка-Мальвинка.

– Салат отдай врагу, – заключил Левка. – И лучше в лицо.

С этими словами на полуповороте кресла он глухо стукнулся коленом о стол, зажмурился, а когда открыл глаза, Любы уже не было в кабинете.

Маринка-Мальвинка была бухгалтером, единственным и потому главным, а бухгалтер

в досуговом заведении должен отличаться от прочих бухгалтеров своей экстравагантностью. Поэтому Маринка носила голубые волосы, точнее, фиалковые – с сиреневым отливом. Второй ее особенностью было умение ругаться залившимся матом. Бывало, подрядчики по телефону выслушивали такие небоскребы, что зависали минут на пять... Когда Люба вошла в Маринкин кабинет (не совсем кабинет – закуток между приемной директора и лестницей), фраза явно была на середине... До ее окончания Люба успела разглядеть себя в зеркало и отметить, как все-таки удачно ее подстригли неделю назад... Почти невидимые морщинки под глазами... еще лет десять – и закончится не только комсомольский возраст, как теперь, – закончится вся молодость с ее взрывами и весной, и тогда начнутся совсем другие проблемы и кабинеты...

– Привет, – закончила телефонный разговор Маринка-Мальвинка и обратилась к Любе: – Ты мне подотчет за март когда сдашь?

– В апреле, видимо, – ответила Люба («Привет... подотчет...»).

– В каком апреле, уже двадцать девятое! Брянский блин, тоже мне творческая личность...

Люба поняла, что сейчас не лучшее время для разговора об оформлении контракта.

– Зеркало у тебя красивое, Марина. Ты заходи, если что, – чаю попить...

Такого гипнотического отпора Мальвине не давал никто, кроме Любы. На этом строилось их взаимное уважение и возможность пить чай вместе.

– Вы кто? С кем я разговариваю? – проорали в трубке. Чудная манера представляться для начала телефонного разговора.

– Арт-директор, – ответила Люба с улыбкой. Она предвкушала интересный разговор.

– Вот вы директор, вы и разберитесь, почему у вас не принимают товар, говорят, что накладные завтрашним днем выбиты. Мы вам машину с товаром отправили еще в восемь утра, а она до сих пор не разгружена стоит!

Разговор явно удавался. Люба еле сдерживалась, чтобы не хрюкнуть в телефон.

– Я переключу вас на приемщика, хорошо? Одну минуту...

Люба поймала себя на том, что совершенно не хочет работать. Сценарий дерьмо, переписывать его бесплатно и платить деньги знаменитому чуду было противно, а остальная работа была настолько мелкой, неартистичной и потому запущенной – отчет за апрель, подотчетные, план на май и графики арт-программ на июнь...

Она надела пальто, переобулась и, оставив сумочку на стуле, вышла узкими коридорами и лестницами на улицу – на задворки крупнейшего в городе развлекательного центра с рестораном, кинотеатрами, боулингом и чего там еще только душе захочется...

Резкий, но уже теплый апрельский ветер бросил пыль ей в лицо, и сразу закололо в глазах – контактные линзы не терпят ни пылинки. Слезы, нужны слезы, побольше, как Левка просит побольше обеда... Главное – не допускать настоящих слез, потому что остановить их – она точно знает – не может никто. Почти никто.

Почти Никто позвонил через десять минут. Мелодия его звонка на Любином мобильном иногда снилась ей, – тогда она пыталась выкарабкаться из глубокой дремы и протянуть руку к столику у кровати...

– Салют, как успехи? – как всегда, задушевно спросил он.

– Отлично, вся в работе, вся кипю... – то ли искусственно раскошегаривая свое настроение, то ли наблюдая, как оно само поднимается, ответила Люба.

– Я сейчас подъеду, ага? Ты представляешь, оказывается, человеку, который работает головой, надо всего на 300 калорий больше, чем тому, кто только лежит на диване и ничего не делает!

– Это смотря какой головой работать, – отозвалась Люба. – Если моей, то меньше. Если твоей – больше в два раза.

– А если мяч головой забивать – так это в пять раз, наверное... Ну, в общем, я уже выехал.

Они сидели в ресторане Любиного центра, ожидая свои обеды... Это было одним из ее условий полгода назад, когда она переходила на работу сюда, в «Комильфо»: в зарплате не выиграла, но обед на двоих бесплатно... Он приезжал к ней нечасто, сидел часа по полтора, неторопливо поедая первое, второе и Любу. Она странно холодела от его присутствия – и не кокетничала, не хохотала с вызовом, как бывало раньше, а просто пила его, как столовую воду – мелкими глотками, растягивая на полтора часа.

– Чем сейчас занимаешься? – он первым начинал разговор, подбрасывая тему, упорно спорил, потом отпускал...

– Как обычно – готовлю вечеринки. Сегодня на планерке подкинула идею рекламной кампании к выпускным праздникам.

– Молодец, – оценил он. – Выпускные для вас – золотое дно, да?

– Не знаю, – тихо улыбнулась она. – Я еще не почувствовала на себе всю сезонность. Надо проработать в компании год, пережить с ней

все праздники, чтобы смело заявлять: я знаю об этой компании все.

– Год – это мало, – ответил он, посерьезнев и глядя в окно, вниз на широкую панораму города в его апрельской предлиственной серости.

– Нужно прожить с мужчиной ночь, чтобы узнать, какой он любовник. Нужно прожить год, чтобы узнать, какой он муж. Нужно прожить с ним жизнь, чтобы узнать, какой он человек...

Он хмыкнул, покачал головой и принялся за суп. Его жена, конечно, не знает, какой он человек... А может, Люба просто выдумала эту «мудрость», как выдумала легенду о своем японском происхождении и множество других идей, полезных и бесполезных.

Маленькая, худенькая – одно ее пальто весило меньше, чем его пиджак. Она так трогательно брала его за руку, когда они переходили улицы, – тогда, когда они еще изредка прогуливались вместе. Она хваталась за его руку, как за последнюю возможность, но при этом решительно и отчаянно переходила дорогу в самом неподходящем месте. Каждый раз, проходя мимо этих перекрестков, он вспоминал ее пальцы.

– А я вот увольняюсь, представляешь? – он то ли просил ее сочувствия, то ли собирался сказать что-то еще более важное...

– Где твое новое место? – спросила она тихо.

– Пока нигде, – ответил он, улыбаясь, и стала явной причина его увольнения... Собственники уже тогда, полгода назад, когда увольнялась Люба, были недовольны его работой, как, впрочем, и работой всех его предшественников.

– Поздравляю! – и Люба улыбнулась так же широко, как и он. – Теперь у тебя начнется новая жизнь. У меня после «Седьмого канала» жизнь пошла круто вверх!

Ухмыльнулся и потрепал ее по волосам. Она глала, эта девочка, мужественно задиравшая носик в самые тяжелые минуты.

– Молодец, ты все время улыбаешься! К тебе как ни заглянешь в кабинет – все улыбается, радуется чему-то... Молодец!

Она радовалась ему, конечно. Он редко заглядывал в ее кабинет или вызывал к себе, и тогда грузил тяжелыми задачами, которые были не под силу самым матерым продажникам...

«Нам надо забирать деньги у наружников. Посмотри, какие деньги тратят на аутдор! Притом эффективность этого носителя намного ниже, ты же сама это понимаешь! Вот ты и придумай, как переубедить рекламодателей».

Война – ее стихия: на войне, – рыночной, естественно, войне, – в крайних и невозможных условиях она могла победить и сияла, при-

ближаясь шаг за шагом к поставленной цели, чеканя на его вопрос «как продвигается дело?» – свое победное «Все отлично! К вечеру будет результат!». Вот чем можно было ее мотивировать – сложностью задачи, и почему-то никогда Люба не жаловалась и не искала причин для неудачи.

– Не хочу идти на работу, – сообщил он, когда последняя посуда была убрана с их столика. – Так хорошо с тобой тут сидеть...

Он взял ее руки, держал и смотрел в глаза, и Любе больше всего хотелось заморозить вот это свое состояние, законсервировать в стеклянной банке, чтобы открывать и принимать по капле в те часы, когда маленький огонек внутри становился исчезающе крошечным, способным погаснуть от малейшего движения воздуха.

– Здесь сквозняк, – заметила она.

– Ой, бедная, – пожалел, – давай пересаживайся сюда, ко мне.

Она пересела, и он обнял ее, зарылся носом в волосы.

– Ты хорошо пахнешь, – сказал и, подумав, добавил: – А может, сейчас поедем туда, в наше место?

Это были слова, которых она ждала по три месяца, а бывало, и дольше. Ради них она каждое утро придирчиво оглядывала себя в зеркало в ванной, ради них соблюдала все тайные дамские ритуалы: депиляция, солярий, изыщное белье.

Это были слова, которых она никогда уже и не надеялась услышать снова, приказывая себе прекратить всяческие сопли и поднося колпачок к дотлевающей свечке...

Это были слова, которые выключали ее из этой жизни и включали на земле рай, и от ее маленького огонька разгорались сложные россыпи свечей в канделябрах всех ее шести чувств, и в ее огромном зале из зеркал и золота начинался настоящий бал...

Едва за ними закрывалась дверь гостиничной комнаты, как она переставала обращать внимание на такие глупости, как ворс чужих полотенец, запах чужих простыней, стук чужой кровати. Она словно под одеяло, забиралась, казалось, под самую его кожу, в самое его тепло, растворяясь в его большом теле. Она хотела все и сразу, и он даже смеялся иногда: успеет, куда ты торопишься?! И в перерывах она не могла оторваться от него, целуя его лицо – глаза, нос, губы и подбородок. Огромный колючий подбородок с вечно плохо выбриваемой глубокой ямочкой, который она сосала, как леденец, обсыпанный жестким сахаром...

Время проходило так быстро, что хотелось заглянуть под крышку часов: кто там подводит стрелки?

Люба вернулась на работу совершенно ослабленная от своего маленького, но долгожданного счастья. Телефон в ее сумочке все это время надрывался, и батарея почти села: муж искал ее с обеда.

– Ты почему трубку не берешь? – закричал он, как только она набрала его номер. – Я тебя уже потерял, думал, что-то с тобой случилось.

– Не волнуйся. Я была на выезде. Телефон в кабинете забыла, – ответила Люба.

– На каком еще выезде? Куда ты ездила? – заводился муж.

– Ездила к одному танцевальному коллективу, тебе-то какая разница?

– Я тебя потерял! Я волновался! Думал, что-то случилось! – повторял муж с раздражением. – Ты когда дома будешь? У тебя рабочий день полчаса назад закончился!

– Не знаю, – отозвалась Люба. – Я только вернулась, у меня еще куча офисной работы. Надо срочно подотчет сдать.

– Ничего не знаю, иди домой, короче! А то я позвоню сейчас твоему начальнику... – не унимался супруг.

– Звони, – отрезала Люба и бросила трубку. Однако через полминуты телефон зазвонил снова.

– И не смей трубку кидать! Слышишь? Иначе я тебе по городскому звонить начну!

– Прекрати истерику, – попросила Люба. – Зачем ты звонил? У меня батарейка сейчас сядет!

– Я хотел узнать, собираешься ты домой или нет!! Кирюха уже три раза спрашивал, когда мама придет!

– Я ответила тебе. Теперь я могу положить трубку?

– Нет, ты не ответила!..

Этот разговор мог продолжаться часами. Люба прекрасно знала весь сценарий. Бросить трубку было невозможно, потому что начнутся звонки на городской.

Дома предстоит очередной тяжелый разговор. Люба постоянно задерживалась на работе, и ее редкая тайна была тут совершенно ни при чем. При чем был только Любин трудоголизм.

Запуск новой программы, конечно, может пройти без ее автора, но как автор узнает о том, что понравилось посетителям, а что нет? Конечно, Люба старалась отсматривать свои программы в работе; хотя бы раз в неделю для этого приходилось оставаться после девяти, а девять – это только начало...

Когда ее спрашивали, как относится муж к ее графику, – отвечала, что он уже привык. Муж и вправду чаще всего с пониманием относился к ее напряженной работе, даже почти уже не обижался, когда в ответ на «поговори

со мной... расскажи мне что-нибудь» слышал: «Я за день столько наговариваюсь, что язык к вечеру не ворочается», – но стабильно, раз в месяц, его толерантность давала сбои.

В таком случае летели чашки, жмурился и дрожал в соседней комнате Кирюшка, больше всех доставалось телевизионному пульту – он был перемотан скотчем многих, многих лет, как все отношения Любы с мужем – перемотаны до следующего раза...

Что было ответить после «можешь вообще не приходить»?

Настроение – в помойку, семейная жизнь – в помойку, личная – ладно, чего уж иллюзиями тешиться, этот раз был точно последним, соответственно, ее – тоже в помойку, кучу не разобраных бумаг на столе – туда же...

Люба вышла на улицу, чтобы покурить и хоть немного успокоиться. «И больше незачем любить кого-то рядом, больше незачем курить, курить не надо» – несло из чьего-то автомобиля. Песня-усмешка... Она начала курить после того, как влюбилась. Любовь, как неожиданная и несвоевременная болезнь, атаковала ее ослабленный организм, изношенный от многолетних, уже давно не трогательных отношений с мужем. Новое, очень хорошо забытое старое чувство вдруг так остро прожгло ее внутреннее зрение, что все события стали восприниматься либо как зверское несчастье, либо как счастье неземное. А когда у человека несчастье, надо выпить. А когда у человека несчастье в рабочее время, то выпить нельзя, – надо хотя бы покурить. А поскольку на рабочем месте курить было нельзя, потому что он мог увидеть или узнать, – то надо выйти на улицу, свернуть за угол и там жадно накачиваться никотином, чувствуя, как начинает покалывать кончики пальцев, как атмосфера сильнее прижимает к земле и вытесняет тяжелые мысли...

Люба часа два просидела за своим столом, доводя до ума отчеты, планы, графики, служебные записки, и даже не заметила, как много времени прошло. Коварны весенние вечера, светло допоздна.

Она очнулась от работы, когда в ее кабинет ввалился Левка и произнес свое фирменное:

– Ночевать тут собралась? Тебя уже из дому выгнали?

– Левка, не издевайся. Меня, пожалуй, и вправду выгнали.

– Ну тогда нам торопиться некуда! Пошли по чашке кофе выпьем!

– Я уже вообще-то идти собиралась.

– Пошли посидим, тебе не помешает. Вон лицо уже всё... зелёное. Кофе попьешь и домой

поёдешь, – напомнил Левка про утреннюю эпидемию «ё».

Люба рассмеялась и вышла вслед за Левкой узкими, сверкающими кафелем коридорами в зал ночного клуба.

Ночная жизнь города только разгоралась. Под ароматный горячий кофе Люба наблюдала, как вальяжно раскидываются за столиками шестерки, напускающие тузовский шарм на своих спутниц, как тройка случайно проскочивших через охрану малолеток нагружается коктейлями, визгливо хихикая...

– Их же можно по смеху отсеивать, – сказала Люба Левке, показывая на стойку бара. – Так глупо ни одна женщина не смеется, только школьницы.

– Кому надо их отсеивать, вот ты скажи? – ответил Левка. – План прибыли по бару выполняется – и ладно.

– Да какой с них план? Закажут на копейку, а дуреют на тысячу... А эти, похоже, ссориться сюда пришли, – кивнула Люба в сторону какой-то парочки, застывшей в напряженных позах и без тени улыбки на лицах.

– Бывает... посмотрел не на ту, вот и ссорится.

– Странно одеты как-то... Он чуть ли не в домашних тапочках, а она – будто в офис работать пришла, а не в клуб веселиться.

– Это ты странная, Любка. Люди ходят в клуб в чем хотят, ты до сих пор удивляешься?

Началась программа. Эту программу Люба писала еще четыре месяца назад, она шла по вторникам раз в две недели.

Под барабанную дробь пятеро девушек в красных пилотках и красных галстуках вышли на сцену. Кроме галстуков, на них были красные юбки, гольфы до колен и туфли без каблуков.

Люба при подготовке сценария сделала акцент на том, что галстуки должны быть больше тех, которые носили лет двадцать назад – чтобы казалось, что девушки меньше, и их грудь была хоть условно закрыта.

Вместо обычных официантов также стали появляться «пионерки», а на сцене начались какие-то пионерские конкурсы.

Люба знала, что гвоздем вечеринки будет детская игра «Пух, мех или перо», в которую с азартом начнут играть взрослые перепившие дяди, но это будет ближе к трем часам ночи, когда их сексуальный инстинкт достигнет своего пика, и с влажными ртами они будут хватать оставшихся одиночек-девушек и орать им в ухо «Пух? Мех? Или насоооос? Ага!! Насос – целуй взасос!!!»

Как-то Левка ее спросил, похожи ли сценарии, которые она пишет, на то, что потом по ним происходит в действительности.

– Понимаешь, Лев, когда я пишу, у меня в воображении стоит картинка, но она какая-то... неиспорченная, что ли... Там нет таких моментов: «в стельку пьяный участник ломает микрофон и кроет матом свою партнершу, по вине которой он не выиграл пузырь пива».

Они сидели в «мягкой зоне», Люба устало откинулась назад, и Левка, на плечо которого она совершенно по-дружески сложила голову, придерживал ее за талию.

Вдруг Люба отвлеклась от шоу, потому что услышала Левкино сердце, колотившееся в ее затылок с совершенно ненормальной амплитудой. Оно стучало громко, точно изнутри пыталось прорваться сквозь закрытый колодезный люк, и часто, как метроном на репетиции хардрокерской группы.

«Чего это он? – удивилась Люба. – На меня так реагирует, что ли?» Левка был примерным семьянином, никогда не позволял себе даже пошутить на межполовые темы, может, поэтому Люба и не ожидала такой его реакции... Ей оставалось только догадываться, что сейчас творилось в его голове... Она несколько минут слушала постепенно приходящее в норму сердцебиение, пока не придумала, на что переключиться.

– У тебя есть ручка-бумажка? – спросила она Левку.

– Муза укусила? – рассмеялся Левка. Он попросил официантов принести бумагу и, заглянув в Любкины глаза, задал вопрос:

– Тебя саму заводит то, что происходит по твоему сценарию?

Любка махнула на него рукой. Глупый вопрос. Заводит ли ее куча пьяных мужиков с салными глазками?

Другое дело – когда она пишет сценарий. Этот, «пионерский», она придумала после прошлой встречи, такой, как сегодня. Они пили друг друга долго, жадно, а потом, когда она одевалась, он сказал, что в своей короткой красной юбочке она похожа на маленькую шкодную пионерку...

Как каждое его слово о ней, эти слова тоже всерьез запали в память и меньше чем через неделю вдохновили на сценарий, неофициально признанный самым заводным за историю этого клуба. Люба ловко поддела сокровенную тему – первые влечения и опыт, и слух о вечеринке по вторникам пошел по мужской части города из уст в уста, как о новом порножурнале, который никто не видел, но все читали.

Люба торопливо записывала поправки к сценарию, чтобы завтра при дневном свете рассмотреть их и пустить в работу. Набралось уже не меньше двух листов, когда началась «женская» часть вечеринки.

Конечно, самый желанный парень – это вожатый с гитарой. То, как хореограф Вика сумела совместить вожатого со стриптизером, можно было по праву назвать искусством. Вика ставила танцы так, что, казалось, знала заранее, в какой момент зрители будут дышать с какой частотой, и какой у них будет в это время пульс, – это всегда восхищало Любу. Жаль, что не часто удавалось увидеться и поговорить с Викторией, как, впрочем, и с прочей «неофисной» частью коллектива – только после обеда они просыпались, приходили в клуб и начинали репетиции.

Зал визжал в полста женских глоток, руки тянулись к мускулисту Федору Иванычу, который вытворял с бывшей пионерской символикой такое, что партийные деятели не только исключили бы Любу из пионеров, школы и советской жизни, но и разделились бы с ее предками, если бы только могли предположить, куда заведет через много лет ее бурная фантазия.

Вожатый Федор Иванович (в быту просто Серега Гладкий Маршалл) продолжал взъерошивать женскую часть зала, но Люба заметила, что одна девушка даже не обернулась к нему ни разу, сидя за своим столиком спиной к сцене. Та самая, из ссорившейся парочки. Ее «тапочный» спутник куда-то вышел, и она сидела неподвижно, уставившись в одну точку. Левка проследил за взглядом Любы и пошутил:

– Снимать надо Гладкого Маршалла с программы. Зрительницы уже на его танцах засыпать начинают. Кстати, Гладкий Маршалл с женой разводится.

– Загулял? – самое логичное предположение для стриптизера.

– Будешь смеяться, но жена загуляла. Он на работу – она по мужикам. Он ее выследил и застукал в машине с каким-то жгучим брюнетом, припарковались у конкурентов...

Люба застрочила по бумаге. У нее родилась идея с древней мальчишечьей забавой – расстегиванием бюстгалтеров. Надо использовать это в конкурсе... После такого заводного маршалловского номера мужская аудитория приунывает, надо их встряхнуть...

Бог знает, сколько времени прошло, когда ее отвлек от обдумывания этой идеи разговор двух официанток у барной стойки:

– Да я к ней уже раза четыре подходила! Говорю, глаза открыты, не реагирует.

– А этот... с ней который был, давно ушел?

– Уже часа два назад, наверное...

– Не расплатился?

Через пятнадцать минут ведущий вышел на сцену, торжественно объявил о завершении программы и пригласил оставшихся на танц-

пол в соседний зал. Охранники помогли самой неликвидной части зала доползти кому до выхода, кому до столика в другом баре, и через несколько минут в зале не осталось посторонних, кроме неподвижно сидевшей за столом девушки. Зажгли яркий свет, и Доктор Лена с администратором направились к ее столику. Люба, впервые увидев свой клуб в таком свете, даже не догадывалась, что здесь возможно ликвидировать всю темноту...

Стены из бархатно-черных превратились в грязно-серые, обитые самой дешевой холстиной, местами прожженные сигаретой или разодранные на угол... Сверкающие столики оказались в разводах и царапинах, а темно-синее ковровое покрытие со светящимися флюоресцентными звездочками – в пятнах непереверенных кем-то коктейлей...

Все это в какие-то секунды Люба отметила, пока вместе с остальными подходила к девушке. Та сидела неподвижно, откинувшись на спинку диванчика, и руки ее сжимали мобильный телефон... «Реакции зрачков нет, – тихо сказала Доктор Лена и громко объявила: – Разойдитесь все, ничего не трогайте до приезда милиции. Похоже, передозировка».

– Часто у нас такое бывает? – спросила Люба Левку.

– Бывает, – туманно ответил он. – Сейчас снова копать начнут: кто продал...

– Неужели охрана не знает, кто продает в нашем клубе? Ведь наверняка тут одни и те же дилеры?

– Ты еще «дистрибьюторы» скажи, – ухмыльнулся Левка. – Ты у нас не задавай никому подобные вопросы, совет такой.

Люба вернулась в кабинет, набрала домашний телефон и сказала голосу мужа: «У нас тут несчастье... встретишь меня?»

Он вошел в ее кабинет через двадцать минут, погладил по голове, опущенной на руки, тихо сказал: «Пойдем, нас такси ждет», – и вывел на улицу.

После дневной пыльной бури прошел сильный дождь, пахло свежими почками, горели неоновые вывески и куча золотых огней на дороге... Закончился этот день, ставший дурным ознаменованием худшего этапа в жизни Любы...

ГЛАВА 2. ГОЛУБИ

Фен привычно жужжал, укладывая Любны волосы вокруг щетки. Сама она вертелась перед зеркалом в одном белье: если надеть что-то еще, быстро вспотеешь от горячего фена, и придется снова мыться.

Кирюшка в ванной плескался и жужжал зубной щеткой, и Люба каждую минуту отрывалась от фена, чтобы подогнать его.

Муж сквозь собственные потягушечки в кровати давал ценные советы:

– Надень ему куртку, че-то из форточки прохладный ветер.

Люба сквозь зубы процедила, что на градуснике плюс двадцать три.

– Ты мою летнюю рубашку не видела? – протянул муж.

– Встань и посмотри в шкафу.

– Может, я хочу, чтобы ты мне достала, погладила и принесла?!

– Я опаздываю. Кирилл, вытирайся! Бегом джинсы надевать!

Муж громко застонал, потягиваясь во все стороны, потом сполз с кровати, подошел к Любе сзади и обнял ее, прижавшись изо всех сил.

– Пусти. Я опаздываю, – сказала она через три секунды.

– Что, я уже не могу свою жену обнять?

Любу всякий раз колотило от его совершенно неуместных нежностей.

– Сколько раз я тебя буду просить – не лезь ко мне, когда я тороплюсь!

– А что ты тут бегаешь передо мной в одних трусах?

– Я не перед тобой бегаю! Я просто бегаю!

– Опять начала!.. – недовольно заворчал муж, повышая голос. – С утра все настроение испортила! С тобой вообще невозможно разговаривать в последнее время!

Кирюха привычно подпрыгивал, дергая Любину руку, и взахлеб рассказывал о своем очередном изобретении: «Такой лифт, когда в него заходишь, загорается экранчик, там мультики и бегущая строка с рекламой»... Кирюха был экспертом по рекламным и корпоративным шоу-мероприятиям, то ли наслушавшись маминих разговоров с отцом, то ли генетически впитав страсть к ярким впечатлениям...

Давно прошло время, когда он шел в детсад с ревом, – теперь он смирился и даже научился получать от садика свои маленькие детские радости. Только Любу каждый раз передергивало от отвращения, когда открывалась дверь и шибал в нос резкий, особый запах – такой бывает только в детских садах: сбжавшее молоко с чайными ополосками, многолетняя краска на лестницах и притворная воспитательская приветливость, которая в отсутствие родителей превращалась в ненависть... «Педагоги и педофилы... последние хоть любят детей...» Каждый раз вскакивала в голове эта дурацкая шутка. Каждый раз сжималось сердце,

когда Кирюшка махал ей лапкой и скрывался за дверью...

Теперь долгий марафон до остановки. Хотя как посмотреть. Это зимой – долгий изнурительный марафон, в начале которого околеваешь от ветра, а к концу тело так раскошегаривается, что приходится расстегивать верхнюю пуговицу дубленки. Медленно ходить Люба не умела, отчего Кирюшка вечно страдал... А летом долгая прогулка до остановки – приятная возможность почувствовать вокруг себя силу лета и маленькую, но радостную жизнь зеленой планетки.

Снова попалась на глаза странная картина на газоне: остатки голубя с расклеванной грудной клеткой. Только этой весной Люба заметила: то там, то тут появляются такие «орлы», распластанные на спине и с оголенной грудной костью, как у обглоданной курицы. Про такое Люба никогда не читала и не слышала, и каждый раз хотела обратиться к знакомому биологу с этим вопросом, но забывала о голубях ровно через пять минут... Муж недавно говорил, что заклеивают голубей свои же – более сильные. И вроде как от голода. Но Люба не очень доверяла своему эрудиту, предпочитая проверять всяческую информацию.

Падающие птенцы – это понятно. Только вчера у соседней девятиэтажки Люба предусмотрительно обвела Кирюху вокруг мокрого пятнышка на асфальте, в центре которого лежал навеки голый воробей. Но взрослые голуби – это странно...

Впрочем, мысли о голубиной смерти скоро уступили мыслям о человеческой. Все сотрудники клуба обсуждали только вчерашнее происшествие. Следователи изъяли записи видеонаблюдения, поэтому коллеги восстанавливали картину по собственным воспоминаниям и фантазиям.

Маринка-Мальвинка громко поведала, что эта проститутка появляется здесь каждую неделю, хотя сама Маринка никогда не задерживалась в клубе после семи вечера и знать этого не могла. Маринка Седая объясняла, что девушка никакая не проститутка, потому что в клуб поздно ночью приехал ее муж. Терещенко из службы охраны уверял, что муж был совсем не тот человек, с которым девушка тут иногда появлялась... а в принципе во всем этом хаосе молчали только Люба с Левкой. Причем Левка молчал лишь потому, что уплетал толстый бургер.

Прописал телефон – Люба получила смс, где ей желали доброго утра. Привычно обрадовалась и написала ответ. Пора работать...

Новый голубь ждал ее через несколько дней на другом газоне. «Мама, гляди, кошка съела

птичку», – без всякого отвращения и скорее, с любопытством прокомментировал Кирюшка. Этим вырвал ее из привычной задумчивости, которой она всегда страдала по дороге в сад и которая так злила Кирюшку, страстно желавшего общаться в короткие минуты пребывания с мамой.

«Надо купить ему легкие шорты на лето», – в который раз подумала, глядя на торчащие из плотных джинсов ноги в желтых носках. Уже припекало по-летнему, и день обещал быть жарким.

Утро началось премерзко.

Ровно в девять позвонил автор и потребовал гонорар. Его не устроило сообщение Любы, что гонорар он получит после того, как проработает сценарий с ее поправками заново.

– Какие поправки? Я – творческий человек, вы понимаете это, девушка, или как вас там? Я пишу, как дышу, и я не могу ничего переправлять, да еще и после вас! И если вас не устраивает мой сценарий – я больше вообще не буду с вами работать! Я работаю с клубами уже пятнадцать лет и лучше других знаю...

Люба положила трубку на стол и, слушая похрюкивания, застучала по клавишам электронное письмо новосибирскому скрипачу, которого намеревалась пригласить для частной вечеринки.

Спустя минут пять трубка полностью замолкла. Люба взяла ее, чтобы положить на место, и вздрогнула от щекотливого смеха, который вдруг раздался в трубке.

– Вы что, меня не слушаете? – завизжала она пуце прежнего.

– Не слушаю. Идите... – ответила Люба и положила трубку.

Через десять минут ее вызвал Александр Палыч, напротив которого сидел Левка и нервно постукивал телефоном по столу.

– Ну что, госпожа арт-директор, мне на тебя авторы жалуются, – фамильярно произнес босс.

– Александр Палыч, это все потому, что я на них не жалуюсь, считаю это ниже собственного достоинства.

– А с чего ты решила, что тебе на них можно жаловаться?

Любу часто бесил этот напыщенный мажорчик, получивший клуб от папы к окончанию финансового вуза, и только благодаря тому, что папа сам вел все коммерческие проекты, а сынуля – только финансовую часть, клуб еще не потерял своих посетителей. Был ли Сашок талантлив в финансах – отдельный вопрос, отчетности и строгости в бюджетах с его приходом ощутимо прибавилось. Но то, что как управленец он был дерьмецо, было ясно не только Любе. Сейчас, пользуясь папиным от-

пуском, он вникал в прежде закрытые для него вопросы.

То ли оттого, что старше на три года, то ли оттого, что сама не была профаном в менеджменте, Люба никак не воспринимала его всерьез, на все его выпады реагировала с серьезным спокойствием, хотя в душе хохотала до упаду, глядя на его попытки делать бровки и строить людей, как папа. «Папа – тот хоть с харизмой, умный и проницательный человек, хоть и бывает вспыльчив, – рассказывала Люба мужу. – Но этот!.. Получи сначала уважение людей, а потом ровняй их с землей, если считаешь, что они этого заслуживают»... Сашок, похоже, все-таки читал на Любином лице некоторое пренебрежение, и оттого еще больше злился, когда безуспешно пытался на нее надавить.

– Александр Павлович, – спокойно и с хорошо скрытой усмешкой, которую, казалось, мог понять только Левка, начала Люба. – Автор, которого я послала, не стоит ни тех денег, которые мы ему платим, ни тех минут рабочего времени, которые мы с вами – высокооплачиваемые менеджеры – тратим на обсуждение этой проблемы. Если это протезе кого-то из близких вам людей – так и скажите, может быть, я предложу другой способ дать этому человеку заработать. Если угодно – принесу вам прочитать его оригинальный сценарий. Леонид придерживается того же мнения, если я не ошибаюсь?

Левка заерзал.

– С автором не очень удобно работать, – подтвердил он. – У него нет компьютера, рукописи он передает через дочь. Это долго. Саш, по адресу его послали, если честно.

Сашок повернулся к ним (все это время он сидел, уставившись в свой компьютер), убавил звук гремевшей у него музыки и мягко, что не предвещало добра, спросил:

– Так вас не устраивает работа с автором?

Левка заерзал еще сильнее, а Люба посмотрела в окно – пробивалась молодая зелень, еще пару дней – и город окутает зеленое облако...

– Почему нужно хамить взрослому человеку? Что, нельзя просто сказать ему: «Нас не устраивает работа с вами?»

– Сейчас же перезвоню и попрошу прощения, – твердым голосом (только б не рассмеяться!) сообщила Люба.

– Вот-вот, перезвони. Что с выпускными? Когда будет программа?

– Через три дня, – подумав, ответила Люба. За программу выпускных она еще не бралась, но признаться или тянуть дальше невозможно.

Сашок записал в своем ежедневнике на понедельник: «Жаркова, выпускные», сделал музыку погромче и воткнулся в компьютер.

– Все? Пошла работать? – уточнила Люба. Тот кивнул. – Спасибо.

Левка громыхнул стулом и вышел следом.

– Почему ты каждый раз говоришь ему «спасибо», будто он что-то для тебя хорошее сделал?

– Он и сделал. Во-первых, топ-менеджер уделил мне время. Во-вторых, каждый разговор добавляет мне в копилку что-то важное.

Левка посмотрел внимательно, разглядывая иронию или ее отсутствие, потом улыбнулся и спросил, когда они соберутся обсудить выпускные.

– Давай на обед куда-нибудь съездим и обсудим, – ответила, улыбнувшись, Люба. – Заодно конкурентов помониторим.

– Не забудь прощения попросить, – напомнил Левка.

Кто из них начальник – кажется, они порой даже забывали. Левка сваливал на Любу все дела, где требовался нестандартный подход. Она приходила к нему в кабинет, чтобы рассказать: Лева, у меня на май план работ такой-то и такой-то, ага? – Ага, – говорил Левка. – Давай, дерзай. Сам гонял штат в хвост и в гриву, закупщиков – за размороженную рыбу вместо охлажденной, официантов – за медлительность и ошибки в счетах. Пользовался уважением Папы и так же посмеивался над Сашком, но не смел ему перечить и предпочитал отделаться от его нападок бородатыми шутками. Часто помогало.

С ним было легко и спокойно, почти как с другом, но Любе ужасно не хватало в своем комдиректоре того, что было у предыдущего, на «Седьмом канале» – свежего и пронизательного взгляда на рынок, на бизнес и существующие в нем отношения. Не хватало Учителя, каким был прежний, с которым все было насыщено и ярко – любая война и любая победа. Учитель и Любимый, два в одном...

Она думала об этом постоянно и страдала от того, что видит его теперь так редко, не только потому, что не было рядом его теплых глаз и лукавой улыбки – этим она никогда не была избалована. Трудней всего оказалось без его объяснений: почему и как, – никто в жизни не дал ей знаний и понимания рынка больше, чем этот странный человек...

– У них (ты заметила?) девушек обслуживают парни, а парней официантки-девушки, – делился Левка наблюдениями в стане конкурентов, дожидаясь своего заказа.

– Нас с тобой девушка обслуживает, но мы же не парни, – ответила Люба.

– Значит, что? Значит, девушек-официантов у них просто намного больше...

Пустой треп, попытки выжать из себя не-много остроумия, и вот, наконец!..

– Солянка, судак, – объявила официантка и выставила с подноса тарелки.

– Солянка хуже нашей, – мгновенно отозвалась Люба после первой ложки.

– Ты вообще фанат нашей солянки, – прожевал Левка.

– Нет, есть только одно место, где солянку готовят лучше. – Естественно, последовал вопрос «Где?», и Люба ответила только: – Далеко, отсюда не видать. В Москве.

В Москве была солянка – всем солянкам солянка. Тогда, в предыдущей жизни, дорогой ей человек кормил ее супом из ложки (видимо, считая это высшей мерой ухаживания) за несколько часов до того, как они вернулись в гостиницу, а потом еще немного – и впервые сплелись в партере. С тех пор солянка – великая вещь, но почему-то с Левкой она пресная или это заведение конкурентов что-то недокладывает...

– Давай, вспоминай, как у тебя выпускной прошел? – Люба попыталась настроиться на рабочий лад и уйти от лишних воспоминаний.

– Как у всех... напился, кормили унитаза... Что, разве по-другому бывает?

– Конечно, бывает. Ну что ты чувствовал? Была девочка, которая тебе нравилась? Ты танцевал с ней?

– Да брось ты, Любашка, какая девочка? Она еще раньше напилась с подружками и отсиживалась в туалете. А что чувствовал? – ничего. Только, что кончилось все наконец-то, и впереди – армия или институт.

– Н-да... неромантично как-то... А что бы ты хотел изменить в своем выпускном?

– Ну... это тебе лучше знать. Я со словом «бы» вообще не дружу, – улыбнулся Левка. Полное отсутствие фантазии восхищало Любу безо всякого иного подтекста. Наверняка просто и очень хорошо живет человек без фантазии. Он не мучает себя вопросами о том, чем сейчас занимается его любовь, не дышит ли другой в ушко так же громко и глубоко, как несколько дней назад с Любой... Впрочем, увлеклась...

– А у тебя как прошел выпускной? – отвлек Левка.

– У меня – очень скучно. Очень старалась выглядеть невероятно веселой, но чувствовала лишь полное одиночество. Зато на следующий день написала кучу стихов, за которые даже сейчас не стыдно. А через несколько дней и вовсе влюбилась без оглядки, просто по-сумасшедшему, в первый раз в жизни, представляешь?

Левка улыбнулся.

– В семнадцать лет в первый раз? Ну ты даешь...

– Представь. Я была гадким утенком, – Лева с недоверием посмотрел на Любу, – серьезно! Я весила чуть больше сорока килограммов, была носатым лохматым подростком, похожим на пуделя, и в семнадцать выглядела на четырнадцать... К тому же перманентно хипповала, одевалась, в понимании наших гимназистов, как лох...

– Погоди... столько слов... про хипповала еще понятно, а вот перед этим было слово...

– Перманентно? – Люба рассмеялась, – забудь. Просто хипповала.

– Да нет уж, скажи, как-нибудь вкручу на переговорах с «Кока-Колой»...

Они весело закончили обед, расплатились и закинули в рты по жевательной резинке, приложенной к счету.

– Фу, у них «Дирол», – заключила Люба, как обычно, вызываясь громко. – Не то, что в «Комильфо» – там «Орбит»!

Это не имело никакого значения, кроме ритуального, вроде, как кошки заскребают коврик.

Восемнадцать ноль-ноль. «Не повод идти домой», – мысленно продолжила Люба, налила из кулера воды и достала пачку чипсов. Начинается вторая смена. Удобное время, если требуется серьезно подумать: ушли домой бухгалтерия, кадры... никто не звонит по телефону: «Все пропало! Срочно сделай...»

Только по выходным и после шести, то есть в нерабочее время, текучка не отвлекает от стратегических и важных задач, дает возможность как следует подумать. Получается, функция «подумать» не оплачивается в рамках нормального рабочего времени и не доплачивается за сверхурочное. Следовательно, это благотворительность. Вот и сейчас Люба осталась, чтобы подарить своему клубу некоторое количество своих мозгов...

Что хочет выпускник? Такой выпускник, как Сашок: мажорчик, имеющий твердую дорогу в жизнь? Не думающий об армии и поступлении в вуз? Другим выпускникам будет не по карману выпускной вечер в клубе...

Что хочет девочка семнадцати лет, которой папа на выпускной подарит машину?

Как-то бабка в автобусе зацепила Любу колючей клетчатой сумкой, и на Любино возмущение «колготки порвете», ответила злобно: «Ничего, папочка новые купит»... Люба тогда растерялась от ненависти... Колготки в то время она покупала раз в два года со своей стипендии в семьдесят рублей...

Чего они хотят? Несомненно, подтверждения своего статуса – своей исключительности

по происхождению. Они хотят думать, что так будет всегда – папа и его капитал.

Что можно им предложить? Можно ли хоть как-то, хоть тонким намеком заставить их задуматься, – пусть не сейчас, а немного позже? Дать просто понять, что они – сами по себе личности и могут ничуть не меньше, чем папа, только нужно самим – самим! – пройти все круги и понять, как устроен мир...

Ставить им классику и балетные номера – это смешно. Они посмеются над тощими балетринами. Возраст еще тот, когда кабаре интереснее балета.

Метать бисер... Хотя почему не удивить их именно классикой? Классический венский бал, с хореографической подготовкой накануне выпускного, – ведь элита европейской молодежи это практикует, почему нашей не попытаться? Пусть почувствуют себя по-настоящему взрослыми... подать блюда, которые они видели только в кино – вряд ли родители уже кормили их устрицами, слишком сложно... Но, с другой стороны, зачем сложности – потребителю надо давать то, что он готов потратить...

Не во сне, а наяву прозвучала телефонная мелодия, которая заставляла сердце Любы колотиться, как стальное колесо на стыках рельс. «Чем занимаешься? Давай я за тобой заеду»...

Перво-наперво – звонок мужу. Чтобы не дергал каждые двадцать минут дежурным «Ну где ты? Когда дома будешь? Кирюшка уже заждался»... Совещание, обсуждаем выпускные – и вранья никакого, потому что этим бы и занималась, если бы не он...

– Салют, – улыбнулся и загляделся на Любины коленки, когда она уселась на переднее сиденье. Куда и зачем ехали – Любе было не важно.

Он остановился недалеко от пляжа, и вдвоем направились в пустынное пляжное кафе, обдуваемое всеми ветрами. Официантка долго объясняла, чего нет из написанного в меню, наконец, взяла заказ – и они наедине. Простой разговор, как да что, как работа и что нового...

Трудно было с ним говорить, если он молчал: никаких острых тем, никакой оригинальной истории Люба не могла ему предложить. Сложно заинтересовать человека, который намного интереснее тебя самой. Приходится скатываться на полушутки и твердить как заведенная: «ничего, прорвемся, вот увидишь, все делается к лучшему, только мы не всегда об этом знаем»...

Принесли шашлык – несколько кусков мяса на картонной тарелочке, политые алым прозрачным кетчупом (как это вообще можно называть кетчупом?!). Появился повод поговорить о шашлыке...

О чем говорили и сколько сидели – Люба не запомнила. Она только впитывала его мелкими глотками, продляя удовольствие, зная, что следующая встреча может случиться не скоро. Она бы вообще молчала, прижавшись к его полному плечу, но на такое имеют право только жены...

Странно, но никогда не хотела оказаться на месте его жены. И не только потому, что он заглядывал на сторону. Вспыльчивый и амбициозный, способный оскорбить, войдя в раж, он был наверняка невыносим в домашней жизни.

Они вышли из обветренного и пыльного кафе и отправились вдоль набережной. Ярко горело солнце, отражалось в окнах прибрежной гостиницы, и Люба жмурилась, как кошка на крыльце.

– Грязный город. Тяжелый город, работы нет, – заговорил он. – Я ищу работу в Москве.

Люба не сразу поняла, что это значит.

– Здесь нет для меня работы, рынок сильно отстает от других городов-миллионников. Слишком давит городская номенклатура. Расти некуда... За полгода, как ты ушла, – ни одного громкого проекта. Я уже решил, что уеду в Москву.

– А как же твоя семья? – Люба даже не могла, не смела спрашивать: «А как же я?»...

– Перевезу их попозже, когда сам устроюсь. А ты не думала о том, чтобы переехать в Москву?

Разговоры о Москве начались в Любиной семье давно, видимо, под влиянием его рассуждений о грязном безысходном городе. И каждый раз муж твердил ей одно: нет, мне в Москве делать нечего...

– Не трави мне душу, – тихо проговорила Люба, глядя на его морщинки от прищуренных глаз. – Я не смогу туда уехать с семьей, а одной мне там нечего делать...

– Может быть, это и правильно, – отвечал он задумчиво. – Семья – это главное. У тебя хорошая семья, береги ее...

Будто в каком-то ступоре она вышла после недолгих поцелуев в машине и зацокала домой. Скоро эта история совсем закончится... а может быть, он еще и не уедет... Вдруг ему подвернется работа в городе-болоте, вдруг станет страшно или просто лень что-то менять...

– Устала, солнышко? – спросил муж, помогая расстегнуть ремешок туфли. – А я тебе курочку приготовил!

– Я уже чувствую по запаху, – раздраженно ответила Люба. – Опять чеснок добавил. Ты же знаешь, я вообще не могу этот запах выносить. Будто специально так делаешь, чтобы я не ела.

– Пришла... – протянул муж. Ухнул туфлю в угол и ушел в кухню.

– Почему раскидал игрушки и не прибираешься? – добралась Люба и до Кирюшки. – Прибирайся немедленно и спать! Под десятого, ребенка никто и не думает спать укладывать!

– Что ты разоралась, не успев зайти! – возмутился муж.

Усталой и измотанной Любе не под силу было удержаться от скандала...

– Выключай компьютер, я спать хочу, – попросила она перед сном.

– А я не хочу, – возразил он.

– Подвенадцатого, мне рано вставать. Ты мне мешаешь.

– Ну что поделает? Я не хочу еще спать.

– Да, в конце концов, сколько можно? Сидишь в своих тупых форумах, играешь в пацанские игрушки! Когда уже это детство закончится?! Я спать хочу!! – Люба кричала шепотом, чтобы не разбудить Кирюшку.

– Я не знаю, когда все это закончится! Я, может, хотел бы чем-нибудь другим заняться, только ты же, как обычно – хочешь спать!

– Если бы ты хотел «чем-нибудь другим», ты бы заранее побрился и лег намного раньше!

– Ага! Фиг! Дождешься от тебя! Я хоть на три раза побреюсь, все равно ничего не будет!

Через десять минут он, пахнущий свежей водой после бритья, гладил Любу под одеялом. Она психовала оттого, что хотела спать, и оттого, что единственный способ оттащить мужа от компьютера – намекнуть ему. Пока он брился, она успела уснуть, – теперь же он разбудил ее, требуя своей порции.

– Не лезь, – одернулась она. – Я хочу спать!

– Я так и знал, – разозлился он, встал и утопал на кухню греметь чайником.

Люба повернулась на бок, и злые слезы закапали на подушку. «Так тебе и надо», – думала она теперь, как еще год назад думала: «Вот изменю, будешь знать...»

«Выпускные... что делать с выпускными?» – вспомнила она за минуту до того, как заснуть.

Светлана Курач

Нам в Сибири зиму зимовать...

Десять осенних прогулок

1

Мне по почте прислали рассылку –
Расписание осенних ноктюрнов,
Увертюр, вариаций, рапсодий,
Шелестящих и морозящих,
Проливных, затяжных и внезапных,
Неизбежных в наставшем сезоне...
Нежно-пряно, волнуяще-горько
Веют бархатцев ароматы,
И горит, горит пятипальей
Алый лист на зеленом газоне.

2

Алый лист на зеленом газоне
Вспышкой дальних костров обжигает,
Как последней любви безрассудной
Полыханье безумства и света.
Переживши ночную остуду,
Пригубили чуть клены кагора,
Заалелись, зарделись прилюдно,
Что-то шепчут, бормочут, пророчат.
Им напели вчерашние ветры,
Что не вечно зеленое лето.

КУРАЧ Светлана Владимировна, член Союза писателей России. Родилась на Дальнем Востоке. Автор девяти поэтических книг. Стихи печатались в региональных и российских периодических изданиях, антологиях, коллективных сборниках, на литературных сайтах. Лауреат Международного конкурса им. А. Толстого, Международной Южно-Уральской литературной премии, региональных литературных премий: им. Л. Чашечникова, им. В. Макарова. Живет в Омске

3

Да, не вечно зеленое лето,
Звездопады все реже и реже,
Но все гуще туман над водою –
Белый призрак зимы отдаленной.
Скоро желтый камыш опустеет,
Словно дом, отпустивший питомцев,
Но хранящий пустые гнездовья,
Словно память свою родовую.
Так и город людей отпускает,
На крыло в нужный час поднимая.

4

На крыло в нужный час поднимая,
Напитавши легендой и былью,
Будет город и крепостью верной,
И родительским тылом надежным.
А в войну был он тылом рабочим,
Заводским, госпитальным, учебным.
А блокадница бабушка Вера
Вспоминать ни за что не желает,
Что пришлось пережить до Сибири!
Жаль, не видела сквер обновленный...

5

...Вы не видели сквер обновленный?
Посмотрите – совсем еще кроха,
К небу тянется ель голубая.
Коль придется однажды приехать –
Ель протянет пушистую лапу
И осыплет с верхушки высокой,
Словно с неба, снежком серебристым.
Сколько лет, сколько зим, сколько весен
Вспыхнет в памяти... Нынче же – осень
Удивляет богатством оттенков!

6

Удивляя богатством оттенков,
В новом сквере стекают с вазонов
Разноцветных петуний каскады.
В изумрудную зелень газонов
Апельсинами брошено чудо
Лепестковых шаров из оранжа!
И горят эти яркие солнца,
Золотые шафранные солнца,
Чтоб надолго впечатался в память
Щедрый свет уходящего лета.

7

Щедрый свет уходящего лета –
Он по клумбам причудливо брызжет,
И цветов городских осенины –
Теплый отсвет трудов человеческих,
Благодарность немая природы.
Тем дороже, чем недолговечней
Послевкусие всех юбилеев,
И твоих, именинник Сибири,
Бывший некогда городом-садом...
Возрождайся, цветы, молодея!

8

Возрождайся, цветы, молодея,
Новый город, богатый преданьем,
Тополиный, кленовый, рябиновый
И березово-бело-зеленый.
Пусть ветвистые нежные ивы
Ждут под сенью признаний влюбленных,
Пусть ребенок бежит по аллее,
А в руке – яркий лист пятипальный,
Пусть звенит на спортивных площадках
Детский смех – счастья лучшее эхо!

9

Детский смех – счастья лучшее эхо,
Ты впитай каждой порою в стены,
О, мой город, детей мне даривший!
И своих, и чужих ребятишек
Я учила смотреть с доброю
На природу, цветы и деревья,
Рисовать натюрморты, пейзажи,
И друзей, и пушистых любимцев,
И, конечно, свой город любимый!
И портретом порадовать маму...

10

Вы умеете радовать маму?
Ставьте в вазы ей ветки сирени,
Ставьте ветки горящей рябины!
...Я троих назвала омичами,

Колыбельные пела ночами,
Ты запомни меня молодою,
О, мой город, любовь мне даривший!
Я судьбу разделила с тобою,
Приняла все, что дать мне изволил,
Отдаю нынче словом и песней.

Большеречье, Макаровские чтения

Мы из местных птиц, не перелетных,
Нам в Сибири зиму зимовать.
Будет день – поднимут нас, бесплотных,
Над землей – пропетые слова...

Быть сибиряком – сердечной печью
Польхатъ и греть в любой мороз.
Так учил поэт из Большеречья, –
Что и сам учился у берез...

Скромный дом, зеленый, в три окошка,
Без особых, в общем-то, прикрас,
(Клен шумит чуть слышно,
Дремлет кошка,
Ухом поводя во сне сторожку...)
Что же здесь притягивает нас?

Тихого покоя не нарушив –
Наш визит, как памяти свеча, –
Инеем охваченные души
Подставляем солнечным лучам...

* * *

Отшуршала седая шуга.
Обжигают ветра, холодны.
Полонили снега берега
До весны, до весны, до весны...

Загустела, застыла шуга,
Ощетинив торосами льды.
Побежит по лыжне Синильга
До звезды, до звезды, до звезды...

Подо льдом то ли явь, то ли сны,
Брезжит потусторонняя жизнь.
Затанцуют поземки, стройны:
Запевай, зажигай, закружись!

Кажет издали выгнутый мост
Кружевной белоснежный подзор.
А зима укрепляет форпост,
Вырезает морозный узор.
Тянет первые строчки следов
Там, где волн усмирился разбег...
И напишут с других городов
Нам друзья на полотнищах рек:

«Посмотрите – у наших дверей
Холода и зимы колдовство!»
Зазвенит с колоколен церковей
Рождество, Рождество, Рождество!

Рождественские

В моей большой комнате-студии,
Украшенной новогодней елкой,
Неслышно летают ангелы,
Светловолосые, ясноглазые, невесомые...
В руках у каждого –
Маленькая золоченая лира.
За мольбертами рисуют дети...
В напряженной рабочей тишине
Все же мерещатся едва уловимые звуки:
Легкие посвисты
Рассекаемого крыльями воздуха
И серебряный перезвон
Изящнейших инструментов.
Ангелы перебирают струны тонкими пальцами,
Наигрывая каждому ученику
Его неповторимую мелодию.
Ну, и еще чуточку – беззвучно, по-своему –
Они подсказывают детям:
«Нарисуй на одеянии струящиеся складочки...»
«Сделай длиннее перышки на концах
крыльев...»
«Рассыпь побольше звездочек на небе...»
«Не забудь серебристое облако –
Вдруг захочется на нем отдохнуть...»
...Дети рисуют своим ангелам
Аккуратные маленькие нимбы,
А я похаживаю себе тихонько да посматриваю
И наконец, замечаю,
Что в комнате уже никто не летает,
А на детских рисунках
Мягко зажглись звезды,
Замерцали жемчужные тона оперений,
Нежно засветились едва уловимые
Ангельские улыбки...

Весна на Любинском проспекте

Здравствуй, Любушка! Здравствуй, милая.
Чуете, слышите, – снова весна!
Греется солнцем скамейка застылая...
Снова, Любовь, омичам не до сна!

Радуют свежестью крыши зеленые,
Скаты от снега свои обнажив.
В небе купаются птицы влюбленные...
Здравствуй, Любовь!
Здравствуй, новая жизнь!

К Вам ли под крылышко шумными стаями
Чаще, дружнее летит молодежь?
Значит, не только сугробы растаяли...
Мил ли Вам, Любушка, юный галдеж?

Мил ли, хорошая, вечер сиреневый,
Что по ступенькам спускается к Вам?
Вижу, Вы новое платье примерили,
Вижу, опять обратились к стихам...

То ль от стихов, то ль от солнца закатного
Щеки румянец заьет докрасна...
Где ж она, Любушка, – легкая, статная,
Прежняя омская Ваша весна?

Город купеческий Вас ли не жаловал?
Не уберег... Зимы долго идут...
Только от старого нынче до малого
Вашу скамеечку знают и чтут.

Что Вы читаете? Взор затуманенный...
Ярче проспект зажигает огни.
Жизнь открывается новыми гранями!
Люба, до завтра!
До солнышка раннего!

Любы на Любинском вешние дни...

Валерий Константинович

Армейский парадный мундир

Глава из романа «Моя драгоценная кладовка»

Как только открывалась дверь в кладовку, в глаза сразу же бросалась вереница плечиков, притороченных к полозьям Димкиных санок. На вешалках в живописном беспорядке ждали своей носильной очереди пальто, плащи, куртки и прочая верхняя одежда, которая не то чтобы отслужила свое и была уже никому не нужна. Когда все это «богатство» попадало сюда, предполагалось, что оно может когда-нибудь понадобиться. Но, бывало, оно висело здесь годами, время от времени пополняясь новыми экспонатами, и давно никем востребовано не было. Впрочем, это не относилось к вещам жены, о судьбе которых я скажу чуть позже.

В нижнем ряду этого парада была вешалка с армейским парадным мундиром, в котором 25 мая 1970 года я был демобилизован из рядов Советской армии. Лычки младшего сержанта, знак специалиста первого класса, комсомоль-

ский значок – все сохранилось на мундире в первозданном виде, то есть в том виде, в котором я вернулся из армии домой, снял мундир и больше никогда не надевал его. Зачем мы хранили его? Я давным-давно вырос из него, он был мал и для сына. А вот, поди ж ты, здесь, в кладовке, нашел свое пристанище и не торопился перебраться в другое место. Например, в «гардероб» старьевщика. Так, наверное, хранят вещь, с которой связано много теплых воспоминаний. Как же иначе объяснить присутствие мундира в кладовке, заваленной вещами, рулонами оставшихся от ремонтов обоев, папками с документами, стеклянными трехлитровыми банками солений и т.д., и т.п.?

Сквозь легкую дымку воспоминаний проступают очертания построенных в шеренгу новобранцев на плацу перед казармой. Одежда на нас самая неказистая, преобладают замызганные, иногда даже не по росту, телогрейки. Остриженные вдобавок наголо, до поры до времени многие из нас похожи на эков. Какими-то неведомыми путями, еще до призыва, мы узнали, что вся наша теперешняя экипировка уже никогда не вернется на наши тела. (Несмотря на заверения некоторых военных в обратном.) А значит, нет никакого смысла форсить друг перед другом новеньким пиджачком или домашней выделки свитером. Тогда даже самый последний дембель не позарится на нашу одежку, и ни один новобранец не будет раздет и одет в еще более неказистую ветошь до получения на армейском складе военной формы, начиная от трусов и майки и кончая кирзовыми сапогами с портянками. Раздосадованные без пяти минут дембеля-старослужащие покидают «смотрины». Но они на нас не в обиде. Три года назад они сами были такими.

И, конечно, не по одежке отбирали нас на

КОНСТАНТИНОВИЧ Валерий Сигизмундович родился в 1950 г. в городе Березники Пермской области. В 1968–1970 гг. служил в армии. По окончании факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в 1975 г. получил распределение в Омск на студию телевидения. В 1975–1987 гг. – редактор, главный редактор, заместитель председателя Омского телерадиокомитета. Окончил аспирантуру Академии общественных наук (Москва). Защитил диссертацию по эстетике анимационного кино. С 1990 г. – работа в Омске на различных должностях в областном Совете народных депутатов, в общественно-политическом центре, в Омской государственной областной научной библиотеке имени А.С. Пушкина и Центральной научной библиотеке Омского научного центра СО РАН. Автор книг: «Из юношеских тетрадей» (1997), «Вселенная мультфильма» (в пяти частях, 1999–2016), «По волнам памяти: воспоминания о прошлой жизни» (2001), «Библиографы» (2005), «И все довыплотится...» (в соавторстве с Л.П. Трубициной, 2009), «Письма из моего времени» (2017).

службу в тот или иной род войск, в последний раз пропустив через довольно большое количество врачей и военных специалистов на перевалочном пункте в областном центре. Нас всех, присутствующих там, попросили раздеться донага, и в таком виде, несколько смущаясь (в ряду врачей в белых халатах были одни женщины), мы прошли сквозь внимательно осматривавших нас специалистов разных профилей. Процедура была не из приятных, но так уж было заведено в те годы. В войска отбирали только здоровых во всех отношениях молодых людей. Лично для меня все прошло довольно быстро – я, почти не останавливаясь, ускоренным шагом миновал этот последний синклит, на правом фланге которого сидел молодцеватый майор и будто печать на мне поставил: «Можете одеваться». И добавил с улыбкой: «У вас все нормально, в хорошей части служить будете».

...Месячные курсы молодого бойца запомнились бесконечными тренировками подъема и отбоя, постановкой строевого шага на плацу и штудированием армейского устава. Наши тогдашние командиры с усердием, достойным лучшего применения, добивались от нас, чтобы мы знали устав, как «Отче наш». Но как бы лихо ни приходилось мне в те времена, предложение поступить писарем в штаб я отверг сразу и бесповоротно. Да и почерк мой помог. «Куда смотрели твои учителя, когда принимали у тебя экзамены по русскому языку?» – сердито ворчал старший сержант, проводивший предварительный отбор претендентов на работу в штабе, когда увидел, какими каракулями я испещрил лист бумаги под его диктовку. Сказал и мощно выругался матом, какого я никогда за свои восемнадцать лет не слышал. Он сделал это в сердцах, потому что очень надеялся в моем лице найти себе достойного преемника: по анкетным данным я, вроде как, очень подходил для этого. Позже он-таки нашел подходящую кандидатуру. Став писарем, эта кандидатура не раз и не два расхваливала свою расчудесную житуху. Но я никогда потом не жалел о своих неразборчивых каракулях. Службу в армии я представлял себе совсем иной, чем просиживание штанов в одном из уютных помещений четырехэтажной громадины штаба нашего соединения, коридоры которого нам много раз приходилось мыть под приглядом нашего командира – лейтенанта Васильева. Что же, всякая служба чревата побочными эффектами. Моим побочным эффектом в армии было мытье этих цементных коридоров.

На службу меня определили в Узел связи (по армейским формулировкам – батальон связи). Это было достойное подразделение ракетных

войск стратегического назначения. Из правого крыла казармы, где мы приняли страдания полного курса молодого бойца, нас перевели в левое крыло этой же казармы. Здесь было наше второе армейское жилище. Позднее мы не раз переселялись в другую казарму, поближе к месту боевого дежурства.

Мое попадание в Узел связи предопределило то, что до призыва в армию, еще когда учился в школе, я окончил курсы радиотелеграфистов при местном отделении ДОСААФ (расшифрую на всякий случай, может, кто теперь и не знает – Добровольного общества содействия армии, авиации и флоту). В самые короткие сроки я освоил там язык азбуки Морзе и научился довольно быстро работать на телеграфном ключе. О чем получил соответствующее удостоверение, а также нагрудный знак. Знак был большой и красивый. Я прикрепил его к своей школьной куртке и в таком виде явил себя пред очами всего нашего класса. Большинство одноклассников одобрило мой заливчатый вид. Но нашлись и завистники: фи, мол, какой здоровый, да и некрасивый. Я с гордостью отвечал им: вы сначала заслужите такой, а уж потом вякайте, критики.

Командовал батальоном майор Анищенко Виктор Филиппович. Мои отношения с ним не заладились с самого начала, чуть ли не с первого дня моей службы во вверенном ему подразделении. И виной тому стали политзанятия, которые он проводил с нами в «красном уголке». (Я, надо сказать, был малый самоуверенный, избалованный известностью на гражданке. Да и неопытен был по жизни до чрезвычайности. Одним словом сказать – романтик с эдаким задором: мы не рабы, рабы не мы, свобода, равенство, братство. Что-то в этом роде.) Так вот, на одном из первых занятий майор Анищенко призвал нас изучать труды классиков марксизма-ленинизма.

– Моей настольной книгой сейчас является книга Владимира Ильича Ленина «Материализм и империализм», – с гордостью за себя сказал он, как будто совершенно не подозревая, что среди его слушателей были без пяти минут студенты высших учебных заведений, с особым рвением весь предыдущий год штудировавшие историю нашей страны и, как бы сказали сейчас, биографию и библиографию ее лидеров. Я, например, получил вызов на собеседование во ВГИК (Всесоюзный государственный институт кинематографии), буквально несколько дней будучи в армии.

– Так что призываю всех почаще заглядывать в эту книгу перед нашими занятиями. В ней вы найдете кладезь мудрых мыслей.

Ну что бы мне не промолчать, не сделать

вид, что понял – оговорился человек и сам через некоторое время исправит свою оговорку? Нет, куда там! Назло самому себе я руку поднял, потряс ею в воздухе и, получив слово, выпрямился во весь рост и в присутствии почти всех новобранцев Узла связи изрек:

– Нет у Владимира Ильича такой книги, товарищ майор!

– Как нет? – поднял правую бровь несколько смутившийся наш боевой командир. – А что есть?

– Книга, которую вы имеете в виду, – так же гордо изрек я, – называется «Материализм и эмпириокритицизм».

Можете представить, какая после этого в «красном уголке» воцарилась тишина? Многие из моих товарищей по батальону сразу же начали меня сильно жалеть. И не напрасно.

Мое гордое изречение стоило мне ни за что ни про что сначала пяти суток гауптвахты, позже, по прошествии года беспорочной службы, я не был рекомендован к отпуску на малую родину, на политзанятиях я поднимался по поводу и без повода несчетное количество раз и вообще был у майора Анищенко в немилости до самого дембеля. Но поскольку основную службу свою – дежурство на боевом посту – я нес безупречно (я даже отстаивал честь нашей бригады в корпусных соревнованиях радиотелеграфистов в славном городе Кирове, теперь Вятке), в самый последний момент перед демобилизацией мне присвоили звание младшего сержанта и оценили мои навыки радиотелеграфиста и познания в радиотехнике знаком специалиста 1-го класса. И то произошло это не без усилий замполита капитана Слуцкого и начальника связи бригады майора Тимонина...

Гауптвахта нашего военного городка располагалась в непосредственной близости от казармы, в цокольном этаже небольшого двухэтажного здания. Крутая лестница вела в неширокий коридор, с одной стороны которого тянулись узкие окна, а с другой – зарешеченные толстой железной проволокой помещения, которые с полным правом можно было бы назвать камерами. В них не было никакой мебели. Определенные сюда на ночлег мои товарищи по камере брали перед отбоем из подсобного помещения отполированные телами предыдущих «узников» деревянные лежаки, раскладывали их на полу таким образом, чтобы не мешать другим, и укладывались на них, не раздеваясь. Разрешалось снимать только сапоги. Кто-то накрывался шинелью, кто-то расстилал шинель, как подстилку, и ложился на нее.

Пять ночей я вкушал удовольствие спать в таких условиях. В остальном все с гауптвахтой

у меня сложилось не так уж плохо. Мне только раз удалось поучаствовать «в тяжелых физических работах» – в тот день, день начала моей отсидки, была уборка обыкновенными метлами огромного плаца – с утра и до обеда. После обеда меня «отконвоировали» к начальнику гауптвахты капитану Валентину Михайловичу Ревягину. Его кабинет был на втором этаже здания гауптвахты.

– Тут приходили ко мне твои товарищи-радиотелеграфисты, – сказал капитан, сразу понравившийся мне своими добрыми глазами, – замолвили за тебя словечко, чтоб на «губе» тебя не сильно притесняли как невинно пострадавшего. Да-да, рассказали они мне про твои подвиги. В числе прочего рассказали, что ты еще и художник. Это когда я их спросил, не смог бы ты написать для общей пользы несколько лозунгов на кумачовых транспарантах. Они мне ответили – смог бы, да еще как. Ну что, правду они сказали? – задал вопрос капитан Ревягин и почесал свою начинающую лысеть голову. Я сразу понял, кто приходил замолвить за меня словечко, и мысленно им поаплодировал. Не побоялись мои земляки прийти и все рассказать начальнику «губы». Могли бы за это сами спокойно загреметь на «губу» суток на десять.

– Можно попробовать, – скромно ответил я.

– Ну что же, попробовать так попробовать. Вот тебе бумага и карандаш, напиши, что тебе для этого надо. А то я уже третью неделю бьюсь – не присылают ко мне художников, а праздники-то, вот они, меньше месяца осталось.

Я написал, что мне нужно, переночевал в цокольном этаже и оставшиеся четыре дня «рисовал» на кумачовых полотнах, натянутых на длинные подрамники, всякие «Да здравствует...» и «Слава...». Мне даже завтраки, обеды и ужины, чтобы я времени зря не терял, приносили на второй этаж «губы» в комнату, где я от рассвета до заката безвылазно творил будущие праздничные приветствия и лозунги.

В конце пятого дня моей «отсидки» на гауптвахте Валентин Михайлович, оглядев оставшее мной кумачовое наследие, поблагодарил меня за работу и неожиданно предложил:

– Слушай, а не останешься у меня еще суток на пять? Мы бы с тобой и на следующий праздник все нарисовали, чтобы мне потом не мучиться.

Я от неожиданности даже рот раскрыл. Во дает капитан, на ходу подметки рвет! И, конечно, от этого лестного предложения отказался, сославшись на усталость. По-моему, капитан Ревягин меня понял и за мой отказ на меня не обиделся. Вот только одного до сих пор понять не могу: почему задачу обеспечения агитаци-

онным материалом грядущего праздника возложили не на политотдел, а на начальника гауптвахты? Может, это для него была тоже своя «губа»?

Мне рассказывал недавно мой хороший приятель, какое-то время, еще при советской власти, проработавший после сельхозинститута совхозным инженером: в горячую предпосевную пору ни одно его распоряжение не выполнялось в поставленные им сроки. Как только не упрашивал он рабочих! И слово пожалуйста не раз благородно звучало в ремонтных мастерских. А дело не шло. Когда наконец терпение моего приятеля на этокое скрытое хамство-упрямство лопнуло, он в сердцах трехэтажным матом обложил самых отъявленных саботажников. И краем уха услышал прошедший по мастерским шепоток: «Наш-то – заговорил!». Как ни странно это показалось ему тогда, дело пошло: и технику поставили в строй вовремя, и отсеялись в оптимальные сроки.

О великий и могучий русский язык! Сколько его увесистых подзатыльников из трех-, четырех-, пятиэтажных конструкций получили мы, слушая в строю наставления нашего старшины. Там на одно цензурное слово приходилось десять нецензурных. Даже из ежедневных вечерних переключек он умудрялся выстроить такой урок нецензурной брани, что мы диву давались, как его до сих пор держат в армии. И мы, желторотые птенцы, слетевшиеся со всех концов нашей необъятной Родины на этот плац, в эту казарму, в конце концов научились понимать, почему не только старшина, но и другие командиры так часто использовали мат в своих речах перед нами. Армия – не институт благородных девиц. Армия – прежде всего тяжелая работа. И чтобы подвигнуть этих птенцов выполнить ее, часто приходится прибегать к крепким выражениям. А как иначе заставить человека преодолеть его собственную лень, вполне понятное желание отлежаться в тени, когда другие вкалывают под открытым небом на жарком солнышке? То же, кстати говоря, и в критических ситуациях на гражданке. Другое дело, чтобы в быту и на работе, в спокойной, мирной обстановке нецензурная лексика не засоряла речь своими мутными образами. Однако, к сожалению, сейчас это стало повсеместным явлением, особенно в молодежной среде. Самое странное и, на мой взгляд, лексически неправильное – то, что молодежь не ругается, она разговаривает матом.

Кстати об этой обсценной, как принято называть мат у филологов, лексике. «К сожалению, русский мат вырождается», – не без оснований сетуют ученые, которые уверяют:

сегодня его применяют неправильно, некстати и вообще походя. В Московском университете ходили всякие байки про знаменитую исследовательницу обсценной лексики Евдокию Михайловну Галкину-Федорук. У нее были исследования, посвященные мату, которые хранились в спецхранах библиотек. Ее лифтеры называли «Галочка-матюгалочка» и иногда специально останавливали лифт, чтобы послушать, как она будет ругаться. Рассказывали: однажды она переходила дорогу в неподобающем месте, и обозлившийся шофер обругал старушку матом. А симпатичная бабушка в приличном костюмчике и шляпке остановилась и сказала: «Молодой человек, вы применили неправильную конструкцию. Надо было сказать не ..., а ...». Произнесенная вслух конструкция сразила молодого человека наповал. Он потом несколько минут приходил в себя, создав небольшой затор на шоссе, за что был удостоен нескольких неправильных конструкций из уст других водителей.

Сегодня мат пробрался в современную литературу, в кино и в театр. Спектаклям, густо оснащенным матом, даже национальные творческие премии присуждают. А что, мол, театр – это же зеркало жизни...

За все время службы мы в нашем Узле связи никогда не знали, как писали тогдашние пропагандисты, «такого позорного явления, как дедовщина». Каждому понятно, о чем идет речь. Да, были подшучивания над салагами (так именуются представители молодого пополнения) типа: возьми швабру, залезь на крышу и разгони там помехи у антенного хозяйства. Но то были шутки, которые в момент разоблачались и вызывали в казарме только всеобщий хохот, когда до салаги доходил смысл просьбы старослужащего. Наоборот, у нас за время службы (кстати, наш призыв 1968 года впервые служил не три года, как это было до нас, а всего два) сложилось настоящее братство. Поддержка и взаимовыручка помогали переносить все, так сказать, тяготы и невзгоды. И зачастую предостережение, вовремя сделанное старослужащим, могло оградить салагу от поступка, который был бы чреват плохими последствиями.

Последнее чуть не случилось с одним из нашей троицы, всегда державшейся вместе, потому что были земляками, родились и выросли в одном городе. И даже двое из нас заканчивали одну и ту же школу. Назову их только по имени. Заводилой компании был Валера, его верными друзьями были мы – Шурик и я.

Начиналось все в нашем гарнизонном клубе. Не то чтобы часто, но раз в неделю в обяза-

тельном порядке, в клубе объявлялись танцы. На танцы приглашались девушки, это были в основном студентки местного пединститута, но были представительницы и других учебных заведений. И вот во время первого же посещения танцкласса Шурик познакомился с девушкой по имени Лариса, будущим преподавателем английского языка. Пока же она училась на первом курсе. И не просто познакомился, а влюбился, можно сказать, после первого же тура вальса. О чем он тут же нам поведал (до поры до времени между нами не было тайн). Девушка Лариса была если не красавица, то, во всяком случае, очень обаятельная особа: среднего росточка, хрупкая, с большими черными глазами, милой улыбкой. Эх, почему не нам досталось станцевать с ней этот вальс? – одновременно подумали мы, но Шурику ничего об этом не сказали. Сказали только: выбор его одобряем.

И они начали встречаться. Где это происходило и как далеко заходили у них отношения, Шурик, как настоящий мужчина, ничего нам не рассказывал. Мы на него не обижались, потому что сами на тех же танцах подыскали себе подруг, и у нас тоже появились свои тайны друг от друга. Но однажды у нас возникла идея встретиться всем вместе. Не то чтобы по какому-то поводу, а так, захотелось себя показать и на других посмотреть в неформальной обстановке. И не в каком-нибудь кафе или ресторане, тем более не у кого-нибудь дома, а на лоне природы. Стояло лето, тепло, и можно было организовать встречу под любым кустом. «И под каждым ей кустом был готов и стол, и дом», – так, кажется, писал дедушка Крылов о легкомысленной Стрекозе? Но мы полагаться на первый попавшийся куст не стали и тщательно обследовали местность в лесу. Подходящую полянку нашли примерно в полутора километрах от нашей казармы с таким расчетом, чтобы и девушкам было добираться от автобусной остановки недалеко, и нам не здорово упираться, чтобы до нее дошагать.

И вот в теплый июльский денек на вполне законных основаниях (нас отпустили в увольнительную) мы все встретились на полянке, куда от остановки автобуса довел девушек Шурик, зачинатель, так сказать, движения. И так нам стало всем хорошо – и трава, и лес, и почти безоблачное небо, и прохладная тень, лежащая на скатерке с немудреными закусками и двумя бутылками вина, – что мы все после первой же рюмки парами разбежались по сторонам и предались... А чему предались, вам и догадываться не надо. Как хорошо написал когда-то замечательный шотландский поэт Роберт Бернс:

«...И какая нам забота, если у межи целовался с кем-то кто-то вечером во ржи»...

Через несколько дней после этого эпохального «саммита» стали мы с Валерой наблюдать некую озабоченность в Шурином орлином взоре. У него пропал аппетит, он плохо спал перед очередным ночным дежурством, в свободное время одиноко вышагивал вдоль забора из колючей проволоки, подолгу останавливался перед видом на лесную просеку и снова вышагивал по довольно обширной территории, которую занимали постройки Узла связи, специально сооруженные для более оперативной передислокации боевых расчетов на командный пункт. «Что с тобой происходит? – спрашивали мы с Валерой нашего боевого товарища. – Уж не приболел ли ты часом какой-нибудь ипохондрией?» – щеголял наш заводила Валерка заковыристым иностранным словечком. Шурик нашу шутку юмора пропускал мимо ушей и вновь вышагивал по периметру воинской части, неся на своем челе какую-то думу.

«Ну все, – сказали мы ему, не в силах терпеть его муки. – Или ты все нам рассказываешь про свою болячку, или...» Что подразумевалось под этим грозным «или», мы не успели придумать, но Шура, видимо, почувствовал, что лучше все друзьям рассказать. И заодно посоветоваться. Тем более, что ближе нас у него в радиусе тысячи километров никого не было.

Шурик, как уже было сказано, влюбился по уши в Ларису. И видеть ее, говорить с ней, быть как можно чаще рядом стало для него первой необходимостью. Ну так мы поняли из его сбивчивого рассказа. И вот что он придумал. Ночью, после отбоя, он решил уйти в самоволку. От нас до ее дома, если идти напрямую по просеке, было не больше пяти километров. Расстояния такие преодолеваются запросто. Учтывая, что идти придется по лесу и ночью, туда часа полтора, и обратно часа полтора. На встречу с любимой остается уйма времени. Утром он, никем не замеченный, возвращается в казарму. Как будто никуда и не ходил.

Мы, конечно, догадывались, что в основе недуга Шурика была женщина, но чтобы впристыжке с самовольным оставлением части... Нет, мы в такой дурости подозревать Шурика никак не могли. «Дурак! Идиот! Страдалец хренов! – взорвался первым Валерка. – Тебе что, увольнительных мало?! А если ночной аврал? А если боевая тревога? А если засечет тебя обычный патруль?». «Да и просто можешь опоздать на утреннюю поверку, – добавил я помягче тоном. – Гладко было на бумаге, да забыли про овраги. Тебе так хочется за полгода до дембеля в дисбат загреметь?»

Мы еще много чего втюхивали в Шуркину шальную голову. А когда закончили, поняли, что немного переборщили. Ничего такого, чем мы его пугали, он, конечно же, не хотел. Но и смириться с тем, что его, как ему представлялось, хитрый план никуда не годится, гордость не позволяла. И он от пережитого напряжения, от нашего выговора и еще бог весть от чего, отвернувшись от нас, не то, чтобы заплакал – просто пустил, как говорится, скупую мужскую слезу. «Ладно, ребята, забудьте обо всем, что я тут вам наговорил. Убедили. Самоволка отменяется», – сказал он, и мы скрепили его слова крепким рукопожатием.

Так мы сделали хорошее дело для хорошего человека. А Шурик, между прочим, после демобилизации женился на девушке Ларисе, сам поступил в педвуз, и в последний раз заинтересованные лица видели их в городе Пушкине, Ленинградской области, где они учительствовали в местной школе. Правда, давно это было, лет через шесть-семь после моего дембеля.

Вообще, армейский клуб играл в нашей жизни немаловажную роль. Кроме устройства танцевальных вечеров, он регулярно знакомил нас с лучшими фильмами, выходящими на экраны страны в разное время. Его библиотека была хорошо укомплектована и предоставляла нам для чтения классическую и современную художественную литературу. Там, в клубе, периодически устраивались разные интересные мероприятия. В некоторых из них мы были не только зрителями, но иногда и самыми непосредственными участниками.

Как-то нам с Гришей Румовым, служившим в роте охраны, с которым мы подружились на почве нашей любви к поэзии, предложили принять участие в поэтическом вечере. По замыслу организаторов на нем выступили все воины нашего военного городка, которые, как и мы с Гришей, питали страсть к стихосложению. Я тогда со сцены прочитал свое стихотворение о любви «Я пьяным не был...», которое сочинилось в казарме. (Много позже я опубликовал его в единственном сборнике своих стихов.) Наваяно оно было конкретной ситуацией, в которую мы со старшиной Веревкиным и ефрейтором Дизином попали во время возвращения с корпусных соревнований радиотелеграфистов, проходивших в городе Кирове (теперешней Вятке; о моем участии в этих соревнованиях я уже говорил выше). То было мое первое и последнее выступление на публике со своим стихотворением. Сослуживцы, как помнится, с энтузиазмом восприняли мое выступление, долго и бурно аплодировали. Им было в диковинку узнать, что рядом с ними живут и работают парни, которые ко всему прочему еще и слова в стихи слагать могут.

Стихотворение нравится мне самому, приведу его здесь полностью. Может, придется оно по душе и моему вдумчивому читателю.

А ситуация, «родившая» стихотворение, была такая. Коля Дизик, когда соревнования в Кирове закончились и мы брали билеты на обратную дорогу, предложил сделать остановку в Перми. Там жил его старый друг, с которым они не виделись лет десять, но с которым состояли в переписке. Друг жил в собственном доме, доставшемся ему в наследство от родителей, с женой и двумя детьми. И всякий раз в письме приглашал Дизика в гости. Зная, что наш путь на соревнования в Кирове и обратно будет лежать через славный город Пермь, Дизик написал другу, что, может быть, заедет к нему на обратной дороге. Жди, мол, в пределах таких-то чисел. «Старшой» нашей команды старшина Веревкин не возражал. «Хоть какое-то разнообразие в довольно скучной командировке», – сказал он. Ну а я присоединился к моим товарищам, потому что мой голос уже ничего не решал.

Мы взяли билет с остановкой на сутки в Перми, переоформили по прибытии туда проездные документы и приступили к поиску дома, в котором жил Дизинов друг, потратив на это чуть ли не полдня. Дом стоял на окраине города, туда ходил в час по чайной ложке всего один автобус, сели на него, но это оказался какой-то не тот, привезший нас в другую сторону. Мы пересели на другой, тот тоже привез нас бог знает куда. Мы опять сели на тот, который вроде бы должен был доставить нас к остановке, на которой останавливался нужный нам автобус... Словом, нашли мы этот дом уже поздним вечером. Но мы были вознаграждены за наши мучения. Друг ждал, был нам очень рад, тут же усадил за стол и стал под водочку угощать нас вкуснейшими пельменями. Тосты, разговоры полились рекой. Мы закончили наши «беседы» далеко за полночь, улеглись спать кто где и чуть не проспали час «икс», который мы заранее определили, чтобы не опоздать к поезду. Нам повезло: автобус, который ходил в час по чайной ложке, подошел к остановке минут через пять после нашего появления там и следовал прямо до вокзала. Так что у нас даже оставалось немного свободного времени до прибытия поезда.

Друг Дизика предложил «заполнить паузу» в буфете, против чего никто из нашей команды не возражал, потому что после пельменей под водочку каждый жаждал продолжения. Мы уговорили «по стаканчику», закусили бутербродами из черного хлеба с салом и солеными огурчиками, которые запасливо припас для этого случая друг Дизика, обменялись тостами. А тут и поезд подошел.

Собственно, этот эпизод и отражает начало стихотворения. Дальше было так, как бывает в жизни. Распрощавшись с гостеприимным Семеном (так звали друга Коли Дизика), мы сели в наш вагон, прошли на свои места и обнаружили лежащую на боковом сидении гитару. Дизик немного играл на гитаре и даже неплохо пел. А тут было настроение, он взял один аккорд, другой, чуть подстроил гитару и тихонечко запел популярную тогда «Мама, мама, это я дежурю, я дежурный по апрелю...». На звуки гитары тут же собралась компания, нам начали подпевать. Среди подсевших к нам были две девушки, одна из которых была необыкновенной красоты. Я еще подумал тогда, если бы сейчас объявили конкурс, она бы непременно стала какой-нибудь «мисс СССР». Я подсел к ней на боковую полку, мы разговорились. Она оказалась студенткой педагогического института из Шадринска, ехала с подругой сдавать экзамены за третий семестр, готовилась к ним дома в поселке недалеко от Перми, где и жила с родителями. Дизик пел, компания подпевала, я разговаривал с красавицей, поезд шел, отстукивая километры. От тепла, выпитого вина, душевной беседы и лирического настроения, которое нагнали на всех песни Дизика, я задремал, с удовольствием думая о том, что, когда проснусь, продолжу разговор с этой очаровательной девушкой. Но, проснувшись, в вагоне ее не обнаружил. Она с подругой вышла в Шадринске. Как жаль, подумал я тогда, кажется, я успел в нее влюбиться. Но – не судьба. Поезд отстукивал все новые и новые километры, навевая разные приятные мысли о неожиданном знакомстве. Например, такие: отслужу, приеду в Шадринск, найду пединститут, встану у входной двери и дождусь, когда незнакомка придет в институт на занятия...

Вот, собственно, все, что послужило толчком к написанию стихотворения. Вот оно.

*Я пьяным не был! Это враки!
Час расставания кляня,
Мы просто выпили по чарке
За встречу, Кольку и меня.*

*За паровоз брюхатогневный,
За тех, которых с нами нет,
За командиров неврастенных
И за замызганный буфет.*

*И наспех все уже прощались
В мазках вокзального огня,
Я прыгнул в поезд и – на счастье! –
За встречу, Кольку и меня.*

*И, повзрослевшие, с мороза
Ввалились в тусклое купе.
Клянусь, была нормальной доза –
За счастье! – и мой друг запел.*

*И сразу с верхних грязных полок
Упали рваные носки,
Взорвались, словно дымный порох,
Враз отупевшие смешки.*

*И вдрызг разбитая гитара
Красоткой ныла про апрель.
Казалась непомерно старой
Она на треснувшем бедре.*

*Я пьяным не был: было пусто,
В душе не чувствовал огня...
Я с кем-то спорил об искусстве,
Ругал Троянского коня,*

*Смуцал крестьянскую девицу
Безумной блоковской мечтой...
А рядом сказочной жар-птицей
Плыла прозрачная любовь.*

*Я подошел, сказал ей: «Здравствуй!»
И сел напротив у окна.
И, молча поделившись царством,
Не отодвинулась она,*

*А стала мне гораздо ближе
За черным шелковым платком –
Ее глаза... их свет, повисший,
Как молнии округлый ком...*

*И долго со своей любовью
Я ехал сквозь ночной туман.
Земля стучала, плыли полем
Леса, их тени и обман.*

*И, нарастая, нарастая,
Я окунулся в птичий гул...
Последняя мелькнула стая...
И все. Влюбленный, я уснул...*

*...Я пьяным не был, не был, не был!
Но, утро встретив без меня,
Любовь, как сказочная небыль,
На солнце – рыжего коня –
Вспорхнула, растворясь в апреле,
И встретить снова – нету сил.
А мне теперь никто не верит,
Я пьяным не был...
Я любил...*

Устроители того поэтического вечера потом признались, что мероприятие это удалось на славу и много способствовало «смягчению нра-

вов» в нашем городке. Хотя меньше материться никто из участников вечера не стал, но в душе у каждого шевельнулось что-то доброе и нежное, поскольку большинство стихов, как и мое, были о любви. В личном плане этот вечер принес мне известность, ребята стали относиться ко мне как-то более уважительно, что ли.

Способствовало моему авторитету у сослуживцев и то, что с некоторых пор я стал печататься в газете Уральского военного округа «Красный боец». «Печататься», может быть, громко сказано, сейчас вспоминаются всего два-три материала. Но и они были замечены и по достоинству оценены.

Апофеозом моей популярности стало выступление на общегородском митинге 23 февраля 1970 года в День Советской армии и Военно-морского флота. В тот морозный день на центральной площади города был установлен грузовик, опущены его борта, выставлен микрофон. «А теперь слово предоставляется рядовому...» Конечно, я не помню, что я там лепетал, но со стороны выглядело все солидно. И наш замполит капитан Слуцкий сдержанно похвалил: «Все нормально. Спасибо, боец!». Жаль, подумал я, что на митинге не было майора Анищенко. Он, наверное, мной бы гордился...

Впрочем, скромно признаюсь: я старался не давать повода не гордиться мной не только в произнесении речей. Самое главное: боевое дежурство в командном модуле, что, собственно, и было сутью нашей военной службы, никогда не было причиной недовольства наших командиров...

Хрум, хрум. Хрум, хрум... Это скрипит под ногами только что выпавший снежок. Боевой расчет Узла связи топают из казармы на командный пункт нашей бригады. Уже темно, но сейчас присыпанное снегом заасфальтированное дорожное полотно не дает сбиться с дороги. Она занимает у нас не больше пятнадцати-двадцати минут. Проходим контрольно-пропускной пункт, обменявшись с охранниками паролями. Где-то там, в глубине огороженной колючей проволокой территории командного модуля, стоит сторожка роты охраны, в которой несет дежурство мой друг по поэтическим восторгам Гриша Румов. Заходим в крытые «сени» командного модуля. Открываются тяжелые стальные двери, и мы по крутой лестнице спускаемся в теплое помещение бункера. Короткий инструктаж, как правило, завершающийся призывом к бдительности «в условиях напряженной международной обстановки». Его обычно проводит майор Анищенко, но сейчас, перед ночной сменой боевого дежурства, это делает старший офицер командного расчета.

Поднимаемся на «второй этаж». В одном конце длинного коридора – отцы-командиры, не ниже майора, вход туда строго по пропускам. В другом конце – наше, радиотелеграфистов, помещение. Пересменка. Снимаю сумку для противогАЗа и накидываю на вешалку шинель. Из сумки достаю книжку, не дочитанную в казарме, и сажусь к армейскому приемнику. Надеваю наушники и проверяю частоту, на которой может быть передан боевой приказ. С этого момента я головой отвечаю за все, что происходит на этой частоте. Приказ может быть передан в любую секунду моего дежурства, и я должен быть готов в любую секунду принять точки-тире стройных колонок, состоящих из цифр. Что стоит за этими цифрами, мы не знаем. Просто записываем их на листочке бумаги, и уже наш старший по смене передает листочек шифровальщику. Расшифрованное сообщение поступает к отцам-командирам, но это уже не наша компетенция. Мы – рабочие лошадки. Везем, а что – не знаем.

Уходит отдежурившая смена, и мы остаемся в помещении втроем: я, дублер за таким же, как у меня, армейским приемником, и старший по смене. Дублером сегодня Валера. За старшего – Витя Газизулин. Он в любой момент может заменить меня или дублера, если кому-то надо в туалет. Кроме этой надобности другие отлучки с места дежурства строго запрещены. Запрещено и читать книги. Можно пить кофе, сколько влезет, но и он к четырем-пяти утра не помогает – сон наваливается на тебя неодолимым грузом. Глаза закрываются сами собой. «Спите, рядовой?», – сквозь дрему слышу чей-то голос. Открываю глаза и вижу перед собой незнакомого подполковника. Встаю. «Никак нет, товарищ подполковник, думаю», – отвечаю я. «Ну, держитесь, до конца смены совсем немного осталось», – говорит подполковник и о чем-то неслышно разговаривает с вытянувшимся в струнку Виктором. После ухода подполковника достаю из «тайника» в стуле книжку, чтобы хоть как-то отделаться от навалившегося на меня сна. Но тут в ушах раздается знакомая дробь точек-тире, и я начинаю записывать зашифрованную радиограмму. Пауза. Жду продолжения, но его нет. Отдаю листочек с цифрами Газизулину, такой же листочек передает ему Валера. Газизулин выходит, чтобы передать шифрограмму на дешифровку.

Все, можно расслабиться. Вряд ли сегодня до конца нашей смены будет еще передача. Но мы с Валерой подтягиваемся: а вдруг? Это «вдруг» всегда случается во время каких-либо событий в стране и за рубежом. Так было, например, в самом начале нашей службы, когда 21 августа 1968 года нас построили на плацу

и сообщили о вводе войск Варшавского договора в Прагу. Призвав к повышенной бдительности. Где Прага, а где наш гарнизон, а вот, поди ж ты, тоже повышенная боевая готовность... Все зависит от содержания шифрограммы. Мы с Валерой буквально приникли головами к приемникам. Но нет, все тихо. Кажется, пронесло.

Вернувшийся Витя готовит кофе – недавно он получил из дому посылку, в которой были две баночки дефицитного бразильского растворимого кофе. Теперь делится с нами своим богатством. Кофе немножко бодрит, но спать все равно хочется. Оставшееся время дежурства проходят в борьбе со сном-«супостатом». В конце концов я выигрываю это единоборство. С удовольствием думаю о завтраке в нашей столовой и предстоящем сне. Правда, спать в казарме не такое уж удовольствие, потому что строители очень быстро ее строили и забыли как следует заделать щели, в которых изнутри образуется толстый слой изморози. Из-за этого температура в спальнях помещениях не поднимается выше пятнадцати градусов, и нам выдали по второму одеялу. Укутавшись в них, спим, поначалу чертыхаясь на нерадивых строителей.

Приходит очередная смена. В ней за старшего – Шурик. Желаем ему и остающимся ребятам спокойного дежурства, одеваемся и топаем на первый этаж. Туда потихоньку стягиваются специалисты других служб, несших с нами дежурство в командном модуле. Выходим на улицу. Еще темно, но на востоке небо начинает уже светлеть. Свежий морозный воздух бодрит, и мы ускоряем шаг. Домой лошадка быстрее бежит...

Кто-то, может быть, скажет – а где трудности и невзгоды? Неужели их не было, а если они были, почему автор стыдливо о них умалчивает? Да были, были они и в немалом количестве, уж поверьте мне на слово. Да и о некоторых из них я уже написал. Если бы их не было, стал бы я время от времени уединяться за трансформаторной подстанцией, стоявшей на отшибе основной территории военного городка, и волком выть от тоски по дому, по родным и даже плакать горячими слезами от случившейся в тот или иной момент несправедливости! Просто со временем воспоминания о них потускнели, а на первый план вышли нормальные событийные моменты жизни постепенно сложившегося за два года армейского братства. И главное – осталось во внутреннем ощущении: призывался пацан пацаном, а демобилизовался мужчиной. Ну если не на все сто процентов, то процентов на семьдесят-девяносто уж точно.

А еще помогали книги. В нашем военном городке, как я уже писал, была неплохая библиотека, и немногие часы свободного времени я нередко проводил в ней. Заберусь подальше от глаз людских где-нибудь между стеллажами – библиотекарь Мария Ивановна Зыкина, с которой у нас сложились превосходные отношения, мне это позволяла, – и читаю, читаю, читаю... Пока Мария Ивановна не позовет: «Вам пора в часть». «Записки из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского и «Один день Ивана Денисовича» А.И. Солженицына я, между прочим, в армии прочитал.

...Примерно за месяц до моего предполагаемого дембеля сказал мне наш замполит капитан Слуцкий, попросив задержаться после какой-то лекции в аудитории для занятий радиотелеграфистов:

– Вот, посмотри внимательно на наш класс. Видишь?

– Что я должен видеть, товарищ капитан? – не понял я.

– А что стены голые. Некрасиво. Да и не рационально. Стены должны нести какую-то информацию. Это что значит? – спросил меня капитан, и я начал догадываться, куда он клонит. – Это значит, что они должны быть соответствующим образом оформлены. Улавливаешь мою мысль?

– Кажется, улавливаю, – сказал я и немного пригорюнился.

– Да ты подожди горевать, – уловил капитан мое настроение. – Руководство Узла связи предлагает тебе заняться этим делом. Причем вопрос стоит так: оформишь его за неделю – демобилизуем тебя на следующий день. За две, три недели – тоже на следующий день. Как ты смотришь на наше предложение?

Предложение капитана было палкой о двух концах. Я даже усмотрел в нем прощальный привет от майора Анищенко. А вдруг оформительские работы затянутся по какой-то причине? С другой стороны – а вдруг все получится наилучшим образом, и я демобилизуюсь, по моим подсчетам, в самые оптимальные сроки? Впрочем, колебался я не долго. Положился на себя и на извечное русское «авось». И мы с капитаном «ударил по рукам».

Работа закипела в тот же день. Всю информацию, которую нужно было разместить на стенах, предоставил Слуцкий. Оказывается, он давно «имел зуб» на голые стены класса. Представленные им материалы мы вместе с ним раскидали, где что должно находиться. Я под каждый материал сделал подрамники, натянув на них наждачную бумагу. От руки срисовал тексты материалов и схемы на вырезанные листы ватмана и приклеил к получившимся «кар-

тинам маслом». Заголовки разместил по темам. Вышло ничего себе, даже как-то красиво. Мне самому понравилось, а это верный признак, что понравится и другим.

На все про все ушло около четырех недель. Мне даже удалось скопировать работу французского художника Анри Матисса «Танец» и поместить ее на такой же обтянутый наждачной бумагой подрамник. Зачем я это сделал? Перестраховался. Посмотрит комиссия: вроде бы, все хорошо. Только вот танец этих красных обнаженных фигур здесь совершенно ни к чему, убрать. И, довольная собой, даст добро на эксплуатацию результатов моего напряженного труда. Нет, конечно, я думал и о том, что копия картины великого французского живописца была бы здесь вполне уместна. Хотя бы потому, что кого-то из будущих наших коллег-радиотелеграфистов подвигла бы на простые эвристические вопросы: а что это за картина, кто ее автор и какие еще картины были им написаны? То есть сыграла бы роль катализатора в эстетическом воспитании. И втайне я надеялся, что кто-нибудь из комиссии выскажет эту мысль. Но я слишком многого хотел от комиссии, которая была настроена сугубо прагматично.

Вышло так, как я первоначально и думал. «Танец» забраковали, а остальное приняли почти без замечаний. Недостатки, отмеченные комиссией, я устранил за пару часов. А копию картины французского художника забрал себе капитан Слуцкий. «На память о наших совместных трудах», – сказал он мне. Я заходил потом в его кабинет, и гордость негромко вскипала во мне: копия висела на видном месте!..

С радостью и немного с грустью покидал я наш военный городок в день моей демобилизации. С радостью – понятное дело. А вот с грустью... Все-таки за два года между нами, радиотелеграфистами, сложилось настоящее армейское братство. Мы полюбили друг друга и отчетливо понимали, что другого такого братства у нас никогда не будет.

Да, армейское братство... Куда-то пропал после демобилизации Валерка, о Шурике я только по слухам, не имевшим продолжения,

мог судить. А из всех остальных ребят, с кем делил и боевое дежурство, и два года армейской казармы, за всю мою жизнь (а мне уже семьдесят) только один раз увиделся с одним из них – с Виктором Газизулиным. Да и то мимоходом – в Москве, в переходе метро. Я торопился по делам, Витя боялся опоздать на поезд. Только и успели вспомнить со смехом, как он перед десятидневным отпуском на малую родину попросил у меня напрокат плавки. Я думал, все, не увижу их больше, подарил их ему фактически. А он – вот чудак человек! – после отпуска мне их вернул, выстиранные и поглаженные...

...Я приговорил мундир к торжественному выносу из кладовки и сдал его в костюмерную Театра юного зрителя. Может, кто из молодых режиссеров поставит спектакль о нашей славной армии. Костюмчик-то ничего себе, симпатичный, и материал хорош, крепкий еще. Несмотря на долгие годы заточения среди прочих «артефактов» нашей кладовки. В костюмерную одного из известных в нашем городе любительских театров последовали висевшие долгие годы без дела мои и сына пиджаки, еще вполне приличные с виду куртки и плащи, сложенные в чемоданах отрезки разных тканей, до применения которых так и не дошли руки. Хорошо еще, что вот так все более-менее разумно было пристроено, а не то это наше вещевое богатство-хозяйство прямым путем последовало бы на выброс в мусорку. Висевшие на плечиках вещи жены, как-то: пончо, блузки, юбки и прочие предметы дамского туалета, я трогать не стал. Жена подолгу носила приобретенные когда-то вещи и время от времени, вспомнив, надевала их...

Да, а один из пиджаков, отобранных мною в театральную костюмерную, почти новый, всего два-три раза надеванный, который мне стал мал, жена подарила своему активному журнальному автору. Он был женат и воспитывал троих детей, семью содержал на маленькую университетскую зарплату и скудные гонорары. Пиджак пришелся ему впору, и он, приняв дар, очень тепло поблагодарил мою жену за пришедшуюся в самый раз обновку.

Илья Дмитриенко

Во мне есть вера

* * *

Я боролся всегда в себе с «милым мальчиком»: нежным, робким, слезливым – тем, кто умалчивал гордость, грубость и зависть свои на публику. Но они открывались ближайшим спутникам по забегам на длинные расстояния, где: «Прощай, благородство, а здравствуй, пьяная непрерывная самовлюбленность». Взрослое все же крепло во мне, чтоб с собой боролся я. И я гнал, не щадя ни стихов, ни мячиков, что есть сил из себя озорного мальчика. И теперь вот таким я пришел любить тебя. Но ты видишь убийцу, не победителя.

* * *

Мне сейчас умирать нельзя,
у меня столько дел на вечер.
Я еще молока не взял
в дом на ужин, пакет гречки.

Мне нельзя сейчас умирать.
Будет так горевать мама.
Другу я нагрубил вчера,
позвонить извиниться надо.

Мне нельзя умирать никак,
в нашем доме ремонт, траты.
Без меня же наверняка
не поможет никто брату.

ДМИТРИЕНКО Илья Анатольевич. Родился в 1989 году в г. Камень-на-Оби, Алтайского края. Автор поэтического сборника «Амальгама» из книжной касеты «Такая весна» (2018). Член СП РФ с 2019 года. Участник молодежного объединения «Литературная лаборатория». Работает строителем. Живет в Омске.

Мне сегодня нельзя, нет,
в сотнях миль ждет мечта, верит.
Кто поедет в мороз, снег
и подарит ей ветвь ели?

Пусть не стало на миг стучать
мое сердце, но, доктор, правда,
мне нельзя умирать сейчас,
повторяй, повторяй
разряды.

* * *

Дорогая, прошло уже три недели,
как декабрь разлегся у нас в постели.
Прихожу с работы, он все лежит,
ему слова лишнего не скажи.
Разбросал повсюду свои сугробы,
и такое один разгрести попробуй.
В трактора бы позвать здесь весну, Гольфстрим –
до таких минусов с декабрем острым.
А потом засыпаем под вой метели
эти бесконечные три недели.

Дорогая, закончился третий месяц,
как декабрь пускает лавины с лестниц.
Снегопад – на лифте, окно – как прорубь.
И такое один пережить попробуй.
Весь наш дом – ледяной городок в гирляндах,
да в буранах безжизненных непроглядных.
На работе теплей, там хотя бы март,
от начальства – бодрящие шах и мат.

Дорогая, я сбился давно со счета,
как не чувствую наши сердца и щеки,
как бушует декабрь без сна и меры.
Но откуда, не знаю, во мне есть вера
в то, что грозный декабрь не так уж плох,
что однажды и он принесет
тепло.

* * *

Нас так долго таскало по миру, почти как
Улисса,
выжимало, как пчел, то в одну, то в другую
пасеку.
И внезапно под ноги легла побережьем улица –
мы родному негороду высыпались за пазуху,

и идем, как по замку фамильному люди
с лампами.
Призрак детства гремит цепями
велосипедными,
вспоминая о том, как мы были беспечно
слабыми,
но к любому рассвету мы просыпались
первыми.

И любили читать, но прогуливали занятия,
постоянно дрались, но боялись и капли крови
мы.

И не знали, что мир превращался в роман
Замятина,
но предчувствовали, что станем его героями.

А чуть-чуть повзрослев, мы, робея, нелепо
делали
дев из младшего класса женщинами
из среднего.
Это помнят уже совершенно другие демоны –
те, что будут нас преследовать до последнего.

И мы смотрим на пыльный мирок,
как из спальни в Нарнию,
будто прежняя жизнь еще в нас, но спит
под наркозом вся,
и теперь ощущаем о детстве воспоминания,
словно память о сотворении Богом космоса.

Даже выбоины в асфальте лежат иконами,
и мы сами уже, как дүхи над камнем
вытертым.
Скрипнет мир, и услышим мы сквозь стекло
оконное:
Собирайте игрушки, мальчики, заходите в дом!

* * *

Мир кричит мне: рискуй, воюй,
брось межгорода марафоны!
Но опять я тебе звоню
невменяемостью смартфонной.

Что-то глупое говорю.
Что-то нежное отвечаешь.
Как ослепший к поводырю
сквозь стусившееся отчаянье,
я тянусь к тебе болтовней.

Больше нечем, лишь словом, слухом.
Пусть рассказан я был давно
весь тебе и сплошным разлукам,

но прошу разговора, дяю –
на заминку, на скрип кушеткой.
Хоть совсем уже не рублю,
а блуждаю по пояс в щепках.

Ты минуту еще побудь
здесь – на линии теплой точкой,
и коротких гудков пальбу
не вверяй мне под ребра точно.

А спустя – как бы мир ни пел,
закрывая просторы ливнем,
будет вдруг нелегко тебе,
обязательно
позвони мне.

* * *

Когда отключают горячую воду,
мы греем большие кастрюли
на газплите.
И я поливаю твоё обнаженное тело
из садовой лейки, стоя табурете.
Это выглядит забавно и трогательно,
эротично, но в то же время буднично.

И сколько бы мы с тобой ни пережили,
всегда в эти моменты я чувствую,
что ты доверяешь мне что-то
очень-очень важное.
Чувствую, что снова влюбляюсь
в тебя, как в студенчестве.
Будто не было всех этих лет,
расстояний и расставаний,
слез и списков покупок,
ревности и смирения,
а только бесконечное лето впереди.

И я надеюсь в эти моменты,
что горячую воду нам с тобой
не вернут никогда.

* * *

Суть искусств,
забытую в спорах трудных,
ты вновь вспомнил
дрождю под пиджаком,
вдруг рисунок дочки
найдя в нагрудном –
безразмерно больший
любых джоконд.

Мандала

Порошками цветными рисую ма́ндалу,
за песчинкой песчинку кладу в громадную
мультиверса картину и этим радуюсь,
словно истины абонент.

Завитки – голубые, а точки – алые.
Может, и не вселенную я, а малую
ее часть вывожу на полу овалами –
ту, которая обо мне.

Как один домино ставит в ряд на корточках,
а другой – в редких рифмах страдает, корчится,
или как осознавший, что жизнь закончится,
хочет ясно прожить ее,

так и я выплетаю узор крупницами,
не вина говорящих поторопиться мне.
А наследуя древней святой традиции,
я дыханием затаен.

Треугольники – желтым, штрихи – коричневым.
Пусть сочтут мою жизнь бесполезной притчею
те, кто зрел из отличников до опричников,
те, кто пилят бюджет в поту.

Золотые зигзаги, но дуги – белые.
А с шахтером сравни – ничего не делаю,
да и с кем ни сравни – календарь неделями
мой сминается в пустоту.

Но я точен и строг: янтарем – излучины,
раз уж так человеком Земля измучена,
что понятно – не станет в грядущем лучше ей,
как тут пластик ни сортируй –

за планету снимаю с себя ответственность,
за детей тех детей, что шинкуют лес ее.
Я плету свою мандалу в неизвестное
и прошу лишь: не суйте рук.

Хоть и жду по дороге с плантациях рисовых
встречи с дружбой, любовью под кипарисами,
наяву я встречаю судебных приставов,
намекающих: отрекись.

Но сколь волком яиц на лету ни схватывай,
я уже не займусь изучением квантовой,
буду мирно сидеть до конца над мандалой
и во благо, и вопреки:

от терактов до войн в нефтяных колониях,
от избытка товаров до экологии,
о которой полмира поют голодные.
Этих песен предсмертный хрип

сыплю черным песком я уже безрадостно,
хоть залей просветленьем сорокоградусным
все нутро и ложись видеть о кораллах сны,
перегаром киту дыхни.

Но лиловые – петли, спирали – серые.
Что там нужно герою в финальной серии?
Полный терем друзей, и все дружат семьями,
пунш любимая внукам льет.

И закончена мандала пестрой формою,
что сметаю я тотчас в кувшин фарфоровый,
надеваю пальто, поднимаюсь в гору и
там рассеиваю ее.

Наталья Елизарова

ТРУДНЫЙ ЭКЗАМЕН

Рассказ

В глазах Дмитрия Васильевича рябило от строты костюмов, кофточек и свитеров. Школьную форму теперь не носили – одевались кто во что горазд. И даже волосы учащихся поражали буйным многоцветьем: огненно-рыжие, красные, как молодой редис, фиолетовые, розоватые... Лохмы, ежики, африканские косички... Много времени утекло с тех пор, как сам он в последний раз сидел за школьной партой...

– Дорогие ребята, сегодня, в день тридцатилетнего юбилея вывода войск из Афганистана, мы собрались вспомнить и почтить память воинов-интернационалистов, чей подвиг навсегда останется в наших сердцах, а также выразить свое почтение и уважение оставшимся в живых солдатам... – молоденькая учительница тараторила бойко и много – заученно, по-книжному, старательно выговаривая правильные и нужные слова, огранные высоким смыслом и глубоким содержанием, но такие казенные и пустые, что у него сводило скулы. – Сегодня у нас в гостях Дмитрий Васильевич Мальков, бывший выпускник нашей школы, ветеран Афганской войны...

Безразличные глаза, на секунду взглянувшие на него поверх смартфонов, погасили в нем всякое желание выступить. О чем он бу-

дет говорить этим равнодушным детям, знавшим о войне по компьютерным играм? Разве им интересно? Да и не мастер он толкать речи с трибуны, не привык, не научен... Он уже жалел, что позволил себя уговорить на встречу. Но терпел ради нее, седой и старенькой. Она была рядом. Улыбалась ему с последней парты и ободряюще, чуть заметно кивала – «мол, все хорошо, Дима, ты справишься...». Ее юная коллега, видимо, тоже решив поддержать гостя, сияющей улыбкой брякнула очередную высокопарную банальность:

– Давайте поприветствуем гордость нашей родной школы, ее лучшего ученика Дмитрия Васильевича Малькова и предоставим ему слово!..

Опустив глаза, он втянул голову в широкие плечи... Гордостью школы он никогда не был. Тем более лучшим учеником. Когда-то давно, в этих самых стенах, его назвали позором сего учебного заведения и с треском выперли. Назвала та, которая внимала ему сейчас с такой добродушной приветливостью. Словно попав в зазеркалье, он на мгновение перенесся в прошлое...

...Неприязнь между ними была взаимной и едва контролируемой. Она считала его лоботрясом, а он ее – злобной училкой. Типичный случай. Классика жанра.

Алгебра Димке Малькову не давалась, хоть ты тресни! Двойка на двойке и двойкой погоняет. Любому, кто пытался посоветовать ему взяться за ум и «подтянуть хвосты» перед выпускными экзаменами, важно объявлял: «Я стопроцентный гуманитарий, математика – не мое». В его понимании эта фраза была железобетонным аргументом, не требующим доказательств и не допускающим никаких возражений. Разве можно от гуманитария требовать чудес на чужеродном поприще? Он же не виноват, что у него склад ума такой...

ЕЛИЗАРОВА Наталья Владимировна родилась и живет в Омске. Член Союза российских писателей, прозаик. Окончила филологический факультет ОмГУ, аспирантуру ОмГТУ. Кандидат исторических наук. Печаталась в российских периодических изданиях и коллективных сборниках. Автор девяти книг прозы. Лауреат литературной премии имени Ф.М. Достоевского (Омск, 2004). Лауреат Германского международного литературного конкурса «Лучшая книга года» в номинации «Крупная проза» за роман «Жмых» (Берлин – Франкфурт, 2015). Дипломант II Международного литературного Тургеневского конкурса «Бежин луг» (Тула, 2019).

Дурачком Димка не был. И, пожалуй, при желании мог бы знать нелюбимый предмет на крепкий трояк, а уж если бы поднатужился, то и на четверку. Но ломать мозги о скучнейшие формулы не хотелось. Гораздо интереснее рисовать на обложке истрепанной тетради самолеты, автоматы, танки... Когда его ловили за «посторонними делами на уроке», дерзил, огрызнулся, мол, мне ваша алгебра до фонаря, поэтому муштруйте какого-нибудь зубрилку, а меня оставьте в покое...

Начиная с седьмого класса он уже твердо знал, как только окончит школу, уедет в Нарым, к отцу. Димкин отец был геологом. Родители развелись, когда мальчику исполнилось девять: Димкина мать не выдержала дальних расстояний и долгих расставаний. «Зачем мне мужик, которого никогда нет дома?» – говорила она подругам. На вопрос – почему не поехала вслед за мужем, недоумевающе пожимала плечами: «И что мне там делать? Комаров кормить?»... Димкина мама была горожанкой от макушки до кончиков пальцев, таежная романтика ее не прельщала. А мальчика от ее разглагольствований коробило – как можно купание в ледяном ручье, сон в палатке на свежем воздухе, песни у костра под гитару променять на какие-то заурядные бытовые удобства? Небо и звезды – на кафельную плитку в ванной... Хуже этих мещанских рассуждений может быть только алгебра!.. Скорей бы уж получить аттестат зрелости! Тогда он сможет просто взять и уехать на все четыре стороны. Даже невзирая на протесты матери.

...Зинаиду Петровну, учителя математики, самонадеянный юноша раздражал. Впрочем, не он один. В последнее время она стала замечать, что старшеклассники ведут с ней негласную войну. Ее просьбы вызывали насмешки, требования дисциплины – игнорировались. Раньше, заходя в класс, она чувствовала уверенность и легкую окрыленность. Приятно было видеть интерес в глазах ребят, искреннее желание понять мудреную науку, разобраться. Сейчас ничего этого не было и в помине. На лицах – нескрываемая апатия и равнодушие. Даже отличники, с трудом сдерживая зевоту, вяло царапали ручки в тетрадках. Зинаида Петровна понимала: ее терпят только ради выпускных экзаменов, и то только те, кто нацелился поступать в институт. Раньше она могла их увлечь, влюбить в свой предмет, теперь же чувствовала, что и сама потеряла к нему интерес. Как это произошло? Почему? Как из тоненькой, большеглазой девочки, вчерашней выпускницы матфака педагогического института, с лучезарной улыбкой встретившей свой первый класс, превратилась в угрюмую, не-

приветливую училку, идущую по школьным коридорам, как солдат по плацу. Солдат, ожидающий, что в любой момент из-за любого угла ему выстрелят в спину. Романтическое обаяние профессии выветрилось без остатка. А мечты «сеять разумное, доброе, вечное» давным-давно превратились в опостылевший лозунг, насмешку над идеалистами. А еще это гнетущее, крепнущее с годами, чувство усталости, незащищенности, подавленности, страха попасть в неконтролируемую ситуацию и совершить ошибку, показаться некомпетентной, смешной...

Перед экзаменами Мальков вступил с ней в открытую конфронтацию. Она вызвала его к доске. Предсказуемо не выучил, не ответил. Влепила пару, и даже две: одну в журнал, вторую в дневник. Искоса взглянула на него: «Не стыдно так плохо учиться, Мальков?» Он недобро хмыкнул: «А вам не стыдно так плохо преподавать?». Обожгло. Сорвалась на крик: «Выйди вон!» Ее колотила мелкая дрожь, а он как ни в чем не бывало, подхватив сумку, устремился к выходу: невозмутимый, убежденный в своей правоте, с презрительной усмешкой на губах. Однокурсники, одобрительно перешептываясь, смотрели на него с нескрываемым восхищением: по сути, он сказал то, о чем думали все, но не решались произнести вслух... Он даже дверью не стал напоследок хлопнуть, словно подчеркивая, насколько училка для него мелка и ничтожна. Она же не сдержалась, бросила в спину: «Негодяй!». И, не сдержавшись, заплакала...

...В учительской Зинаиду Петровну долго отпаивали корвалолом и валерьянкой. Уговаривали забрать заявление. А она, качая головой, упрямо твердила: «Ноги моей больше не будет в школе!»... С большим трудом ее удалось упрямить довести до конца учебного года класс... Впрочем, в сентябре она вернулась. Отчаянно боясь расспросов, заготовила уйму складных объяснений. Но коллеги расспрашивать ни о чем не стали – такие вещи случались с каждым педагогом: периодически у кого-нибудь из них сдавали нервы, и тогда торопливо писалось и кидалось на директорский стол заявление об уходе, а вскоре – с таким же успехом забиралось, рвалось на клочки и летело в мусорную корзину. И все возвращалось на круги своя.

...Экзамен Мальков сдал ожидаемо плохо и школу покинул «с волчьим билетом». А потом сразу армия. И Афган... Зинаида Петровна узнала об этом случайно от завуча, сурового вида дамы, носившей свою серую драповую тройку с изяществом фельдфебеля и разглагольствовавшей на планерке с обстоятельной назидательностью – вот, дескать, учился бы нормаль-

но, так поступил бы в институт, человеком стал, а сейчас, может, хоть там уму-разуму научат...

...Зинаида Петровна, чувствуя, как сердце, точно обручем, сковало ощущение неминуемой беды, растерянно переспросила:

– «Там» – это где?.. На войне?..

...Несколько лет назад, в начале 80-х, ее руководительница с таким же бесстрастным видом говорила совсем другие вещи: об укреплении позиций мирового социализма, интернациональном долге советского воина, помощи СССР братскому народу Афганистана... Красивые пафосные фразы имели действие: мальчишки бежали с заявлением в военкомат. Призывали туда, разумеется, не всех, но добровольцем хотел быть практически каждый. Считалось, что именно так должен поступить настоящий комсомолец... А потом в школьном коридоре появился первый портрет с траурной каймой... Паренек был местной знаменитостью, играл на гитаре, занимался в драмкружке. На него заглядывались все девчонки... И вот – лишь фотография на стенде... Преподаватели и ученики смотрели на черно-белый образ под стеклом с затаенным ужасом, сдержанно шептались: «Что с ним стало?..» – «Да вот, читайте: «Погиб при выполнении боевого задания»». – «Да, но как?» – «Тут же написано – «героически»... Спустя некоторое время рядом разместили еще один портрет...

...Завуч бросила поверх очков ледяной взгляд:

– В армии, – поправила она Зинаиду Петровну и безапелляционно отрезала: – Сам виноват, что не хотел учиться... Безобразное поведение, прогулы, хамство... Вот и ожидаемый результат!..

– Простите, у меня занятия... – женщина нетвердыми шагами заторопилась к двери.

– Вы что, расстроены?.. – в глазах начальницы блеснуло искреннее недоумение. – Он ведь систематически доводил вас до слез!..

– Надо идти... дети ждут...

– Разумеется, я вас не задерживаю... Только вот характеристику этому юноше не я писала, а вы, уважаемая...

Зинаида Петровна опустила глаза...

...Когда Дмитрия Васильевича спросили, как он попал в Афганистан, он лишь неопределенно повел плечом – так сложилось. Но учащиеся смотрели на него с интересом, ждали ответа. Пришлось рассказывать.

– Мне исполнилось восемнадцать...

...Говорил скупой, нехотая. Не приукрашивая, не рассчитывая произвести впечатление на публику. Крутившиеся в памяти картины тридцатилетней давности безжалостно рихтовал, отфильтровывал до сухой «рыбы»... В конце

концов, кому нужны его воспоминания? Его пригласили на эту встречу как наглядное пособие. Иллюстрацию из учебника истории, помещенную в главе про кризис развитого социализма...

...В тот день после разговора с завучем Зинаида Петровна впервые в жизни пошла в церковь. Украдкой, чтобы никто не видел. Специально задержалась в классе дольше обычного, выжидая, когда учителя и ученики успеют разойтись. Крестилась неумелой рукой. Просила – истово, как заклинание: «Только бы живой вернулся!»... Не покидала мысль, что ученик оказался там из-за нее...

...Мальков в добровольцы не рвался. Все прокрутилось быстро, будто в калейдоскопе, и как-то спонтанно... Призыв, учебка, распределение... Рядовые вопросы командования: «Высоты боишься?» – «Нет». – «Как жару переносишь?» – «Нормально». – «В ВДВ служить пойдешь?» – «Пойду»... Никакого нажима, насилия. Предложили – согласился. И пошло-поехало: тренировочные марш-броски, рукопашный бой, стрельбы на полигоне, прыжки с парашютом... И как апофеоз – Афганистан... Впрочем, мог бы и отказаться... Наверное, мог бы...

...Ребятам хотелось слушать про бои и атаки. Но война – это не только атаки, скорее, их ожидание – тоскливое, напряженное... Среди безжизненной пустыни, обволакиваемой серым облаком пыли... раскаленных под слепящим солнцем камней... обдуваемых знойным ветром палаток... Усталые, отрешенные лица людей, согнувшиеся под тяжестью вещмешков и автоматов... Нестерпимая жажда... Мутная, грязная вода... Гепатит и холера... Тиф и дизентерия... Треклятые консервы, от одного только вида которых – воротит... Свинцовая туча и ураган, поднимающий стену песка... Песок в волосах, ноздрях, складках одежды... Забитые пылью легкие... Черная, несмываемая копоть на пальцах... Запах солянки и кизяка... Ежедневное коварство узких обрывистых дорог и отвесных склонов... Мозоли и вши...

...Свое возвращение домой Мальков считал не иначе как чудом... После таких ранений обычно не выживают...

Провалявшись в госпитале несколько месяцев, он вернулся в родной город... Шел ранним утром с вокзала пешком. В это время Зинаида Петровна спешила на работу... Узнала, выронила сумку... дрожащим голосом окликнула...

– Никогда бы не простила себе, если б с тобой что-то случилось...

– Да ладно вам, будет... живой ведь...

– Слава Богу!..

...Если бы кто-то сказал Малькову, что он и его учительница по алгебре смогут подружиться

ся, он бы счел это глупой шуткой. Но вышло именно так... Встречались нечасто: на праздники или в день рождения Зинаиды Петровны. Вели долгие душевные разговоры на кухне. Как ровесники. Как близкие люди... И ему, и ей казалось странным, что когда-то было по-другому...

...Когда Зинаида Петровна предложила устроить встречу со старшеклассниками, Мальков воспротивился. Но она так настойчиво упрасивала, что он сдался.

– Нужно, чтоб эти дети увидели хоть что-то живое, настоящее. А не только с утра до вечера в Интернете висели... Для них война – это стрельба. Как будто убить человека так же просто, как палить по мишеням в тире...

Мальков невесело усмехнулся.

– Знаете, Зинаида Петровна, а ведь убить человека действительно просто... Даже удивительно, до чего просто!.. Иногда думаешь: сколько трудов затратили родители, учителя, чтобы воспитать пацана, сделать из него мужчину... А потом – бац! – короткая очередь – и он падает навзничь... И все! Человека нет...

– То, что ты говоришь, – страшно...

– Мне тоже. До сих пор... Я ведь там научился молиться... за упокой товарищей своих... А потом и за чужих... за то, что жизнь отнял...

– Я тоже научилась... – тихо отозвалась учи-

тельница и вздохнула. – Сможешь ли ты когда-нибудь меня простить?..

– Вы опять про этот злосчастный экзамен вспомнили?.. Ну в самом деле, Зинаида Петровна, сколько можно?! Алгебру я при любом бы раскладе не сдал. Я ж ничего никогда не учил!..

Она покачала головой:

– Не в алгебре дело, Дима... Да и не твой это экзамен был...

...Встреча с «афганцем» подходила к концу. Хмурый Мальков понемногу оттаял. Отвечая на вопросы ребят, даже пошутил пару раз... Его долго не отпускали. Обступили гурьбой в коридоре. Зинаиде Петровне, чтобы попрощаться с гостем, пришлось ждать...

Молодая учительница тем временем торопливо заполняла графу в учебном журнале. «Мероприятие прошло на «отлично», – поглядывая на часы, говорила она Зинаиде Петровне, – только вот затянули немного, а у нас педсовет в три. Зато теперь есть чем отчитаться перед руководством о патриотической работе». Та, не слушая ее, наблюдала за своим бывшим подопечным. Встретившись с ней взглядом поверх облепивших его со всех сторон вихрастых голов, он улыбнулся.

2020 г.

Андрей Фролов

Висели дома на высоких дымах

* * *

Ивану Рыжову

В деревне Коровье Болото
Совсем не осталось коров,
Да и от деревни всего-то –
Двенадцать замшелых дворов.

Воюет старик-долгожитель
С колодезным журавлем:
– Помрем-то когда же, скажите?
Ведь все же когда-то помрем...

Горбатятся крыши косые,
Хребтами белеют плетни...
Храни, Вседержитель, Россию!
И эту деревню храни.

Бабье лето

Богом посланная милость –
Теплый солнечный денек.
Это лето зацепилось
Паутинкой за пенек.

ФРОЛОВ Андрей Владимирович родился в 1965 году в Орле. Окончил Орловский строительный техникум и Орловский государственный университет. Работал плотником, инженером, в настоящее время – руководитель орловского Дома литераторов. Автор семи книг стихотворений и сборника рассказов. Произведения публиковались в альманахах «Поэзия», «Невский альманах», журналах «Наш современник», «Роман-журнал. XXI век», «Простор», «Родная Ладога», «Молодая гвардия», «Огни Кузбасса», «Подъем», «Бийский вестник» и др. Лауреат всероссийских литературных премий «Вешние воды», «Белуха» имени Г. Гребенщикова, имени Н. Гумилева, «Ладога» имени А. Прокофьева. Член Союза писателей России. Живет в Орле.

Продолжает труд тяжелый
Забубенная пчела.
Пацаны бегут из школы
На окраину села.

Промелькнут по косогору –
Мимо пасеки, на брод.
А пескарь в такую пору
И на голый крюк берет!

Рыбак

С перегреву зарницами бредя,
День июльский отходит ко сну.
Напевая вполголоса, Федя,
Размахнувшись, бросает блесну.

Котелок, закипая, дымится:
Ох, ушица двойная густа!
Рыбы много пока в Моховице.
Федя знает такие места!..

Но не лезьте с расспросами к Феде,
Пропадут понапрасну труды –
Он не слишком искусен в беседе,
Любит молча сидеть у воды.

Сырость гасит его сигарету.
Федя, пристально глядя во тьму,
Караулит бессонную реку...
Улыбаются звезды ему.

* * *

Линялый август...
Встать до солнца,
Когда еще в ознобе сад,
И пересуды у колодца

Вчерашние еще висят;
Набросив – так, на всякий случай, –
На плечи дедовский бушлат,
Хрустя антоновкой пахучей,
Пробраться мимо спящих хат
За край села, где по-над лугом
Туман раскинулся ковром;
Брести в нем, влажном и упругом,
На колокольчики коров;
Ступить в дымящуюся реку
И плыть заре наперерез...
Каких же нужно человеку,
Помимо этого, чудес?

* * *

Надсадно выла автострада,
Горячим выхлопом дыша –
Через шоссе валило стадо
Размеренно и не спеша.

Тяжеловесны и угрюмы,
Как будто спали на ходу,
Коровы медленную думу
Жевали, точно лебеду.

И снисходительная жалость
К людской извечной суете
В глазах косящих отражалась,
Как в застоявшейся воде.

Стройка

Домишко скромный –
стена в кирпич –
полгода строил
старик Кузьмич.
Село ворчал:
не тот, мол, пыл,
у Кузьмича, мол,
не хватит сил,
ровесник века –
не совладать...
Кузьмич кумекал,
где тес достать.
Залил фундамент
и начал класть
на камень камень,
перекрестясь.
Стропила, кровля –
не на авось.
Забил к Покрову
последний гвоздь.

Приладил двери
и вытер пот:
– Ну, кто не верил?
Глядите – вот...
Присел в сторонке
и вдруг... чихнул.
Как о приемке
акт подмахнул.

Родина

Дойдешь до черного столба,
Сверни направо:
Твоя здесь скорбная судьба,
Твоя держава.

Твой худо-бедный огород
В тени крапивы,
Тебя заждались у ворот,
Рыдая, ивы.

В лугах не кошена трава
Четыре срока.
А мама?.. Все еще жива,
Да одинока.

Ждет обветшала изба
Тебя так долго.
Сверни у черного столба –
Нет выше долга.

Глубинка

Сдвинув в сторону плетень,
Бог поставил мету
Из окрестных деревень
Именно на эту.

В холода дворы тесней
Прижимались к тыну,
Отмирали по весне,
Пережив годину.

Быт размерен,
у людей
Вкусы простоваты:
Сговорясь, в апрельский день
Все белили хаты.

Дружно – вспашка,
Дружно – сев,
И любой при деле.
Здесь и немцы, обрусев,
Под гармошку пели.

Сторож

Десять лет колхоза нету,
Сад давно уже ничей.
Сторож ходит до рассвета,
Он привык не спать ночей.

В ширину – шагов сто двадцать,
Двести семьдесят – в длину.
Он не может отвлекаться
На бездельницу луну.
Перекурит за избушкой,
Пристегнув себя к ружью,
И пугает колотушкой
Тень горбатую свою.

Воскресенье

Висели дома на высоких дымах –
Отчаянно печи чадили в домах,
И в каждой четвертой по счету печи
Румянили к Пасхе бока куличи.
Клубился ванильный над крышами дух,
Творились молитвы устами старух,
И вздох колокольный летел до небес,
И верили люди:
– Спаситель воскрес!..

Храм

Храм рождался тяжело,
Туже истины.
Собиралось все село
Возле пристани.

И стучали молотки
Лето целое.
Поднималось у реки
Чудо белое.
В небеса взметнулся крест
Ярким всполохом.
Долгожданный Благовест
Грянул колокол!

* * *

Родина любимей не становится
С добавленьем прожитых годов.
По моей судьбе промчалась конница –
Глубоки отметины подков.
Выбоины тотчас же наполнила
Светлая небесная слеза.
Сердце от рождения запомнило
Родины усталые глаза,
Спрятанную в сумерках околицу
И дымки лохматые над ней...

Родина любимей не становится,
Родина становится нужней.

* * *

Теперь, как и прежде, зима неизбежна.
Хотя не морозно еще и не снежно,
Но в сумерках рыжих запуталось время,
Как спички, сгорев, почернели деревья.
А небо готово на землю свалиться,
И первыми это почувяли птицы
И, вскинувшись, высь надо мной раскачали.
И сердце застыло в предзимней печали...

* * *

Всю-то жизнь мой отец слесарил,
Почитая свой труд за честь.
Под руками его плясали
Все металлы, что в мире есть.
Размечал заготовки, резал,
И паял, и клепал – за грош.
И шутил:
– Я тебе из железа
Черта сделаю, если хошь...

А теперь, как его не стало,
Прихожу я с вопросом:
– Бать,
Из какого, скажи, металла
Мне для сердца броню склепать?
Слишком много на нем отметин –
Так болит, что уж мочи нет...

Прошуршал над погостом ветер
И принес мне отцов ответ:
– Ты, сынок, только с виду умный,
А на деле – совсем дурак.
Тех, кто ходит с плитой чугунной
Вместо сердца, полно и так.
Ты подумай-ка головую:
С железякой в груди ты б смог?
А болит... Знать, оно живое,
И ты этим гордись, сынок...

Посох

В зоревых, тяжелых росах,
В стылой сумеречной мгле
По земле блуждает посох,
Дыры делая в земле.
Сеет смуту и раздоры,
И судачат старики:
– Бродит в поисках опоры,
Твердой, праведной руки...

Но сквозьзубые недоздрасьте
Нас с тобой уже не спасут –
Разгораются новые страсти.
Только в новом, чужом лесу.

* * *

Помнишь, когда-то мечтали о доме,
Ты даже его рисовал.
Строили счастье, где мы были в доле,
В любви и ремонте – аврал.

Планов – рулоны, а времени мало –
Жизнь уместить в года...
В памяти болью – улыбчивый мальчик,
Которым ты был тогда.

Вместо уюта – опять ипотека.
Удачный проект – в долгострой.
Так не смогли два родных человека,
Что мог карандаш. Простой.

* * *

*Мне вовек не доискаться
До тебя окольных тропок.
А. Козырев*

Между тех окольных тропок
Затерялся не один ты.
Чтоб меня поймать иль тронуть,
Мало одного магнита.

В двуедином три- и больше,
Может, даже миллионном
Теле мы с тобою болью
Общим делом обрамленной.

Как себя бы ни измучил,
Как тебя бы ни ломало,
В сердце вслушаюсь – беззвучье,
Просто сердца слишком мало.

* * *

Степень доверия – прыгнуть с обрыва,
Прыгнуть уверенно, зная, поймают.
В реку, проблему, обиду, как рыба,
Ловко ныряю, но ловят, и маюсь –

Снова ищу: куда бы, поглубже –
Ловят. (Мотивы чисты и теплы?)
Осточертело, бессмысленно, глупо –
Прыгаю – ловят, а хочется плыть.

* * *

Когда не захочешь ни есть, ни спать
рядом с мужем.
Когда вдруг подумаешь – с кем бы ст/п/ать
(он мне не нужен),
Тогда просто встань и налей себе чашку кофе,
И вспомни, насколько легко и легче быть
одиноким.

Когда вся в нелепых сомнениях ты и разладах,
Когда очень хочется быть при мнении,
но не надо...
Придумывать ссору, решать, гасить ее,
хлопать дверью...
Всего лишь налей чашку кофе.

Две.

И...

* * *

Покинуть Омск нисколько не пытаюсь,
Я еду в область (люди в креслах в ряд),
Где домики, сараи, сбившись в стаи,
Воркуют, греются, о чем-то говорят.

Я, чтобы их увидеть и послушать,
Трясусь в автобусе (дорога – как с войны).
Уверена, где нет нас, там не лучше,
Там НАШИХ нет, уютных и родных.

А русские дороги без одежды,
И лес сигналит красно-желтым – нет
Проезда ли, просвета ли, надежды,
Но дальше бор – и нам зеленый свет.

* * *

Вот первая в жизни осень,
В которую я тоскую,
По прожитому, которого
(Разве?) уже не вернуть.

Все листья и чувства оземь,
Опять в суету мирскую,
Друзей и любви повторы
Срубаются на корню.

В плену ощущений острых,
Пытаясь любить от скуки,
Мы ищем счастья простого,
Чтоб после предать огню.

* * *

Видимо, надо прощаться,
Как же это я не люблю.
Но в попытках поиска счастья
близость стремится к нулю.

Видимо, надо признаться
И вам, и мне без прикрас –
Мы не родные, не надо
Цепляться за мокрость глаз.

Видимо, надо простить/ся
И вас, и меня, и с вами,
Новую жизнь, как птица,
Я отмеряю крылами.

* * *

Все мы в детстве верили в сказку,
В Новый год, Дед Мороза и чудо,
Заглянуть не пытались под маску
Персонажам, а может быть, людям.

Самолет залетал к нам в окошко,
Принося поздравления с севера,
И волшебный наш друг-колокольчик
Находил все подарки уверенно.

А сейчас что осталось от сказки? –
Только память и грустные шутки.
Но все жду, что мне сказку расскажут,
Если ж нет, то сама напишу я:
«Это было совсем недавно...»

Поэту

что сказать, ни первый, ни единственный,
лишь тебе не(с)давшийся тираж
был читаем, полюбИм и искренен –
поздно, что написано, стирать.

глупости, окрестности, полтинники –
только декорации для слов.
пусть смеются, глупые и дикие,
в жизни не читавшие стихов.

пусть нет волшебства, осталась мистика,
здесь всегда успеешь победить.
действовать и помнить то, что истина –
словом бить? нет, просто словом быть.

Переводы стихотворений В. Гейнца

Кусочек времени

Подари мне на новый год кусочек времени,
Сохраню я его в глубинах книжного шкафа
Сувениром о юности, мною давно потерянной,
Как жемчужину прошлого, как для сердца лекарство.

Бесконечно широк и длинен конвейер прошлого,
Постаревшего времени стрелки скрипят в настенных,
Разрубают на мелкие части его, заполошное,
И швыряют безжалостно эти частицы в вечность.

Подари мне кусочек времени, чтобы я смог
Заменить эту нить, что тогда от меня ускользнула.
Человек начинает ценить слишком поздно урок,
Колыбель, верный шаг и сплетенье привычных улиц.

Подарила бы если ты мне кусочек времени,
Мы бы в море ушли, залатав наш уставший кливер,
Так легко и бесстрашно, даже в полном безветрии.
Как же мы далеко вместе уйти смогли бы.

Прощание

Вот наша с тобою последняя ночь...
Прощанье пришло...
и осталось.
Угрюмым утесом застыл вокзал
устало.
В его бледном свете, мерцании нот
печальных
я твой силуэт обнимал отчаянно.

А рядом на рельсах, стремящихся вдаль,
Вагон прицепляли
Товарный
К поезду с грохотом, будто что-то
взрывали –
Раз губы молчали, могли говорить
наши руки,
глаза отражали мир разрушенный.

Внезапно на небе возник метеор,
Перечеркнул
восток,
Словно обычным писчим пером
листок.
Черное небо... и месяц, потертый
снами,
Твердо стоял запятой между нами.

Светлана Макарова-Гриценко

Хайдусобосло

Рассказ

Когда старинная школьная подруга Ритка позвонила и выпалила, что горит поездка – потому что забронирована трехкомнатная квартира, все просчитано до копейки, и пострадают хорошие люди Сева и Оля, Ритка обещала им железно, а теперь поехать никак не получится: не с кем оставить сына Никитку, – Елена слушала подругу спокойно. Ну что взять с Ритки с ее вечными авралами? Послушать да посочувствовать. Выскочила замуж в восемнадцать за «пивное брюхо», в двадцать родила, в двадцать четыре подала на развод. И вот – скоро тридцатник – тянет лямку...

– Там горный курорт? – Елена попыталась перебить поднадоевшую Риткину тираду.

– Хайдусобосло в Венгрии! Термальные воды! Представь, как круто: зимой в горячем источнике купаться!

– Для подагриков и ревматиков, что ли? И зима уже кончается... Как ты сказала? Хай... Хайда...

– Послушай, это ж – Хайду-собосло! – старалась Ритка.

Глаза Елены округлились:

– А попримечней ты не нашла?

– Не поверишь! Я специально искала – чтоб не знал никто. На работе про Турцию с Египтом уши прожужжали. Надоело!

Елене тоже надоело слушать чушь. Но Ритка так мастерски закручивала про возможности и красоты курорта, про бассейны, термальные источники Хайдусобосло, а главное, к месту вставляла, что для Елены-то ничего сложного нет, захочет – все, как на блюдечке с голубой

каемочкой! Да и какие могут быть сомнения: на работу Елена не ходит, средства на отдых имеются, паспорт наготове – значит, не раздумывая, в Хайдусобосло!

Ритка невероятным своим чутьем угадала, что лохматое слово для ушей Елены звучало как клич, волнующий и побуждающий к действию. При этом с языка Елены так и срывалась чистая правда: «Ты о чем, Ритка? Я ж безработная почти два года. Про какие средства вспомнила? Машину недавно продала – так это ж последнее, на что жить...» Но, прикусив язык, Елена слушала Риткин треп, и сердце билось так, будто звонили из прошлой жизни.

Смолькина Елена, отличница в школе и вузе, блондинка с ногами от шеи и широко распахнутыми карими глазами в густых подкрашенных ресницах не могла признаться однокласснице в своих серьезных материальных и жизненных проблемах. Она всегда считалась звездой, победительница областных олимпиад, надежда факультета. Умница и красавица с трезвым расчетом в глазах. Ей прочили блестящую карьеру. Но после учебы она не стала поступать в аспирантуру. Даже не пыталась участвовать в конкурсах на вакантную должность и обитать пороги солидных фирм. Девушка с внешностью модели и знанием трех европейских языков согласилась заваривать чай, следить за температурой и влажностью воздуха в офисе и подавать бумаги на подпись шефу. Елена устроилась в иностранную компанию, торгующую автомобилями, и положила свой красный диплом экономиста-бухгалтера на самую дальнюю полку.

Куда иногда заглядывал отец Елены, главный инженер доживающего последние дни заводика металлических изделий. Евгений Иванович Смолькин всерьез переживал за единственную дочь: «Разве может секретарша зарабатывать такие деньжищи!»

– Может! – уверенно парировала Елена. –

МАКАРОВА-ГРИЦЕНКО Светлана Николаевна. Прозаик и поэт. Член Союза писателей России. Секретарь СПР, председатель Краснодарской краевой писательской организации, главный редактор газеты «Кубанский писатель», заслуженный деятель искусств Кубани. Лауреат всероссийских и краевых премий и наград. Живет и работает в Краснодаре.

И не секретарша, а личный помощник директора!

– Вот то-то и оно... Такие деньги только личным и платят, – крихтел родитель, явно подразумеваемая некие обстоятельства.

Елена не реагировала. Покупала папе культиваторы на любимую дачу, маме – кухонные комбайны. За руль авто, приобретенного на кровно заработанные, она села в двадцать пять. Квартиру, правда, на окраине, в новостройках, начала присматривать в двадцать восемь... Ипотеку оформить не успела, грянул кризис. И случилось невозможное: большой иностранный начальник компании, в которой почти восемь лет трудилась Елена, вдруг обнаружил, что вполне в состоянии собственноручно подставить чашку под сопло кофеварки, встретить семью, прилетевшую из Бостона, и забрать свои костюмы из прачечной... Елену уволили. Рассчитали по всем правилам: выплатили солидную компенсацию и даже поблагодарили за добросовестный труд. Но и с расчетом на руках Елена не могла поверить в происходящее. По утрам испуганно таращилась на табло электронных часов, как будто могла опоздать куда-то. Весь день прислушивалась к звонкам – вдруг передумают, вдруг позовут обратно.

Конечно, она сидела в Интернете, подыскивала новую работу. Но как экономист не имела никакого опыта и стажа. Начинать с нуля – людей смешить... Елена ходила иногда на собеседования. Но разве можно работать бесплатно? А считать заработной платой те копейки, что ей предлагали, она отказывалась, решив выждать. Кризисы тоже когда-то заканчиваются.

Увы, уже через полгода мастер в салоне красоты, у которой Елена делала прически не реже двух раз в неделю, была переведена в «режим ожидания». Пришлось отменить и привычные вояжи по дорогим магазинам. Через год безработицы – продать машину, рядом с красным дипломом на полке лежали теперь и автомобильные права, загранпаспорт...

Но Ритка задела за живое! Это неуклюжее Хайдусобосло сработало, как катализатор, и Елена как-то разом обессилела, осознала, прочувствовала: как же она устала! От вынужденного безделья, от монотонных вздохов матери, помешанной на чистоте и нерожденных внуках. «Тебе уже тридцать, нужно задуматься... Нельзя оставаться такой инфантильной. Вынеси мусор...». От вечных телесериалов, а с приходом отца их сменяют нескончаемые политические ток-шоу. И тогда вовсе хоть из дому беги – война, война, война! Убитые дети, разрушенные дома. Отец трясет кулаками в сторону ящика и грозит уехать воевать на Донбасс. Несколько раз за вечер он может ворвать-

ся в комнату дочери с возмущенным криком: «А ты слышала? Они снова начали...». И нужно удержаться и не вступать ни в какие разговоры, а тем более выяснения отношений, иначе грандиозный скандал обеспечен. Мать при его словах мелко крестится. Но ее «песню» про «хорошего паренька в соседнем подъезде» Елена тоже давно выучила наизусть. И осталось одно спасение – смотреть на родителей пустыми глазами. И представлять что-нибудь приятное, теперь в голове Елены звучало: «Хайдусобосло».

С Риткой они встретились через несколько дней после телефонного разговора. Елена долго размышляла, какой наряд выбрать? Обновок давно не было. Но качественная классика из моды не выходит. Брючный костюм цвета мокрого асфальта с замшевыми ботильонами и сумкой в цвет на стройной фигуре Елены смотрелись идеально. «Опять Ритка будет охать и вспоминать, какой она была до родов...» Скептически оглядев кожу на скулах и подбородке, Елена осталась довольна, но масочки поделаться бы надо. «Завтра займусь».

Она шла по городу, кутаясь в толстый крупной вязки шарф, февральский южный ветер явно старался походить на январский северный. Молоденькие деревья на бульваре гнулись под его порывами, летели невесть откуда ржавые прошлогодние листья с мелким мусором. «Какой курорт? Какое Хайдусобосло? Купание под снежными зарядами...» Пожалуй, самой себе она боялась признаться, что лишь заполняет день неким событием, заставляет себя верить в приключение: «Поехать на неделю в Венгрию – очень даже реально! Нужно ехать...»

В квартире Ритки пахло кофе. Полы в прихожке, укрытые светлой плиткой, оказались теплыми, Елена медлила у зеркала, заодно отогревая ступни.

– Ой, как хорошо, что ты пришла! Сколько ж мы не виделись?

После чмоков Ритка потащила подругу на кухню. Те же моющиеся обои из прошлого века, а вот шкафчик в стиле хай-тек новенький, баклажанового цвета, занавески модные – мелкая сеточка. Чайную чашку с трещинкой Елена незаметно поменяла, не захотела Ритку в краску вгонять. И потекли разговоры по душам. Тараторила, конечно, Ритка. Елена держала на лице дежурную улыбку, разглядывая при этом кожу на Риткиных щеках, складочка уже залегла на переносице, срочно гуаронку – иначе морщина обеспечена. Желтые волосы у Ритки мелированные, пересушенные. Ну и, конечно, больше всего Елену впечатлила округлость форм. «Да, набрала подружка килограммчиков...»

– Ритка, ты когда в спортзале последний раз была?

Хозяйка квартиры аж подпрыгнула:

– Дались вам эти спортзалы! С ума все походили. Неужели больше заняться нечем? «Дуся-агрегат»?! Мне чё, семнадцать? У меня вон Никитка в мужика превращается. Лопают так – аж за ушами трещит! А я, думаешь, удержусь, когда перед глазами вкуснотища? Я ж ему все свеженькое готовлю. Слушай, а как раскрутили население на все эти боди-билди! Столько спортклубов развелось по всему городу – представляешь, какая выручка? Ты не хочешь инструктором стать с такой фигурой?

– Надо подумать, – кисло улыбнулась Елена.

– Тебя зарплата там не устроит!

– Пожалуй...

Разговоры о зарплате Елену явно не воодушевляли. Но она все ж поинтересовалась, как дела у подруги. И пожалела об этом. Потому что пришлось слушать об успехах дистрибьютора и фантастических новинках для дома и дачи... Ритка строчила, как зомби, будто отжали в ней тайную кнопку. И пока заложенная «программа» не закончилась, она не умолкла. Да и после то и дело вставляла: «А еще у нас в этом сезоне...» С дипломом психолога Ритка трудилась администратором в салоне красоты, а почетному – в обыкновенной парикмахерской. В свободное время активно подрабатывала в сетевой торговле.

На курорт она собралась, потому что получила алименты на ребенка за целых полгода от папы-менеджера, бывший, наконец, нашел организацию, которая смогла его труд оценить достойно. Под жестким Риткиным нажимом выплатил задолженность на содержание сына. Теперь у Ритки стояла задача восстановить силы!

Как подруга «выбивала» деньги из бывшего, Елена даже расспрашивать не стала – и так понятно. Молчала и Ритка, видно, не было сил вспоминать об этом. Или жалела неопытную в таких делах гостью. Лишь выразительно подвела глаза под потолок и тусклым голосом загадала загадку: «Что, по-твоему, подарил папа любимому сынуле ко дню рожденья?» А потом безнадежно махнула рукой:

– Никогда не угадаешь! Распечатанные на ксероксе страницы из книги Маркса «Капитал». Чтобы продолжатель рода с малых лет учился уважать финансы и зарабатывать их! Во! Никитка подарок на всю жизнь запомнит. Такое разве забывают...

«Бывший муженек стал, наконец, яппи. В топ-менеджеры перешел», – определила Елена, хорошо знавшая этих молодых и успешных особей. Работников крупных компаний с высокой зарплатой, расширенной медицинской страховкой, корпоративным автомобилем,

за который не приходится платить ни копейки из собственного кармана, и «нелимитированными» представительскими расходами в командировках, вернее, бизнес-поездках. На холостяках-яппи стоит ресторанный и алкогольный бизнес. Фермерский тоже, потому что они активные пожиратели стейков из мраморной говядины... Елена со вздохом вернулась из проплывших в памяти картинок: молодые и матерые в швейцарских часах... Взгляд ее снова сфокусировался на Ритке.

– Ну, а что у тебя с Хайдусобосло? Расскажи наконец. Я ж из-за этого...

И понеслось: про «рай для купания», про уникальный аквапарк с девятью горками, про природный газ, который однажды во время бурения с невероятной силой вырвался наружу «коричневым золотом», водой с уникальным запахом и составом.

– Площадь термальных водоемов там – больше пяти гектаров! Ты только представь! Это самый большой бальнеокурорт в Венгрии! Там парк – целых двадцать пять гектаров! Я так мечтала поехать! – сокрушалась Ритка.

Елена слушала и ловила себя на мысли, что эта примитивная поездка в венгерское Хайдусобосло, так долго и всерьез обсуждаемая, на самом деле стыд и позор для современного человека. Нужно спокойно сесть в самолет и лететь, как это делала раньше. Теперь же вместо рева двигателя противная вибрация внутри: «Неужели поеду?..»

«Зачем путешествовать и менять места, если повсюду приходится таскать себя самого?..» В голове Елены промелькнули слова отца, и она вздрогнула, чуть качнулась назад, словно отстранялась от них. «Поеду... Хочу плавать в горячей воде «с уникальным запахом», ловить снежинки губами и слушать колокола на Золтан Рац». Про коллекцию колоколов тоже рассказала досужая Ритка.

Вытарахтев подробности поездки (уже арендована большая квартира, соседи – семейная пара), Ритка не отпустила Елену, заставила смотреть фотографии любимого Никитки, он уже второй год занимался бальными танцами.

– Вот, смотри, это твои попутчики и соседи! Родители нашей Танюшки – партнерши по танцам! Смотри, какая мимишечка! Обожаю!

Елена послушно разглядывала своих будущих соседей и постановочные снимки трогательной бальной пары в концертных костюмах из атласа, пайеток и перьев... Никитка – хорош, но девочка оказалась существом вовсе неземным – дюймовочка в пышной аквамариновой юбочке! Невесомая стрекоза с огромными удивленно-радостными глазами. Бывают же такие!

Вдоволь поумилявшись на радость гордой маме, Елена, наконец, попрощалась, вполне удовлетворенная встречей.

И назад она шла легко, почти не замечая ветра, который теперь дул в спину. Елена размышляла о Риткиной жизни, о том, как она в своей парикмахерской с упертостью зомби впихивает клиентам «новинки» сетевой торговли. Потом несется с Никиткой на другой конец города, куда «прилетает» и дюймовочка-стрекоза. Ритка ждет окончание репетиции, сидя в коридоре на длинной

горбатой скамейке. И уже по темноте возвращается с кучей сумок, голодным Никиткой и невыполненным домашним заданием. А еще родительский комитет в школе, утренники и чтобы обязательно в белой крахмальной рубашке и безупречных брючках. И еще выступления Никитки с Танюшкой на конкурсах и концертах, одни прически чего стоят! А денег сколько...

«Да... после Хайдусобосло Ритка мне обзавидуется надолго, – улыбка тронула губы Елены. – Все-таки она никогда не умела жить».

Григорий Глушнёв

Такой же, как все, человек

* * *

Не видать во тьме, как небо нахмурилось,
Не видать луны, на небе сияющей.
Если ветер в эту ночь разгуляется,
Застучат по стеклам капли осени.

Я сегодня не боюсь ранней осени,
Пусть в открытое окно веет холодом.
Мне казалось: наши встречи недолгие,
Не одним лишь солнцем были согретые.

Если ты об этом вдруг догадаешься,
Не волнуйся ни о чем, ты хорошая.
«Здравствуй», – я тебе скажу, если встретимся.
Только лето пусть быстрее закончится!

* * *

Здравствуй, осень моя дорогая,
Одержим я сегодня тобой.
Облаками зарю пеленая,
Теплый август мне машет рукой.

Что ему под ветрами уныло
Опустевшие парки стеречь?
Раскаленное солнце остыло,
Как давно прогоревшая печь.

ГЛУШНЁВ Григорий Валерьевич родился в 1986 году в Омске. Поэт, член Союза писателей России. Публиковался в газетах «Российский писатель» (Москва), «Большая Медведица» (Урал), а журналах «Литературный Ульяновск», «Литературный Омск», в альманахе «Чаша Круговая» (Екатеринбург), в коллективных молодежных сборниках. Автор поэтической книги «Нерастрченное тепло» (Омск, 2010). Лауреат областной молодежной премии им. Ф.М. Достоевского и региональной премии им. В.А. Макарова.

Только я, ослепленный лучами,
Приглушенный июльской жарой,
Дотянулся до солнца руками,
Пропуская удар тепловой.

Знаешь, осень, с тех пор при закате,
Будто вижу я в кронах берез,
И твоё шелестящее платье,
И волну рыжеватых волос.

И, болея под солнцем палящим,
Был мечтою одной одержим:
Как обнимешь ты ветром знобящим,
Поцелуешь дождем ледяным.

* * *

...А я не верю, что «бабье лето»
Наступает в дни уходящего августа,
когда летят паутинки.
Еще не было предзимних ветров
С ледяными каплями дождя.
Еще не прошел первый снег,
Едва касаясь земли и луж,
Еще листва на деревьях не зажглась зарей
Уходящего лета.

* * *

Вновь деревья листвой зашумели,
Затревожились, верно, о том,
Что вокруг облака потемнели,
Угрожая холодным дождем.

Я тревожусь от этого шума,
Все мне чудится: выпадет снег.
Есть у многих печальные думы,
Я такой же, как все, человек...

Грустно птицы кричат, улетаю,
Грустно ветви теряют листву
Будто теплые дни, вызревая,
Опадают в сухую траву.

И спокойно смотреть невозможно
Как теряется в тучах закат,
И деревья с годами тревожней
Под осенние ветры шумят.

* * *

Несмотря на глубокий сентябрь,
Наступили последние дни лета.
Солнце каждый день
Тонкими лучами
Едва согревает неподвижный воздух.
Будто силы бережет,
Чтоб под вечер зажечь красно-рыжей зарей
Пока еще чистое небо.

* * *

Иду во тьме. Мороз сухой
Мой пуховик сжимает тощий.
И будто водит леший злой,
Меня вокруг еловой рощи.

Но я сейчас в глуши такой,
Что даже леший не заметит.
Уже вдали изба трубой
Тепло дымит, и окна светят.

А если правда, что всерьез,
Мне не оглядываться надо?
Ведь неспроста в такой мороз
Косятся звезды виновато.

Ведь неспроста в такую тишь
Молчат заснеженные ели.
И бородой свисают с крыш
Следы полуденной метели.

* * *

Под вечным северным сияньем
Средь сосен спит забытый край.
Старушка встанет утром ранним,
Затопит печь, согреет чай.

Потом садится вьюгу слушать,
Сама не помнит, сколько лет
У этой печки греет душу...
С портрета важно смотрит дед.

Ни зла, ни золота не зная,
Хранит богатство этот дом:
Икона в рамке вековая,
В шкафу большой фотоальбом.

И всхлипы вьюг не заглушили,
Молитвы добрые слова
За тех, кто вовсе позабыли
О том, что бабушка жива.

Каникулы

1

Все утро отдав огороду,
Встречали мы жаркие дни.
До завтра закончив работу,
Любил поваляться в тени.
Бывало: залезу на крышу,
Расслаблюсь, закрою глаза
И в древнем молчании слышу,
Как мимо летит стрекоза,
Как ветки скребут по сараю
И ветром вздыхает село.
Земля, от полива сырая,
Пьет солнечное тепло.
И вроде ни капли тревоги,
И школа еще далека...

И только под небом высоким
Висят надо мной облака.

2

Утопает в зное лето.
Между низеньких домов
Брызги солнечного света
Сушат тени облаков.

Трактор в поле землю пашет.
Здравствуй, сердцу милый край.
Что, бабуля, мне расскажешь
Под смородиновый чай?

Все в порядке? Слава Богу.
Всю работу – на потом,
Посидим с тобой немного
За обеденным столом.

А потом в оконной раме
Вспыхнут звезды и луна.
...У советских фотографий
Бесконечна глубина.

И бабуля повторяет
Шутку давнюю свою:
Трудодни не начисляют
За пустую болтовню.

Майские письма

1

...сколько деревьев у нас во дворе?
Тех, что пеньками не стали за лето.
Разве не чудо: в осенней поре
Все переполнено солнечным светом?

Все за окном отошло ото сна,
Я в полудреме все медлю и медлю...
Это, наверно, не осень – весна,
Если снега провалились под землю.

Даже, наверное, поздний апрель,
Знать бы, конец ли, начало недели.
Может быть, только на сердце метель,
Если деревья укутались в зелень.

Ветер поет, но мне слышится вой,
Надо взорваться, проснуться, очнуться...
Всем существом понимаю: живой.
Если могу до тебя дотянуться.

2

Знаю, скучаешь, я тоже скучаю,
Ты мне письмо на окне напиши,
Если подолгу не спится ночами,
Если поломаны карандаши.

Видишь? Дворовые лужи застыли.
Кажется: скоро застынет река.
Может, мы лето с тобой пропустили,
Если так низко плывут облака?

Помнишь, как выглядит майское солнце?
Помнишь, а я, если честно, забыл.
Дождь монотонно все льется и льется,
Будто бы вечер с утра наступил.

Мокрым туманом укутаны скверы.
Только явление одно не пойму:
Утром, как сварка, сияла Венера
В порванном облаке, словно в дыму.

* * *

Скоро весна, вот и ветер – навстречу –
Стал постепенно не так уж колюч.
Знаешь, я верю, что многое лечит
Жизнь пробуждающий солнечный луч.

Ну а пока состоянье погоды:
Лед на душе и за окнами лед.
Этот закон непреложен природы.
Знаешь, весна неизбежно придет.

Даже не нужно пустые недели
До потепленья тревожно считать.
Могут еще разгуляться метели,
Может немного весна опоздать.

Может, мороз, оступившись, небрежно
Город накроет последней волной.
Главное помни – весна неизбежна.
Тает, как снег, календарь отрывной.

Андрей Попов

Мне есть кого прощать

Воркутинский вопрос

Я родился в краю гагар,
Куропаток и белых сов,
И сюда никакой Макар
Не гонял телят и коров.

И в судьбе моей падал снег,
Снова падал – как будто впрок.
Я смотрел на него, как зэк,
У которого долгий срок.

Я смотрел на него в упор,
С ним легко соглашаясь в том,
Что не я выбирал простор,
Что не я выбирал роддом.

Кто же выбрал? Какая цель?
Непонятно. Туман и тьма.
Но зато впереди метель,
Но зато впереди зима.

* * *

Живет душа моя на войне,
Военный твердит мотив.
А люди думают, я вполне
Терпим и миролюбив,

ПОПОВ Андрей Гельевич родился в 1959 году в Воркуте. Окончил Сыктывкарский государственный университет, филологический факультет. Автор нескольких сборников стихотворений. Лауреат Южно-Уральской литературной премии, международной премии С. Есенина «О Русь, взмахни крылами», премии Н. Тряпкина «Неизбывный вертоград». Стихи переводились на венгерский, болгарский, немецкий языки. Член Союза писателей России. Живет в Сыктывкаре.

И будто любому привету рад,
И пьяных драк не терплю.
А я хочу купить автомат,
И, кажется, что куплю.

На тихом складе среди корыт,
Кастрюль последних систем
Предложат мины и динамит,
И новенький АКМ.

Держу в руке я желанный ствол,
Душа живет на войне,
И сознаю вдруг, что зря пришел,
Что мне не сойтись в цене.

В комплекте штык. Удобен приклад.
И цвет спокоен и мил.
Но я, прости меня, тихий склад,
Денег не накопил.

И вижу – нервы напряжены,
И чувствую жесткий тон,
Можно легко схлопотать войны
Со всех четырех сторон.

Неосторожно среди корыт,
Кастрюль последних систем
Не взять ни мины, ни динамит,
Ни новенький АКМ.

На тихом складе не верят в долг,
Здесь платят и головой.
Зачем мне снился гвардейский полк
И снился неравный бой?

Зачем я слушаю черный мат,
Горячих юношей злою?
Зачем хотел купить автомат?!
И кажется, что куплю.

* * *

Когда Ты молитвам внимаешь,
Глядишь на тревожный закат,
Ты знаешь, конечно, Ты знаешь,
Зачем наши судьбы сгорят.

Сгорят не для точных ответов –
Мы только, как дети, пойдем,
Что строгое таинство света
Дополним неровным огнем.

Запутавшись в снах и порядках,
И в чайных ночи и дня,
Мы просто сгорим без остатка
Неровного ради огня.

* * *

Мне есть кого прощать. И пусть прошло.
Пусть им предать, что выпить чашку чаю,
Но на душе порой и тяжело –
Мне надо их простить.
И я прощаю.

Прощаю им неискренность и страсть,
Что заблудились в лабиринтах быта –
И жизнь им, как измена, удалась.
Но мною прощена.
И мной забыта.

* * *

Провинция, словно Медея,
Убьет, если надо, детей...
Что счастье? Всего лишь идея,
Какую посуду ни бей.

Контора, как водится, пишет.
Как водится, рядом роддом.
Для полного счастья детишек
Осталось убить топором.

Чтоб в точности все по закону
Античного жанра – судьбы,
Чтоб стало обидно Ясону
За если бы да за кабы,

Чтоб вздрогнула строгая лира,
Печалью до сердца пробрав,
Когда он умрет под буксиром,
Речным толкачом «Аргонавт».

И станет России яснее,
К чему этот медленный суд...
Провинция – это идея,
Которую не предадут.

Прикосновение

И сказал Иисус: кто прикоснулся ко Мне?
Лк. 8, 45

Господи, это я, который в молитвах солгал,
Ближних не возлюбивший
И не простивший врагам,
Пьяный вином, сикером и сочиненьем стихов,
Женщинами, судьбою,
Пропахший насквозь грехом,
Я, потерявший сына,
Теряющий жизни вкус,
Я прикасаюсь к Тебе...
И, может быть, прикоснусь.

* * *

Царство Божие не для пьяниц,
Знаешь, русский мой человек,
Больше нашего пьет испанец,
Пьют прилично поляк и грек.

Но о нас говорят с укором,
Что мы пьем с тобой день-деньской,
Потому что спим под собором,
Хмель тяжелый смешав с тоской.

А в соборе иконы, ладан,
Свечи, служба – спасенья ковчег.
Надо встать! Царство Божие рядом.
Встанем, русский мой человек!

Суд в котельной

Немолодой кочегар,
Но называть его надо:
Брат Босх Иероним,
Познавший оттенки ада.

Ни кисти, ни красок нет,
В руках у него лопата.
Его рабочая речь
Искусна в оттенках мата.

Высокой ругани слог
Без всякой на то причины:
– Я – Босх Иероним,
Смотрите мои картины!

Смотрите на власть огня!
Вы в пекло со мной попали!
И так сгорят, вашу мать,
Все радости и печали.

* * *

Деревня потихоньку гибла
От дураков и от дорог.
Деревне не хватало гимна,
Высокого, как сена стог,

Простого, словно день недели,
Родного, как коровий рев –
Чтоб гимн бы этот все запели –
Все семь оставшихся дворов.

И от мелодии душевной
Смог осознать любой дурак,
Что гибнет русская деревня,
Но не сдается, как «Варяг».

* * *

Восходит в тихом сердце речь,
Как сквозь асфальт трава.
Господь принес не мир, а меч –
И это не слова.
И не расплатишься сполна,
Что ночь сорвалась с уст,
Что распадается страна,
Что дом, как бубен, пуст,

Что ты стоишь в дверях вины,
О долге бормоча...
Не может воин без войны,
А Слово – без меча.

* * *

Кладбище спит привычно... Между могил
идет
Светлая вечная память – память из рода в род.

Снова она томится, бредит, как утренний сон,
Вспомнить не может сразу синодик русских
имен.
Кресты, устав, наклонились. Камни точит
вода.
Сколько ворон в округе кричат свое «никогда»!

Стихли слова отчаянья и стихи панихид,
Звезды судьбы ржавеют, стираются буквы
плит.

Но по траве забвенья между могил идет
Светлая вечная память – память из рода в род.

Декабрьский дождь

Жаловаться грех, живем хорошо...
Лишь погода плохая.
Не выхожу из дома. Фотографии перебираю.
Светлые дни вспоминаются, ушедшие
без возврата.
Встречи. Семейные праздники. Улыбка
младшего брата.
Три дня, как его не стало. Какие, казалось бы,
годы!
Приступ надежды несбывшейся. И приступ
плохой погоды.
Утром дошел до окна он. На лужи смотрел
возле дома.
Дождь моросит в декабре. И приехала скорая
помощь.
И привычно ворчали врачи, делая в сердце
уколы.
И некому стало смотреть в окно на декабрь
невеселый.
Может, если бы снег выпал и солнце немного
светило,
Было бы все по-другому. Для жизни остались
бы силы.
Брат хотел позвонить мне, сказать, все дожди
принимая,
Жаловаться грех, живем хорошо...
Лишь погода плохая.

* * *

Может, было. А, может, вспомнился сон.
Подмосковный поселок. И дом цыган.
И дорога до станции. Ты влюблен.
И поет на всю улицу Мулерман.

А в душе твоей пели колокола,
И летели каникулы летних дней,
И она беззаветно тебе ввела,
И без всяких сомнений ты верил ей.

И был теплый ветер. И ты был горяч,
Даже пылок и счастлив на полпути...
Подмосковное солнце за крыши дач
И цыганских домов скатилось почти.

* * *

Дни мои я терял понапрасну,
Но любил только то, что любил.
Никогда не хотел быть несчастным,
И счастливым поэтому был.

А когда было невыносимо –
 Предавали, кто дорог и мил;
 На могиле погибшего сына –
 Я себе повторял, говорил:
 – Слава Богу!
 Все будет в порядке,
 А как выйдет? Не знаю и сам...
 Пусть покажется вам, что все гладко,
 Все легко – пусть покажется вам.

* * *

Осень. Вечер. Холодно и влажно.
 Потемнел от мысли небосвод –
 От напоминанья, что однажды
 Жизнь пройдет – и солнце не взойдет.

День истек. И пролетело лето.
 И проходит мимолетно жизнь...
 Поднимись, моя молитва, к свету –
 Над холодной ночью поднимись.

На площади Восстания

Человек, доверчивый, как лошадь, –
 И таких, как он, еще табун, –
 Выйдет на бессмысленную площадь
 И на беспощадный выйдет бунт.
 Говорит, что хмурая держава
 Не удержит вздоха естества:
 – Тварь ли я дрожащая или право
 На дела имею и слова?!
 Правду перемешивая с ложью,
 Как с осенней грязью первый снег,
 Он дрожит, как тварь.
 Но тварь-то Божья!
 Все-таки не лошадь – человек.

Вернуть благодать

Темное время.
 Ушла благодать
 Может, кому-то водички подать?
 Может, сказать:
 – Брат простуженный мой,
 В темное время
 Ты, вижу, больной.
 Как довели тебя дни и труды!
 Но я иду со стаканом воды.
 Дело благое –
 Водички подать
 Брату больному и прямо в кровать –
 В темное зимнее время, когда
 Мерзнет душа,
 Промерзает вода.

Ошибка Афанасия Фета

*У чукчей нет Анакреона,
 К зырянам Тютчев не придет.
 Афанасий Фет*

Федор Тютчев к зырянам пришел,
 Это стало для Фета укором,
 Но затем подошли рок-н-ролл,
 Гербалайф, Орифлейм и Киркоров –

И не сразу теперь разберешь
 Голос Тютчева в этом содоме,
 Что есть мысль изреченная ложь...
 Вот беда! И не только для коми!

Жизнь теперь называется лайф –
 В этом кайф и конец разговора,
 Потому что кругом Гербалайф,
 Рок-н-ролл, Орифлейм и Киркоров.

* * *

Какую воду и вино ни пей,
 Колеблется земля и все на ней,
 Живущие в придуманном покое.
 А жизнь, как выстрел в небо, коротка
 И тоньше крыльев сна и сквозняка, –
 Безумны возлюбившее земное.

Не поднимайте высоко свой рог –
 Ни Запад не поможет, ни Восток,
 Ни площадь недовольного народа.
 Пески сравняют, занесут снега,
 И снова обломаются рога,
 Качавшие устои небосвода.

И человек судьбы не передаст,
 И снова будет прав Екклесиаст,
 Что суета и скорбь – познания наши.
 Но надо жить и видеть между строк,
 Как время для суда находит Бог,
 Вино и воду для последней чаши.

* * *

Бросим в шапку мелкую монетку –
 Милостыню подаем несчастным,
 Нищие встречаются нам часто,
 Это Бог встречается нам редко.

Где-то Он – один. А нищих много.
 Как живут? Чуть не решим – «греховно».
 Бросим мелочь – откупились словно.
 От кого?
 Наверное, от Бога.

Светлана Вьюгина

СТРАННЫЕ БАБУШКИ

Рассказ

*Чему бы жизнь нас ни учила,
Но сердце верит в чудеса...*
Ф. Тютчев

По прочной, давно уже сложившейся семейной традиции, каждое лето мы выезжали на дачу. Мы – это бабушка, я, ее внук Володя, и моя младшая сестра Аня.

После долгих суматошных сборов и укладок всего необходимого для дачной жизни мы усаживались в папину машину и с облегчением трогались в путь. Иной раз, правда, приходилось терпеть долгие автомобильные пробки на трассе, но что значили эти пробки, когда нас часа через два в глубине первозданного соснового бора, вдали от городского шума и смога, ждал настоящий рай земной.

Рай земной – это не преувеличение. Хорошо, уточню: рукотворный рай земной, сад-вертоград и благоухающий цветник, созданный руками влюбленной в свое творение бабушки. Какие только плодовые деревья, кусты и кустарники не произрастали на ее любимом детище. В этот раз наш взгляд, только мы открыли широко калитку, поразил белый взрыв – разросшийся цветущий куст жасмина, с его тонким, совершенно неповторимым ароматом. А ведь еще у бабушки «в стройном беспоряд-

ке» росли пионы, ирисы, гортензия. За решетчатый металлический забор своими колючими ветками, усыпанными плодами, цеплялся созревающий крыжовник... Ах, милая бабушка-хлопотунья! И до всего у тебя доходили руки. И как ты не уставала?!..

С бабушкой на даче было всегда интересно. Она не поучала меня с Аней надоедливymi наставлениями, считая, что воспитание детей – это святой долг родителей. Бабушка не запрещала нам часами сидеть за компьютерами: просто иногда вздыхала, мол, цивилизацию не остановить. Даже к чтению нас приманивала по-своему: наливала суп и, пока мы его поедали, читала небольшой захватывающий отрывок из какой-нибудь приключенческой книги. На самом интересном месте останавливалась и спокойно накладывала второе и подавала компот:

– Дальше сами читайте. Если любопытно...

Вечерами перед сном бабушка рассказывала нам чудесные истории, в которых порой явь была неотличима от вымысла. И когда мы пошли в школу, то есть стали почти взрослыми, то тоже начали по очереди друг другу рассказывать всякие небылицы, подражая бабушке... Но мы всегда обязаны были следовать одному бабушкиному условию: любая, даже страшная история должна быть с хорошим концом. Бабушка всю жизнь, а с возрастом все больше и больше, верила в чудеса!

Родители навещали нас в наши лесные уголки по воскресеньям, привозили продукты-гостинцы, сидели с нами у костра, у мангала с шашлыками, но, слушая чудесные завиральные рассказы, только плечами пожимали:

– Ну, ладно – дети... Но, бабушка, ты же взрослая!?

Папа с мамой не говорили бабушке, что ее истории иногда производят странное впечатле-

---

ВЬЮГИНА Светлана Васильевна родилась в селе Николо-Урюпино, Красногорского района, Московской области. Член Союза писателей России. Окончила факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. Автор книг для детей «Конопастик», «Солнечные краски», «Черемуховое крылечко», «Сибирский Валенок», «Тайна зеленых ежиков», «Рыжий снег», «Волшебное словечко». Печаталась в журналах «Аврора», «Мурзилка», «Веселые картинки», «Балтика», «О русская земля», «Огни Кузбасса», «Простоквашино», «Дон новый», «Русское эхо», «Север», «Сура», «Подъем», «Юный натуралист» и др. Живет в Москве.

ние потому, что они были воспитанными людьми и любили свою маму по-своему. И, конечно, ценили всегдашнюю бабушкину о нас заботу.

– Чудеса?! В наше-то время?! – И их вопросы повисали в воздухе.

А бабушка на их недоуменные взгляды и вопросы не обижалась, помешивала большой деревянной ложкой клубничное варенье, а мыслями витала в своих чудесах – сочиняла для вечера очередную историю...

Дедушка первый догадался, в чем дело: чудеса живут с теми, кто в них верит. И в подтверждение своей мысли приводил строчки известного современного поэта: «Мы с тобой в чудеса не верим, потому их у нас не бывает...» А вот с бабушкой все было наоборот. Время от времени в ее жизнь приходили необычные люди и необычные события... И вот эта история, случившаяся с ней и о которой я сейчас расскажу, доказывает, что мир полон неизвестного и удивительного...

В молодости наша бабушка сотрудничала с издательствами и оформляла детские книги – она была художник-акварелист. Потом она отошла от всего этого. Отошла от издательства, но не от живописи. Время от времени доставала краски, акварели же писала только в охотку, для себя, для друзей в подарок. Она была уже на пенсии, когда ее разыскал дальний родственник и попросил сделать иллюстрации к детской книге. Бабушке отказывать было неловко, да и красок подходящих на даче не оказалось – она пообещала по возвращении в город найти в своем архиве что-то подходящее и поделиться.

Осенью, вспомнив про свое обещание, стала перебирать наброски, рисунки. Выбрала три-четыре подходящих для книги и, убирая папки, одну из них выронила. Веером легли поверх рисунков фотографии, пожелтевшие документы. После смерти своей мамы бабушка, приводя в порядок бумаги, убрала их в укромный уголок и долгое время в них не заглядывала, и вот случай. Решила две фотографии со своими бабушками-дедушками вставить в рамочки и повесить на стенку, чтобы почаще вспоминать. Решила и сделала. Так фотографии и висят по сей день на той же самой стенке...

– Такие светлые лица, – улыбалась бабушка. – А прадедушка ваш был до революции известным композитором, жалко, молодым умер, – грустно рассказывала очередную историю бабушка.

– Ну, и где же чудесный конец? – резонно поинтересовались мы, въедливые подростки.

– Конца пока нет. После того, как я повесила фотографии в рамочках, мне приснился стран-

ный сон. Будто одна бездетная родственница перед смертью завещала приличные деньги младшему члену своей семьи, то есть вашей прабабушке... И жила эта родственница после революции то ли во Франции, то ли в Дании...

– Бабушка, это твоя очередная чудесная история?! Ты нас разыгрываешь? – мы с Аней не на шутку развеселились.

– Я ни на чем не настаиваю, это же только сон, – задумчиво проговорила бабушка.

...Все наши встречи с бабушкой теперь были посвящены разговорам о поисках возможного наследства. Скептикам – маме и папе – пока решили ничего не говорить. А чужим и подавно. Тем более что единственными зацепками, которыми мы располагали, были «вещий» сон и письмо Петра Ильича Чайковского, непостижимым образом сохранившееся в бабушкином архиве. Вот тут и пригодилась наша дружба с компьютером, умение «зависать» в Интернете и получать из сети необходимую информацию... Вечерами теперь все истории приключенческие (и с хорошим концом!) крутились около наследства и около наших предков. Дело нам казалось то пустым и гиблым, то обнадеживающим; в какой-то момент мы были готовы отказаться от нашей затеи, но тут неожиданно у бабушки и у меня произошла чудесная встреча. А дело было так...

– Рисунки-акварели надо отвезти в издательство, – как-то сказала мне бабушка. – Книга-то у родственника уже почти сверстана. К тому же обещание...

После смерти дедушки я иногда опекал бабушку в поездках. Мы вместе с ней вызвали такси, взяли с собой Дика, прекрасной души псину, бабушка прижала к груди акварели. Мне почему-то очень жалко ее стало в этот момент. Зачем она поверила в это мифическое наследство?! И нас невольно вовлекла в эту погоню за «кладом». Даже папа, прознав про наш секрет, втайне переживал, полагая наше дело безнадежным, но вида не показывал. Он много работал и надеялся отвезти нас всех на море... Без всяких наследственных денег. На заработанные...

Ну так вот.

В такси, по дороге в издательство, мы ехали спокойно минут пять, и вдруг неожиданно нас накрыла жуткая метель. Водителю было трудно вести машину, к тому же у него навигатор завис. Таксист начал злиться на нас, на Дика.

– Вот дом 32, я вас высажу здесь!

– Но нам нужен дом 35, это на другой стороне... – робко пролепетала бабушка. Иногда она терялась от грубости.

Видно, это и был тот единственный случай,

когда наша находчивая бабушка растерялась.

– Здесь нет разворота, – сердито сверкнув холодными злыми глазами, водитель высадил меня, бабушку и Дика в снежную кашу.

Мы стояли на ветру, как будто не в городском пространстве, огражденном домами. Метель просто валила нас с ног. Откуда эта метель в октябре?! Мы ходили кругами и не могли перейти к искомому дому. Бабушка прижимала к груди акварели, а я – Дика. Вдруг прямо из снежной круговерти вынырнула молодая статная девушка и отчетливым звонким голосом крикнула:

– Вас ждут. Скорее.

Мы с бабушкой переглянулись и поспешили за незнакомкой. Терять нам было абсолютно нечего. Кроме акварелей, конечно. И Дика. Мы походили на трех снеговиков. И еле ворочали ногами: так замерзли. Через несколько минут огромная башня, в которой приютилось издательство, вынырнула из снежного водоворота. Снег стал падать медленно, а снежинки стали пушистыми и крупными и уже не хлестали по лицу, как несколько мгновений назад. Время как будто остановилось. Незнакомка, проводив нас, неожиданно исчезла. Бабушка первой стряхнула с себя наваждение снежной стихии и юркнула за массивную стеклянную дверь. Я остался с Диком на улице, ведь мы не знали, пустят ли нас с песиком через проходную. Папа позвонил и, узнав про маету с такси, обещал забрать нас с бабушкой и отвезти домой на своей машине:

– Ждите меня через десять минут.

Тем временем из проходной появились две забавные старушки. Ну не совсем старушки, это были веселые полненькие женщины, в темно-синих старомодных накидках и маленьких круглых шляпках. Они весело щебетали, все время перебивая друг друга. Затем они вместе стали аккуратно спускаться с заметных снегом ступенек. Тут снегопад, как по приказу, прекратился, и со ступенек потекли ручейки, моментально сделав крыльцо скользким и опасным. Дедушка всегда говорил, что нельзя просто глазеть на людей, которые попали в затруднительное положение: чем можешь – помоги. Хоть руку протяни. Я улыбнулся, вспомнив его наказ, и протянул руку той даме, которая была ко мне ближе. Вторая же рука у меня была занята поводком с Диком. Но мой жест веселые «старушки» расценили по-своему и тут же вцепились в меня сразу обе. Я не удержал равновесия, и мы втроем повалились в снег. Дик был в восторге, он прыгал, лаял, а потом приволок в зубах свалившуюся шляпку одной из дам. Я вдруг подумал, что, наверное, это артистки,

возвращающиеся с какого-то концерта. Одеты они были, как некоторые бабушки-москвички, нарочито старомодно, но удивительно, что лица их были гладкими и молодыми. Похоже, что они были не только артистками, но и близняшками. Просто одно лицо! Впрочем, эти секундные размышления прервала одна из них:

– Какой воспитанный мальчик, – улыбнулась первая дама.

– Какой воспитанный песик, – добавила другая.

– Мы хотим тебе сделать подарок, – нараспев пропели они дуэтом. И тут я поверил, что передо мной действительно актрисы.

– А вы волшебницы? – преодолев некоторую неловкость, спросил я. Мы стояли друг против друга и отряхивались.

– Да, мы волшебницы, – весело затараторили «старушки». Они жестикулировали, махали своими сумочками перед моим лицом, поправляли крохотные шляпки и все время перебивали друг друга. Я понимал, что это игра, но сердце забило быстрее, я как будто становился участником какого-то необычного действия...

– Молодой человек, мы спешим, опаздываем. Но в благодарность за вашу учтивость можем ответить только на один интересующий вас вопрос. Ответ на вопрос – наш подарок...

Вспоминая эту встречу, я задаю сам себе вопрос, почему я не спросил про маму-папу-сестру, про себя, наконец? Я спросил про бабушку:

– Бабушка найдет то, что ищет? Все случится?

Мои волшебницы по-детски всплеснули руками и засмеялись:

– Все случится! Все случится! Встретившись с твоей бабушкой в вестибюле, мы ей это скажали. Можешь задать еще вопрос! Быстрее думай, мы опаздываем, – и, развернувшись, почти побежали по дорожке прочь от меня.

У меня слегка зазвенело в голове: наверное, я все-таки сильно ударился. Но я все равно побежал следом и крикнул:

– Когда?

– К новому году, – пропела одна.

– К новому, – подхватила другая.

Навстречу уже спешил папа.

Он обнял меня за плечи и с улыбкой подхватил Дика на руки:

– Пойдем выручать бабушку! Кстати, а что тебе эти милые тети прокричали?

«Так ты тоже их видел, папа?! – подумал я, но мы уже входили в теплый, ярко освещенный вестибюль. Это был уже другой мир. И я не стал папе ничего рассказывать: метель осталась где-то там, за стеклом, и там же, по ту сторону стекла остались странные бабушки.

С этого момента все начало складываться самым лучшим образом, все наши дорожные передрыги отступили. Нам с папой разрешили пройти вместе с Диком через проходную. В редакции нас напоили чаем с пряниками. Бабушка сидела притихшая и, как нам показалось вначале, умиротворенная: все ее акварели одобрили и отправили в печать. К тому же наши друзья-издатели подарили много книг – мне и моей сестре Ане. А еще две внушительные коробки печенья с изюмом. Так что и Дик, любитель печенья, остался доволен... Вот тут я и рассказал бабушке про встречу с актрисами-волшебницами. И деликатно, как мне показалось, спросил ее:

– А тебе они не попались навстречу?

– Ты нам все рассказала? – папа предпочитал ясность и последовательность в изложении, – бабушка на секунду потупилась, потом, решившись, выпалила:

– Да. Я видела волшебных старушек и разговаривала с ними!

– И что?

И бабушка в двух словах обрисовала встречу.

Те же веселушки в синих накидках и синих фетровых шляпках, которых видел я на улице в метель, встретились ей в бюро пропусков... Увидев заметенную бабушку, всплеснули руками:

– Живая Метелица!

Бабушка предложила им завязать косыночки, мол, метель на улице. Они засмеялись так заразительно, как будто бабушка сказала что-то смешное. А бабушка протянула им маленькие косынки, которые несла в подарок издателям. Те в ответ пообещали снегопад остановить, и одна из бабушек стукнула об пол своей палкой для финской ходьбы. Все покрылось серебря-

ными блестками – пол, потолок, стены, будка дежурного вахтера...

– И все? – папа хотел разобраться, куда клонит бабушка.

– Они мне вслед пропели: «Ты найдешь то, что ищешь. Все сбудется!»

– Ну и хорошо, – папа не хотел никого обижать, но и в наших играх и фантазиях не собирался участвовать.

Он подал бабушке пальто и стал откланиваться. Но все, как замороженные, смотрели на бабушку. Рукава ее пальто были в серебряных блестках!

Уже дома за вечерним чаем бабушка призналась, что историю с наследством придумала для того, чтобы заинтересовать внуков своим родословным деревом...

Представляю, как бабушка была растеряна, когда старушки-волшебницы пообещали, что все фантазии ее воплотятся в жизнь.

***

Долго ли коротко, но прошло некоторое время. Бабушка написала цикл акварелей, где сквозными героями вывела волшебных «старушек», получила за него небольшую премию. И всю семью предложила вывезти на море. Правда, и папа немало из заработанного добавил в общую копилку... Но мы не стали об этом бабушке говорить. Пусть уж продолжает верить в чудеса.

Теперь время от времени, но уже менее скептически, папа интересуется нашими успехами в поисках наследства.

– Это игра, – говорим мы ему.

Но почему, скажите на милость, перед каждым Новым годом наши сердца начинают самым чудесным образом биться быстрее!?

Александр Кудрявцев

Во тьме проступают комет колеи

* * *

Когда перестают подруги снится
и не выходит с сердцем совладать,
я пробираюсь в сумерках на пристань
смотреть на незнакомые суда.

А там волна о пристань бьется мощно,
звон якорных цепей и крики птах,
и, если долго вслушиваться, можно
услышать моря зов. Однажды так

Ясон, во благо греческой общине
откликнувшись на тот далекий зов,
уплыл на поиск золотой овчины
в компании известных молодцов.

Чем я его умней? Найти бы шхуну,
покинуть порт и с самого утра
пусть не руно, а собственную шкуру
на выделку отдать семи ветрам.

Что станет со мной вдали от суши?
От гибели себя не сберегу
в конце концов...

но это будет лучше,
чем якорем ржаветь на берегу.

* * *

Сегодня последний твой день на Земле.
В окошко космической кассы
бросаешь монетки и просишь билет.
Ближайший. Прямой. До Марса.

КУДРЯВЦЕВ Александр Игоревич. Родился в 1990 году в Омске. Член Союза писателей России (с 2019 г.). Автор поэтического сборника «Точка огневая». Участник молодежного объединения «Литературная лаборатория».

К ракетам тебя провожает восход
по кромке сырой и мягкой.
Ты веришь мечтам. Ты ступаешь на борт
с корзиною, полной маков.

Все громче рокочет внизу теплота.
Пилотов везут мотоциклы.
Волнуешься шепотом, а капитан
считает до первой цифры.

Ракета уносит тебя от Земли
на дно мирового колодца.
Во тьме проступают комет колеи,
о борт метеоры колотятся.

Ракета спешит мимо газовых клумб,
играет в каюте классика.
Еще далеко. Ты прилипла к стеклу
и трешься щекою-ластиком...

Как только ракета коснется плато
и улягутся бури пыльные,
ты дверцу толкнешь, запахнешься в пальто,
Марсу навстречу выглянешь.

Где ветер повеет, пчела загудит,
где хватит тепла и влаги,
поднимешь корзину и будешь идти,
в землю роняя маки.

...

Долго за Марсом слежу в телескоп
ночью земной и зимней.
Вижу, как тысячи юных цветков
вышли из той корзины.

Верю, что я между прочих планет
сквозь линзы и кольца кварца
однажды сумею тебя рассмотреть
на маковом поле Марса.

* * *

Мы сбежали из дома, укрылись у ивы в тени.
К нам никто не идет – это ветер колышет
  тростник.
Нас никто не зовет – это дупла гудят на ветру.
Нас не видит никто, никого мы не видим
  вокруг.

К нам никто не придет, потому что наш след
  заметен,
не окликнет никто, потому что не вспомнит
  имен,

и никто не увидит у ивы сидящих в тени,
потому что вокруг только корни и камни одни.

Мы сбежали из дома. Вокруг вместо крыши
  и стен
только корни и камни, и черная-черная тень.
Не развеять ее, не поднять из нее головы
с той минуты, когда мы укрылись у ивы, увы.

* * *

Красногубые ведьмы в легких платьях
  коктейльных.
Рук не тронуть холодных, губ не тронуть
  медовых.
Вы меня поджидали в белой дымке котельных.
Вы меня наступали в переулках бетонных.

Надо мной вы кружились на растрепанных
  метлах.
Для меня вы играли на расстроенных лютнях.
Я прогнать вас пытался в миражах
  мимолетных.
Я забыть вас пытался в кабаках малолюдных.

Мне уснуть не давали ваши громкие песни.
Мне уйти не давали ваши страшные клятвы.
Ваши красные губы до сих пор интересны.
Ваши черные мысли до сих пор непонятны.

Красногубые ведьмы, я вам больше не мальчик.
Слов не нужно туманных, струн не нужно
  латунных.
Вы меня не внесете в длинный список
  пропащих.
Вы меня не сведете в каземат полоумных.

Так не пойте мне песни для забытых и бедных,
что мы встретимся снова, что мы влюбимся
  снова.
Красотой не клянитесь, красногубые ведьмы.
Дайте честное слово. Дайте твердое слово.

* * *

Горячих плеч не тяготит рюкзак,
на собственном дворе не держит привязь.
Мы дикие. Как байкой ни корми нас,
все смотримся в карельские леса.
Взглянули раз – и взглядом заблудились.

Там кроны не пускают белый день.
Там корни глубоко уходят в камень.
Тропа, веди нас в чашу! Мы и сами
в ней жителями станем из гостей.
Сорвем с себя тряпье – и в Лету канем.

Но неуютно в чаще в темноте.
Незримы тропы, бесконечны сутки.
Мы жжем костры, мы кутаем за грудки,
чем все-таки походим на людей.
Потехе – час, а слабости – минуты.

Мы заключаем в пение, в стихи
свой трепет. Эхо умножает голос.
Лес обладает глубиной колодца,
а хищники на дне его тихи.
Откроют пасти – песня оборвется.

* * *

Огибая холмы, прорезая ущелья бурлящими
  реками
и медвежьи углы рассекая двойными,
  блестящими рельсами,
воспаря над миром и в звездной дали
  становясь невесомыми,
мы себя назовем беглецами, бродягами
  и новоселами.

Сколько б мы ни прошли, мы не знаем
  усталости и утешения,
и по-прежнему нам незнакомые земли сулят
  путешествия.
Но нам горько считать, принимая свой путь
  как последнюю истину,
сколько близких людей, сколько верных друзей
  потеряли мы из виду.

* * *

На мне есть точка огневая,
ее коснешься – я горю
и что угодно понимаю,
но ничего не говорю.

На мне есть точка вихревая,
ее коснешься – я парю
и ничего не понимаю,
и что угодно говорю.

Давно с тобой мы делим ночи,
 рассвет встречаем и закат,
 и без конца на эти точки
 ты нажимаешь наугад.

Я столько пережил падений.
 А сколько вымел пепелищ?
 Всмотрись в меня. Там темень, темень!
 А что тебе? Забава лишь.

* * *

И когда надо мной облака заискрят
 и разрядом ударят меня под лопатку,
 и когда мой живой непоседливый взгляд
 помертвеет и вмиг потеряет загадку,

и когда моего языка звонкий кнут
 перестанет стихами стегать без разбора,
 что запомнят во мне? Что во мне зачеркнут?
 В чем меня превзойдут? В чем меня
 переспорят?

Та бумага, что некогда я расчертил
 острым пульсом тоски, завитками восторга,
 подойдет ли горючим сердцам на фитиль?
 Подойдет ли холодным сердцам на растопку?

И подхватят ли песни мои на лету
 или канут они окончательно в Лету?
 Я ответы на это едва ли найду.
 Да и буду ли рад настоящим ответам?

* * *

Отдать свой дом, оставить вотчину,
 бродить по миру.
 Сосредоточенно, настойчиво –
 за милей милю.

От перелеска до излучины,
 с горы да в гору.
 Когда гурьбой, когда с попутчиком,
 но чаще порознь.

Неудержимым, неприкаянным.
 В пыли дорожной.
 За рубежи и за окраины –
 в обход таможни.

За кораблями кругосветными –
 не зная брода.
 Преумножая и преследуя
 одно – свободу.

* * *

Видите юных влюбленных бездельников?
 Ох и сильна их сердец пиротехника.
 Если они в поцелуе сольются –
 сразу сердца полыхают салютом.

Знал я когда-то такие мгновения.
 Чем бы ни тешились, только б со временем
 слезы, пролитые в ссорах, спорах,
 не размочили сердечный порох.

* * *

Хочу в политехническом учиться
 на инженера человеческой души,
 переводить чужие чувства в числа,
 носить под мышкой чертежи.

Передо мной задача не из легких,
 тут мало хорошо соображать.
 Потребуется высоких технологий
 морально устаревшая душа.

Ее не перечертишь под копирку,
 не подберешь деталей типовых.
 Здесь каждое решение в новинку.
 Ленивый ум к такому не привык.

Мне главное не отступить, не струсить,
 не разменять на мелочи мечту.
 Кто знает, сколько значимых конструкций
 я для души тогда изобрету.

Лариса Пушина

Облака

Царь

Вблизи в горах – мозаика вершин.
 Подальше отойти – корона снега.
 Тропой для памяти народной стека
 от Аксельрода иль Бутми аршин,
 свободофильства бойкий Громозека,
 расстрелы, коды храмов, ярость едка.
 И нимбов свет над пропастью во ржи.

Он был не ангелом, последний царь
 империи, опасной миру небом,
 библейски кроткой в счастье с черным хлебом,
 благодарящей волю и за хмарь,
 не только ясную, как Грин, погоду
 и столбики любви по жизни ходу
 до благородства в нас теперь и встарь.

Не идеал – но явно лучше тьмы
 дворцов, шатров, многоэтажек люда.
 Не относился к редким чудам-юдам,
 дрожал, как все, в объятиях зимы,
 обычным смертным шел под сенью веры,
 любил жену – их фразы атмосферны –
 и был добрей, чем веерные мы.

Хотел уехать и спастись? О да.
 Желал детей женить и выдать замуж,
 подвести их к мудрой легкости Сезаму,
 поведать, где прощения вода,
 увидеть бадминтон бутонных внуков

ПУШИНА Лариса Юрьевна родилась и живет в Хабаровске. Окончила факультет иностранных языков Хабаровского государственного педагогического университета, юридический факультет Хабаровской государственной академии экономики и права. Автор поэтической книги «Замок роз» (Москва, 2018). Публиковалась в альманахах, газетах, журналах, литературных сборниках. Лауреат и дипломант литературных конкурсов.

и чуют в девяносто запах луков,
 галантный жар парфюма, холода.

Он стал сознательно пред ярим злом
 живительно святым повыше мощи
 страны от Сочи до полярной ночи,
 надэпохальной и в подъем, и в слом.
 Где шифрами о Пушкине в дорогах,
 где будущего машет недотрога,
 где ты и я немерным числом.

Парк

На Марсе будут сакуры цвести,
 чаруя Instagram и нашу нежность.
 Не станет войн с путями в безутешность,
 и голуби на струнах городов
 забудут музыку, где сплин бордов,
 а миг переодет, как травести.

Мне нравится, что лепестки со мной,
 когда ты держишь за руку влюбленно.
 Дополнена реальность киноленток
 из темно-белой вкрадчивой игры
 и «Звездных войн», где турбулентный рык,
 до взглядов парка за твоей спиной.

Неподалеку – школы юный гул.
 Вокруг – поэмы лиц калейдоскопом.
 Погода – в настроении особом.
 Любовь, свобода, воздух эры свеж.
 Но Греты Тумберг тень, вражды бэкслеш
 и слезы Пенелоп на берегу.

Всех не спасти. Не окружить дождем
 и радугой над истиной как миром,
 и первым снегом в по-чеширски хитром
 сиянии зимы, что станет летом
 нескоро, но всенепременно с кем-то,
 кто хрупко в совершенстве убежден.

Снежинки

Снежинки помнят Босха и Дали,
чаруют Пушкиным, волнами,
балетом, царственным сказаньем,
вальяжным космосом в сапсане,
щебечут, что никто не станет
вертеть миноры доли нами,
а будут рядом, на лучах, вдали

под зорей и закатов тон айвов
чирикать дамочки, не пресса,
не сребреник холмом ужатым,
пищать мейн-кунчики, не Штаты,
влюбляться в мощный код бачаты
адепты слабой воли, стресса
и магии печальных островов.

Сейсмографы в объятиях планет
отметят колебаний такты,
но тихих миггов капризули,
качнув романсом влево сутки,
решат лилейно, вознесут ли
шаги в жюль-верновские Анды
тебя, меня и снежный путь к луне.

Аэроэра

Километры над землей и бездной.
Виртуально дружелюбен космос.
«Как люблю летать я», – повсеместно.
«Как боюсь летать я», – безголовно.

При планшетах, ноутбуках, лицах
Облаками подсветились миги.
Не вверху загадочности длиться.
Наравне со временами блики.

Мы пошепчемся с тобой о воле
И о Бахе как печали света.
Здесь как будто бы эмоций вдвое,
Но не больше, а поближе к дзета.

Букве аномальной и воскресной,
Ставшей из «рычать» потенциалом.
Нетоксичная Minecraft?* Чудесно.
Галактический форро?** Немало.

Мир меняется, а мы летаем.
Приземлимся, не узнав планету.
Там дружны зима и зелень в мае.
Там никто нигде не требует анкеты.

* Священник решил запустить в Ватикане сервер Minecraft с нетоксичной версией известной компьютерной игры.

** Космический телескоп «Хаббл» получил удивительный снимок пары взаимодействующих галактик.

Зимний сон

Шиповник зацветет еще не скоро,
но славная картина Боттичелли,
миры ее загадки златокорой
поют с Вивальди на виолончели.

Кивают медуницы одесную,
летают гимнов жизни очертанья,
студенты, за руки держась, целуют
гармонии росы и щебетанья.

Спокойствие природы величавой
настолько вне сует, отдохновенно,
по-детски либо пушкински курчаво,
что всюду мята юности мгновенной.

Березовые почки шоколадом,
зелененькими хвостиками, аквой
выстраивают ароматы ладом,
где нет и следа темноты лукавой.

А есть ли мальчик? Ярый зимний холод.
Иль боттичеллиевский шарм над лугом
извечно ликами цветов исколот,
как линии души перед разлукой?

Тарханы

Тарханы. Лермонтова думы,
зарницы стиховой фортуны,
сияния минут, где жили
восходы гениальной шири.
Поэт, пока не Гамлет, в окна
глядит на осени волокна,
поет весенней эмигранткой
малиновка эпохе краткой.

Золотая рыбка

«Yesterday», поющий с утром гений,
как мурлыка, будто файл чеширский.
Музыка из беглых удлинений,
текста лик молчит по-пассажирски.

Видит золотая рыбка тему,
мир процесса, эхо результата.
Не спеша ведет ловца к эдему,
где акуна около матата.

Музыкант – ведущий в дара танце?
Вряд ли. Дредовый художник тоже.
И Артемий с венчурным китайцем
у проекта в студии пригожей.

Сказка по волнам бежит, а сети
эпосов, мольбертов, Инстаграма
в океанах Эльз и на Исети
легче хрупкой лунной песни грана.

Нежный свет. Мы ловим счастье зорьки.
Удочки рассказывают были.
Буревестник или эйдос Горький
в царстве семицветиковой пыли.

Бельканто

Спроси о жизни либо переходе
устало, с равнодушием орла,
блистая волей в соловьиной оде,
задумчиво, как осень проплыла.

Дано поймать не более дуальной,
по-гриновски бегущей по волнам,
по-интернетовски эвентуальной
звезды, где облако напололам.

На пройденной восходной половине
ромашки детства и максимализм,
тона сияний в юности лавине,
учителей с родителями злим.

Азимовский полетный лад в тумане,
а между прошлым и далеко мир
из кантилен влюбленностей, гуманен,
советует с улыбкой: «Не шторми».

Пожалуй, выглядит весьма нелепо,
как дебри суеты на вираже,
намерение стать достойным неба
без хрусталя спокойствия в душе.

С любимым легче приближаться к лику,
но добрый и один, как свет, большой.
Бельканто радости подарит мигу
мерцание: «Все будет хорошо».

В значении пути сверкают цели
шагов, деяний, слов из белизны.
Любой, кто красоту минуты ценит,
почти в любви, где смыслы дней ясны.

Суть жизни

Что жизни суть? Любовь и сохранение души.
Об этом знают синеглазый ветер, малыши.
А как же истово желанные, пусть не для всех,
аншлаги, миллионы долларов, успех?

Тянуться к лучшему, хотеть полетов, рваться
вверх,
казалось бы, неплохо, но ведь человек не стерх,
на нем нет перьев, он способен думать,
говорить,
соизмерять с библейской мощью рока нить.

Себя бы сохранить, и путь к величию простой:
на перекрестке бытия остановись, постой,
определи, где свет, душе не очень прекословь.
На небо люди забирают лишь любовь.

Волны

Мелодичные приливы,
многоблковый овал,
птичий гомон хлопотливый,
взглядов неба карнавал.

Удивляйся этим юным
волнам в ласковых лучах
и забудь, как быть угрюмым,
смыслы дней не в мелочах.

Посмотри, как чайка, сверху,
йота вечности близка:
мальчик, замок, солнце в дверку,
счастье ветра и песка.

Наталья Кускова

РАССКАЗЫ ИЗ ЦИКЛА «ПРИЗРАКИ НАРКОЛОГИИ»

Косые лучи закатного солнца беспрепятственно и привычно вошли в ничем не защищенные проемы старинного, полуразрушенного изнутри пожаром двухэтажного здания. И оно на миг оживилось, наполнилось теплым золотистым свечением так радостно и плотно, что оно выплескивалось наружу и изумляло за позднего прохожего. Здание, на совесть сложенное мастерами XIX века, чьи имена давно стерлись в памяти горожан, было красиво и благородно даже в своем разрушении. Кладка красного кирпича настолько добротна, что ни время, ни два пожара, один за другим возникавшие в начале XXI века, не смогли ее разрушить. И теперь в свете, таинственном, закатном, были видны обугленные доски, внутренние стены с нелепыми пятнами вывалившейся штукатурки, хаос разрушения и запустения.

Свет не был ровным, все время менялся, и казалось, в окнах второго этажа мелькают чьи-то причудливые тени. Может быть, людские, может, странных существ, и одно было ясно: здание не умерло, оно живет своей памятью. Известно, что в самом начале своей жизни оно было казенным винным складом сибирского уездного городка. После его этажи заселили больные таряне. И вместе с докторами и медсестрами оно страдало и лечило, вбирало в себя чужие муки и радости в случае выздоровления очередного пациента.

КУСКОВА Наталья Александровна. Поэт и прозаик. Член Союза писателей России. Руководитель Тарского отделения ООО СПР. Автор пяти поэтических книг для взрослых и трех книг для детей. Печаталась в коллективных сборниках, журналах, антологиях и периодике Тары, Омска, Москвы. Лауреат литературных конкурсов и премий. Была делегатом 15-го съезда писателей.

Но однажды все вернулось на круги своя. Винные склады через сто лет стали наркологическим отделением больницы. То, что вначале вызревало и хранилось за толстыми стенами добротной кладки, то, что должно было нести радость и расслабление, выросло в страшного монстра и больше не хотело подчиняться правилам.

Все вокруг менялось. Вот уже исчез Советский Союз, и все вновь оказались в России, хоть здание не сдвинулось с места ни на сантиметр. Но люди умирали, и приходили новые, и сейчас обитатели второго этажа были одинаково страшны. Воспаленный алкоголем мозг с измененным восприятием порождал страшные картины, образы, звуки, которые не всегда можно было назвать земными. Изгнанные с помощью бессменного доктора Людмилы эти образы не могли уйти в никуда и оставались здесь навсегда, благо, им было где укрыться. Множество огромных комнат с белеными высокими потолками, причудливый подвал со всегда темными углами. Такие же темные лестницы с каменными истертыми ступенями и переходы – все это известные места обитания призраков.

Каждый кирпичик здания помнит и может рассказать свою, именно ему запомнившуюся историю, полную горя и боли. И когда дьявольская сила разрушения обрушится, окончательно развалит и сотрет с больничной территории этот ставший вдруг ненужным дом, населяющие его призраки разлетятся по свету в поисках пристанища. И кто знает, где ты встретишься с ними вновь.

ДОЧЕНЬКА

Впервые я увидела ее в пасмурный летний день. Бросилась в глаза безысходность, которая плотной волной шла от худой, высокой

и какой-то не по-женски угловатой фигуры. Жалкое выражение испитого лица не вязалось с отчаянным и, можно даже сказать, решительным выражением заплаканных глаз. И с того первого взгляда трудно было определить половую принадлежность этого измученного человека, одетого в пеструю, явно с чужого плеча, но чистую старенькую робу. Бросились в глаза руки, которые, оказавшись без привычных дел, суетливо метались, то поправляя какие-то неживые, коротко и нелепо остриженные волосы, то трогали еще более нелепый облезлый ремень, поддерживающий брюки на очень худом теле. Руки были явно сельского жителя, красные, с трещинками и темными ободками вокруг ногтей, которые невозможно отмыть, как бы ни старался, за один раз.

Начав сбивчиво и невнятно рассказывать свою историю, она прерывалась, уводила в сторону глаза и утирала этими руками слезинки, которые терялись в складках дряблой кожи под глазами и потом вновь возникали на впалой щеке. Наконец стало понятно, что жизнь ее сначала складывалась хорошо и удачно. Было все как у всех: школа, замужество, жизнь в достатке. Дом (все-таки в деревне), хозяйство подсобное и живой, общительный характер. К тому же руки были, оказывается, умелыми и способными к женским рукоделиям – шитью и вязанию. Была радость – доченька! И все это было так просто и естественно, что не думалось об этом. Одним словом, жилось, да и все.

Несколько лет назад умер муж, и все перевернулось, изменилось и рухнуло. Те же добрые односельчане наливали утешительные рюмки, выражая сочувствие привычным образом. Так и стала она в статусе бедной, всеми жалеемой вдовы бродить по домам деревни, все больше опускаясь. Да и не заметила сама, как номинальные выпивки превратились в веселье и разнузданные пьянки, порой продлевающиеся на несколько суток, дней, недель... Приходили какие-то люди то из школы, где училась доченька, то из сельсовета... Поначалу спохватывалась, спешно прибирала дом, варила картошку, но потом стала встречать их матом, уже не стесняясь убогости и прокуренности своего жилища.

Однажды доченьки не стало. Заметила быстро, но все-таки не сразу. Заметалась. Отыскала свою родную в детском реабилитационном центре в нескольких километрах от своей деревни. И вдруг пришло осознание: зачем все это? Солнце, утро, земляника, река... Зачем, если доченька будет теперь у других людей? И она сама, такая постылая в зеркальном отражении, зачем? Вот и решила изменить все, начать заново.

Новое легко строится, если все новое, и люди, и окружающая местность. А вот на порушенном выбираться из обломков не так-то просто. Здесь нужно еще что-то: может, помощь Божья, может, вера в себя, а может, любовь к кому-то. Но с каждой нашей встречей наблюдались изменения в лучшую сторону. И, наконец, поверили строгие инстанции и бумагам, собранным с большим трудом, и человеку, и матери. Вернули доченьку. Стала жизнь налаживаться. Уже бывшие собутыльники с опаской и уважением и даже с какой-то завистью провожают взглядом при случайных встречах. Уже щебечет доченька, примеряя обновки перед зеркалом. Да и сама удивленно и задумчиво косится на то зеркало, которое теперь отражает еще молодую симпатичную женщину, у которой теперь уже может случиться все хорошее.

Да и говорит с благодарностью о тех людях, которые заставили опомниться, отобрав единственное, что связывает с жизнью женщину – ребенка. И случается, вновь набегают слезы на ее глаза, когда, вспоминая, говорит о том, что встретила в том реабилитационном центре знакомых ребятишек, мамы которых так и бродят до сих пор пьяные по их родному селу.

ТУФЕЛЬКИ

Детская память очень избирательна, и никогда не знаешь заранее, что сразу уйдет безвозвратно, а что будет всплывать во времени, периодически тревожа и беря душу. Эта история, рассказанная уже взрослой и вполне самостоятельной женщиной, относится именно к таким тревожным воспоминаниям.

Родители пили, сколько их помню. Пили вместе и поврозь, дома и на скотном дворе, где работали какое-то время. Мы, дети, вели, как могли, домашнее хозяйство. Вначале во дворе всякой живности было много, и до самой школы дел у нас хватало. Первого сентября возвращение к размеренной школьной жизни для всей деревни было событием. Мамы и бабушки, наряженные и веселые, провожали своих чад до классов и хвалились друг перед другом, где и за сколько купили вещи для своих школьников. Мои сверстницы крутились друг перед другом в обновках, пританцовывали в новых туфельках. Я испытала жгучий стыд и какую-то тоску, впервые осознав свою непохожесть на других.

Тем, что и мамы рядом нет, и тем, что блузка моя с прошлого года стала плохо застегиваться на груди, и на ногах истрепавшиеся за лето китайские розовые шлепки. Обида прорвалась горькими слезами, когда, дождавшись оконча-

ния школьного дня, я полетела к матери и нашла ее в обычном пьяном состоянии, с какими-то мужиками отмечавшую первое сентября за бутылкой самогона.

Поняла мою беду соседка и позвала с собой за брусникой на болото, обещав помочь продать ягоду на тарском базаре. Ранним субботним утром мы двинулись на болото. Долгая дорога пешком была не в тягость. Я все время представляла, как я уже в понедельник приду в класс в новых туфельках, и все девчонки ахнут от зависти, глядя на мою обновку.

Ягод было немного, болотная вода почти сразу залилась в мои старенькие сапожки и противно чавкала при каждом шаге. Пятки стертые горели огнем, откуда-то налетели комары и кусались, видимо, предчувствуя последнее пиршество перед зимой. И было очень страшно от одной мысли, что где-то на кочке свернулась, поджидая меня, змея. Соседка строго предупредила, чтоб я ходила рядом и не потерялась. Но это было невозможно. Едва я склонялась к ягоднему островку, белый плавок на ее голове уплывал далеко и терялся меж стволов чахлаых березок.

Время, веселое вначале, замедлилось и во второй половине дня совсем превратилось в тягучую смесь усталости, страха потерять, наступить на змею и сожаления, что ягод-то не так и много. Добрая соседка досыпала мое ведро доверху, когда мы все-таки вернулись из похода. И, засыпая, я ощущала на своих ногах новые туфельки. Сквозь сон я слышала визгливый смех пьяной матери, дружный гогот ее гостей, по-видимому, им посчастливилось в этот вечер раздобыть выпивку. Воскресный день, как слайды, помнится отдельными событиями. Но самое главное случилось! Я ехала домой в полюбощорочном состоянии, уставшая от мелькания людей и смены событий, прижимая к груди коробку с новыми туфельками. Они были прекрасны. Цветочки на темно-синем носочке переливались и сверкали пайетками. Россыпь страшиков и крохотный каблучок превращали их в туфельки сказочной принцессы.

Матери дома не было, и я без лишних вопросов уснула, едва коснувшись головой подушки. И мне ничто не могло помешать: ни уже ставший привычным пьяный шум родителей; ни их ссоры, ни их примирения, заканчивающиеся громкими криками и пением.

Утро понедельника встретило меня тишиной в доме и веселым чириканьем воробьев за окном. Родители спали прямо за столом, на котором остатки еды и пустые бутылки подтверждали удачные поиски денег с вечера. Коробка из-под туфелек стояла в центре, но туфелек в ней не было. Мать, которую я пыталась рас-

толкать, что-то бормотала о самогонщице, о ее жадности и что-то еще, но мне все уже стало понятным: на что был куплен самогон и с какой радости сладко похрапывают родители, источая смраднй, тяжелый дух перегара. И почему-то расплывающимся розовым пятном у порога поджидали меня ненавистные китайские шлепки...

С тех пор все пережилось и изменилось, давно окончена школа и выстроена жизнь. Да и обиды на мать не осталось. Но каждый год 1 сентября, когда я провожаю своих детей в школу, саднящей занозой в сердце всплывает эта старая история из моего детства.

ДОРОГА

Странная иногда бывает дорога, по которой приходят люди к Богу. Конечно, главное, что все же приходят. Иной идет себе – по широкой, укатистой, с самого начала, а ведь не дойдет. А другой и по острым камням босым пробирается, и через реки бурлящие вплавь переправляется, и ползком из канавы придорожной выбирается. А потом, глядишь, и взлетит душа белым голубем и закружит в сини небесной вольно и широко.

Петра в округе все больше звали Петькой. И лет было основательно, и бороденка подернулась сизой дымкой седины, а все равно звали Петькой. «Ну, Петька так Петька», – думал он в очередные случившиеся окна трезвости. Когда пил, в запой погружался основательно, не до раздумий было. Встал – выпил. Закусить не успел – уже в полете на пол. Приземлился – спит. И так по бесконечному кругу. Сам шутил: «Выпил в Новый год чуток шампанского, а проснулся – Пасха на носу!»

Везло ему еще в том, что была жива матушка. Любовь ее к сыну росла пропорционально проблемам, которые создавал он своей пьянкой. И прошло много лет, конечно, прежде чем превратился Петечка в Петьку. Рубаха грязная на исхудавшем теле моталась туда-сюда. Штаны мятые, раньше были модными брюками, подвязаны веревочкой на костлявых бедрах. Бороденкой оброс не в дань моде, бриться забывал неделями. Но глаза синие такой тоской оплескивали, что вопреки распоряжению московского закона клали его на лечение в психушку по несколько раз в год.

Мать умерла. Годы взяли свое, огорчения за сына, безысходность и боль душевная перешли в боль сердечную да и остановили ее сердце. Похороны, соболезнования – все расплылось черным туманом на бесконечные три месяца для ее любимого сыночка. Вот в эту пору жалкого, уни-

жившегося получеловека судьба и вытолкнула на глаза успешной красивой женщины.

Галя много лет не возвращалась на родину. Работала в крупном городе врачом МЧС. Очень любила свою работу. Спасала, летела, мчалась на помощь – и так все сорок пять лет своей жизни. А остановилась – где она, где семья, кто ей-то поможет? Работа среди мужчин, не просто из жаркой крови и плоти, а железных и кремниевых, сделала и ее такой же. От того-то и изумляло саму вдруг всплывавшее, спрятанное глубоко внутри желание быть девочкой-девочкой. Как в школе, когда смотрел на нее синими глазами худенький, мелкий мальчишка. И такое обожание плыло из этих синих глаз, что чувствовала себя могущественной красавицей, равных себе не зная.

Поехала все же в родной городок. Никто не звал, не было близких родных, с подружками лет двадцать не созванивалась, а вот потянуло. Захотелось и все. Взяла с собой Танюшку, подросток ребенок. Можно и о сокровенном с ней поговорить. Смущала вначале дорога дальняя в «Икарусе», ведь дочку укачивало в транспорте. Был какой-то интуитивный страх у ребенка, сжималась, напрягалась вся, когда пересекала черту, невидимую при посадке. Втянув белокурую голову в плечи, вступала в салон с опаской, словно в брюхо огромного удава. Галка-то знала, что пытается вытолкнуть подсознание девочки, и ободряюще похлопала по мягкой ладошке. Еще не время, мала, чтобы знать правду.

Очередное ночное дежурство Галины Павловны было странно спокойным. Вызовы следовали за вызовами, но решались проблемы без надрыва и быстро. Только тревожным сразу показался звонок в четыре тридцать ночи. Время это Галя просто не любила. Себе даже не объясняла, но панически не любила и все. Случайный проезжий сообщил об аварии на 152-м километре, в районе пустынном и в это время суток просто необитаемом.

Поехали. Оказалось, не вписалась в поворот подержанная «тойота». Вылетела, врезалась в ограждение, пробив его, слетела вниз. Время ранней весны ночи выстужало до дрожи, до льдинок, звенящих в воздухе. На земле легкой прозрачной кисеей сложились крупницы снега. И внизу страшной подбитой птицей виделась машина, так же, как и все вокруг, покрытая ажурной снежной сеткой. Видимо, с момента происшествия прошло уже много времени. Погибших было двое, мужчина и женщина. Судя по всему молодые, но лица неузнаваемы, посечены осколками стекол и залиты кровью. На деловые голоса эмчезсников из глубины машины что-то пискнуло. Как гайка о гайку чиркнули. Сначала не обратили внимания, но, когда звук

повторился, осветили – оказался ребенок, совсем маленький, грудничок. Чудом уцелевший, не замерзший, живой! Галя прижала его холодное тельце к своему жаркому голому телу прямо под курткой. И замерла на заднем сиденье служебной машины, отдавая живительное тепло. В ту минуту и протянулась нить невидимая, связавшая навсегда врача МЧС Галину и осиротевшую, едва пришедшую в этот мир Танюшку.

В родном городе бродила Галя по улочкам, по мосточкам через речку Аркарку, рассказывала Танюшке о своем детстве. Девочка внимательно слушала и вбирала в себя очарование сибирского городка, тишину и ощущение домашнего уюта. В свои семь лет она впервые была за пределами большого города, и эти приключения казались ей чудными, деревенскими.

У пивной палатки стоял, покачиваясь, невзрачный, пьяный бомжик. Галя с дочкой шли мимо, внутренне выставив барьер, по привычке не замечать таких людей. Но вдруг на Галину так знакомо плеснуло синим светом из глаз пьяного бомжика, словно на стену грудью налетела. Таня недовольно дергала за руку свою маму, которая молча стояла, с отрешенным видом уставившись на незнакомца.

Петра Галя увезла с собой. Квартиру продали, вещей пригодных не было. Сам безвольной тополиной пушинкой готов лететь, куда теплом повеет. Сказка длилась ровно год. Не пил Петр совсем. Вспомнил былые увлечения – читал философов, писал картины. Все это сочетал с работой, конечно. Обожал Галку, прикипел душой к Танюшке. Только ядовитый алкоголь сделал свое разрушительное дело. Годы пьянки выдавили умного, эрудированного человека напрочь, оставив подобие без особого интеллекта. Как ни силился, не смог понять Петр, за что, что сделал не так, когда услышал горькие слова подруги: «Нет. Ты не моя семья. Уезжай!»

И вернувшийся человек вновь обернулся Петькой. Сначала пил, но что-то томило, не пускало обратно в канаву. Терзало, мучило и, наконец, привело в скит, где коротали дни в молитвах и праведных трудах такие же горемыки – братья. Теперь из его синих глаз струилась благодарность за то, что есть крыша над головой. Без малейшей обиды говорит о том, что отдал все деньги от продажи квартиры Галине.

«Это она меня спасла! – возражая мне, повторяет и повторяет смиренно. – Это я ей еще должен...»

И такой уверенностью уже веет от него, что и я проникаюсь. Да, нашел человек свой путь, прошел дорогу трудную, понял главное для себя, сделал выбор. И теперь душа, коснувшись добра, любви и света, белым голубем будет кружить в синеве небесной широко и свободно.

Идия Шевцова

Стихи прошлых лет

* * *

От пустынного века
до человека –
шаг.
От человека
до пустынного века –
мах,
но не крах.
На ветрах
крыши вертятся,
и в пустынность
не верится:
ведь живой Человек!

* * *

Люди живут, и звезды живут,
наводят уют:
одни возле дома и дома,
другие в бескрайней ночи.
А я на печи в сонливой истоме
плету «калачи» –
строчки за строчками,
а звездочки смотрят
и мне: «Замолчи,
там,
на печи!»

ШЕВЦОВА-УРСАТИЙ Идия Федоровна родилась в с. Завьялове, Алтайского края. Поэт и прозаик. Член Союзов писателей России и Приднестровья. Автор нескольких книг поэзии и прозы. Материалы и стихи печатались в краевых и российских периодических изданиях, антологиях, коллективных сборниках, на литературных сайтах России и зарубежья. Член-корреспондент «Академии поэзии». Живет в г. Бийске, Алтайского края.

* * *

Истина в том, что умрем.
Но я не хочу умирать:
солнца смолистая рать –
солнцу молиться я рада!
Хлеба зернистый перрон –
хлебу тенистый вагон!
Быть хлебом – охота ль кому? –
съеденным для трудов?
Лучистую наледь следов
солнцу легко ль столкнуть?
И мне... разве хочется таять
и впитываться в тебя,
в твое неземное «Любя!»
Теперь и себе не чета я;
прозрачность небес читаю,
пишет крыльями стая
вечность бытия...

Когда...

Когда мне горько от любви,
тогда читаю Фариду.
Иду, иду в ее страду,
в ее страну – не сатану.
А он пытается обвить
моих мечтаний грешных нить,
но не нужна ему раба:
от страсти та во всем слепа.

* * *

– Молчи с открытыми глазами! –
мой внук сказал, и я молчу.
И редко с кем-нибудь шучу,
чтоб не прикрыть глаза слезами...

Судьба

1

Судьба у каждого своя,
как свая под мостом эпохи...

2

Помахал мне рукою
над рекою асфальта,
у машинного гвалта,
у ночной кутерьмы,
словно крикнул: «Верни
оброненное сердце,
невозможны на сером
асфальте огни!..»

3

Как без тебя наскучила
трескучая, плакучая,

чужая чья-то речь:
ее сплошная течь
так без тебя наскучила!
Тебя бы только слушала.
Твои слова бы «кушала»...
Я не хочу прощаться:
речаться бы речаться,
общаться и общаться
и слушаться тебя.

* * *

Как мне трудно в новом веке,
крупном, грубом, словно в срубе
под дождем. Не живем,
а жуем, жуем, жуем
постоянно и друг друга...

* * *

Я – на экзамен века:
два глаза – одно веко...

Матвей Хисматулин

Судьба

Рассказ

На вязаной кружевной салфетке стояла высокая ваза с цветком. Вода внутри была прозрачной и мягко рассеивала теплые солнечные лучи. Цветок по привычке распускался, не понимая, что срезан и со дня на день начнет увядать. Женщина, сидевшая рядом, медленно перелистывала фотоальбом. Не спеша, она рассматривала каждую фотографию, иногда проводила по ней тонкими сухими пальцами с коротко остриженными ногтями и также не спеша перелистывала ее. Иногда, вглядываясь в фотографию, она тихонько улыбалась, потом отводила взгляд на окно и продолжала задумчиво улыбаться чему-то или вздыхала, но казалось, что этой улыбкой она пыталась удержать слезы. На одной из фотографий задержалась подольше. Это фото напомнило ей историю из давнего прошлого. Она с удовольствием ее рассказывала всем, кто хотел услышать, и с не меньшим удовольствием вспоминала сама. За много лет история могла обзавестись событиями, которых не было на самом деле, или наоборот, некоторые ее подробности со временем и за ненадобностью отсеялись, и в своем теперешнем виде она была больше похожа на сказку, но разве это сделало ее хуже?

В задумчивости, сосредоточив взгляд на одной точке, она в очередной раз перенеслась в свое самое, как ей теперь казалось, счастливое время...

Оглушающе громкая музыка сдавливала ее со всех сторон, это и музыкой назвать было

сложно: среди ритмичных ударов и перебивок разобрать что-то внятное было невозможно. Мерцающие лампы, лазерные лучи, клубы искусственного дыма превращали происходящее в этом зале в нечто нереальное, размывали привычное ощущение времени и пространства и переносили куда-то в свой мир. И все были рады этому. Кроме нее. Она сидела за массивным деревянным столом и утешала себя мыслью, что присматривает за оставленными подружками сумками, которые лежали рядом на кожаном диване. Тусклый свет скрывал его потертости и трещинки. К алкоголю, как и всегда, она почти не притронулась. И не потому, что она как-то по-особенному к этому вопросу относилась или имела твердую гражданскую позицию, нет, ей просто было стыдно прийти домой пьяной, а не прийти и без предупреждения переночевать у подружки было еще хуже, поэтому она скромно сидела на диване и смотрела вокруг. Люди пили и танцевали. Танцевали, как умеют, конечно, умеют далеко не все. Она тоже пробовала, подходила к подружкам, поближе к сцене, но в танце не могла отделаться от мысли, что выглядит глупо, что двигается не в такт, а все смотрят на нее и видят это, пусть даже сами танцуют не лучше, но все равно посмеиваются над ней. Как только заиграл медяк, она, в отличие от подруг, не стала дожидаться кавалера и пошла к своему столику. Там она и сидела до сих пор. Подруги периодически возвращались, усаживались, один или два раза выпивали и возвращались на танцпол. Сначала кто-то из них перед уходом пытался позвать ее с собой:

- Наташ, пошли потанцуем.
- Не, я тут посижу.
- Пойдем, там и мальчики симпатичные есть.
- Нет, не хочу. Я лучше за сумками посмотрю.
- Ну ладно, – подружка разворачивалась, вы-

ХИСМАТУЛИН Матвей Сергеевич родился в 1993 году в Омске. Участник молодежного литературного объединения под руководством М.В. Четвериковой «Литературная лаборатория» при Союзе писателей России. В настоящее время работает в ПАО «Почта Банк».

крикивала радостное: «Уууууу» и, пританцовывая, растворялась в толпе на танцполе.

Наташа смотрела на людей вокруг, и почти все они были ей противны. Ей казалось, что все пороки, которые в них дремлют, сейчас, под действием алкоголя, музыки, мерцающих огней, замкнутого пространства полностью раскрывались и управляли ими. Как и многие в ее возрасте, она считала, что разочарована в людях, а то, что происходило вокруг, только поддерживало в ней эту мысль.

Напротив за стойкой бара сидела компания. Ребята хлопали друг друга по плечам, обнимались и чокались. С одним из них Наташа несколько раз встречалась глазами, но быстро отводила взгляд. После третьей или четвертой такой встречи она успела увидеть, что парень улыбнулся. Так же, как ее подруги, ребята то исчезали, оставив недопитое в стаканах на стойке, то так же внезапно появлялись, иногда с разных направлений. За временем Наташа не слишком следила, но она искренне хотела оказаться дома, и время, что она просиживает здесь, казалось ей скучным и бесполезным. Она думала, как хорошо и тихо дома, и о том, как сильно ей туда хотелось, о том, что, когда она вернется, все уже наверняка будут спать, и тогда все будет хорошо, но если она увидит включенный в кухонном окне свет – значит, ее кто-то ждет, если это мама, то начнет расспрашивать: где? с кем? почему так долго? И неважно, что вечером вы как раз договорились, что именно к этому времени она вернется, вопросы, недовольный тон и взгляд все равно будут. Но это тоже не так страшно в сравнении с тем, что на кухне ее ждет папа. Мама тоже ждет, но она подойдет позже, уже в ее, Наташину, комнату, а папа встретит ее раньше, на кухне. Со строгим видом он будет ждать ее, а рядом на столе будет лежать открытая газета. Он подзовет Наташу, осмотрит лицо и руки, как доктор, а потом буркнет: «Спать». Через несколько минут к ней в комнату скромно, плавно прикрывая дверь, войдет мама. Она будет задавать те же вопросы, говорить то же самое, но в этот раз не будет недовольного взгляда, строгого тона, в этот раз мама обнимет ее и говорить будет очень ласково, поглаживая по волосам, называть «доченька» и целовать в лоб.

Вдруг Наташа почувствовала, что кто-то сел с ней рядом:

– Пр...эт.. по...ешь мне?

– Чтооо? – Наташа развернулась и отодвинулась немного.

– Я говорю: поможешь мне?

– Чем? – она хотела сказать что-то еще, но поняла, что придется повторить несколько раз, чтобы ее услышали.

– По..ай мне.

– Чего?

– Подыграй мне! – теперь она поняла, кто это – один из компании напротив, тот, с кем она несколько раз сталкивалась взглядом. Парень со следами отдыха и в расправленной рубашке сидел, раскинув руки: в одной он крутил чью-то рюмку, а другой почти незаметно обнимал Наташу.

– А представиться не хочешь?

– Потом, короче, слушай, – он сел ближе, настолько, что девушка почувствовала его теплое алкогольное дыхание, – сейчас мы сделаем вид, как будто уходим вместе, а на улице я тебе вызову такси домой.

– Ты с ума сошел? Я даже не знаю, как тебя зовут.

– Поэтому ты только выйдешь со мной и все, дальше делай, что захочешь.

– Да куда я не пойду!

– Почему?

– Ты еще спрашиваешь? – злость на нахала переполняла девушку, но она почему-то улыбнулась.

– Ну, а что? Смотри, ты сидишь тут одна, наверное, давно хочешь уйти, но никак не можешь найти повод. Я за тобой давно наблюдаю, – он улыбнулся и продолжил: – Будет чем перед подругами похвастать.

– Таким не хвастают, – попыталась обрезать она.

– Да ладно, не обманывай.

Наташа опять с трудом удерживала улыбку, она считала, что должна быть оскорблена таким предложением, и никак не хотела быть милой и улыбаться этому обнаглевшему гостю. Но по непонятным причинам продолжала улыбаться.

– Ладно, давай так, – он потянулся в карман рубашки и достал оттуда затертую монету, не больше червонца, – смотри: орел – ты идешь со мной, решка – дальше охраняешь сумки. Все по-честному. Договорились?

– Нет, я не могу так, – хотя на самом деле она понимала, что может и даже хочет. А парень сделал вид, что не слышал, и продолжил:

– Ну, вот и хорошо.

– Что? Я не согласилась!

– Что ты говоришь, я не слышу. Согласилась?

– Хотя бы скажи, как тебя зовут, – на ее лице снова появилась стеснительная улыбка.

– По пути скажу, – теперь уже он посмотрел на нее и улыбнулся. И вроде обычная улыбка, такая же, как все, но она увидела в ней что-то доброе и искреннее. Она хотела нахмуриться, но получилось лицо капризной девочки, Наташа и сама это поняла. Она сдалась.

– Мы выйдем и все? Я поеду домой, да?

– Да, ну что я насильно тебя потащу куда-то? Там люди на улице, не бойся, – девушка задумалась на несколько секунд. – Орел – идем, решка – нет.

Наташа слабо кивнула, как будто хотела, чтобы ее ответ заметил только он, и в ожидании сложила руки перед собой. Она готовилась рассмотреть полет монетки и уже боялась, что выпадет решка, как незнакомец протянул ей монету. Зеленоватая, окисленная, даже на свету на ней было трудно определить сторону. Наташа приглядывалась.

– Это решка?

– Посмотри внимательнее.

– Я не понимаю, не видно, – она наклонилась поближе, – не видно.

– Вариантов не так уж много, посмотри внимательно.

– Там нет цифр, я не вижу.

– А что бы ты хотела? Орел или решка?

– Я... Я не знаю.

– Скажи, на какой стороне монеты нет цифр?

– Ну, на орле.

– А здесь ты видишь цифры?

– Нет.

– И тогда какая это сторона?

– Наверное, орел.

– Наверное?

– Орел, орел, да, это орел!

– А это значит, что мы идем. Давай руку.

– Что? Уже? Так быстро?

– А все, что надо, мы уже сделали, – парень кивнул в сторону зала. Она увидела, как ее подружки стоят рядом со стойкой и оживленно щебечут, – ты уже знаешь, о чем они?

– Догадываюсь.

– Тогда пойдем, дадим им еще больше поводов для разговоров, – парень помог девушке встать. Напоследок она развернулась к подружкам и, улыбаясь, пожала плечами.

Они проходили через зал. Держась за руки, они огибали всех встреченных на пути, как конусы на «змейке». Вблизи пьяные посетители были еще неприятнее, и она была рада, что уходит домой. Девушка чувствовала себя очень оживленно, даже по-детски увлеченно. То, как она сейчас уходила, с кем, резко отличалось от того, что она планировала и ожидала от вечера, но еще больше ее удивляло то, что она сама согласилась уйти с ним.

Шум улицы был намного чище и приятнее того, что оглушал внутри. Ночной осенний воздух уже пах морозом. Схватившиеся льдом лужи отражали желтый свет фонарей.

– Рома, – он протянул руку.

– Наташа, – она протянула в ответ свою.

– Очень рад, Наташа, – на каждое слово

было свое облако пара. Те, что были побольше, почти прозрачные, быстро поднимались вверх и там исчезали. Маленькие, не успев высоко подняться, растворялись в холодном воздухе еще быстрее, – пойдем со мной?

– Я и так с тобой.

– То есть ты уезжать не собираешься?

– Зависит от твоего поведения, но пока нет.

– Тогда пойдем.

– Куда?

– Зависит от твоего поведения, но пока – есть, – Наташа снова улыбнулась. Ей понравилось, что ее колкость не осталась незамеченной, – я знаю одно местечко, там даже ночью можно вкусно поесть.

– Ну, веди.

Женщина захлопнула альбом и отложила его на тумбочку. Она откинулась на спинку стула и тяжело вздохнула. Рядом на кушетке лежал мужчина. Его лицо было худым и бледным, щеки впали, казалось, что кто-то сзади натягивает кожу, и она вот-вот лопнет на скулах. Он лежал на огромной подушке, скорее даже полусидел. Вытянутые на одеяле руки были покрыты синяками от уколов. В таком состоянии он скорее пугал, чем вызывал жалость. Женщина молча смотрела на него. На ее сером с зеленоватыми мешками под глазами и с почти бесцветными губами лице не было ничего, кроме усталости. На тумбочке рядом с вазой лежала та самая монета.

Почти бесшумно в палату зашла медсестра. Румяная молодая девушка живо управлялась со всеми своими делами. Запах арбузной жвачки шлейфом тянулся за ней и повисал в воздухе, если она была рядом. Когда она вошла в палату, показалось, что все вокруг расцвело и оживилось. Даже придавленная горем женщина встретила ее доброй, теплой улыбкой. Она в попытке отвлечься стала наблюдать за работой молодой девушки. Ей вдруг захотелось поблагодарить медсестру за все, даже за то, к чему она вовсе отношения не имеет.

– Вас как зовут?

– Меня?.. Маша.

– Маша, спасибо вам. Спасибо за то, что вы делаете для моего мужа и для меня тоже. И для всех здесь.

– Ну, что вы, – девушка смутилась и продолжила свои процедуры, она даже стала то-ропиться, будто в оправдание слов женщины.

– Скажите, а вы верите в судьбу? – спросила женщина.

– Я... Я даже не знаю, наверное, есть что-то такое.

– Маша, я хочу вам кое-что дать, пойдемте сюда, – женщина взяла медсестру за руку и

вложила ей в ладонь что-то холодное, – возьмите, это мой подарок.

– Спасибо, не нужно, – смущалась медсестра.

– Берите, берите.

– Спасибо, – на ее ладони лежала зеленоватая монета.

– Это не просто монета, это счастливая монета, мой талисман. Когда будете сомневаться в чем-то, просто бросьте ее, и если выпадет орел, то делайте, что задумали, и не бойтесь ничего.

Девушка тихонько кивнула.

– Когда-то нашу с ним судьбу, – женщина посмотрела на мужчину на кушетке, – опреде-

лила эта самая монета, а сейчас нашу судьбу определили вы. Без вашей помощи, без врачей, не знаю, что бы мы делали, где бы мы уже были, – женщина заплакала и, не закрыв за собой дверь, вышла из палаты...

Медсестра прикрыла дверь и внимательно рассмотрела монету. Она и вправду была совсем необычной – вместо решки на ней с обеих сторон был отчеканен орел.

Девушка подошла к тумбочке, положила монету на кружевную салфетку и вышла прочь.

02.10.2017

Александр Валуйский

Вверх по течению

Воздух

Я ношу с собой воздух в большом мешке,
В необъятном бауле на кожаном ремешке.
Тем, кому он жизненно необходим,
Раздаю! Продавать воздух – это к другим!

Воздух нужен, в общем-то, всем существам:
Тараканам, собакам, коровам, китам.
Рыбам проще: воздух для них – вода.
Человеку без воздуха попросту никуда.

И вокруг его вроде много – бери, дыши,
Хоть вторые, хоть третьи легкие привяжи.
Но бывает, что нужно бы полную грудь,
А он встанет комом – ни выдохнуть,
ни вдохнуть.

Объясняю: представьте себе... его!
Дышит нервно, будто бежал бегом.
Неотрывно, несмело смотрит в ее глаза,
Вспоминает все то, что давно ей хотел
сказать...

Проходя через связки его, воздух сморщился,
Вырвался: «Я тебя...» – и закончился.

За окном криков, будто бы на пожаре:
У ребят во дворе разорвался воздушный
шарик!

ВАЛУЙСКИЙ Александр Викторович. Член Союза писателей России. Участник молодежного литературного объединения «Литературная лаборатория» при Союзе писателей России. Автор сборника стихов «Воздух» в составе коллективного молодежного сборника «Такая весна» (Омск, 2018); лауреат областной молодежной премии имени Ф.М. Достоевского (2019).

Дам еще и еще, мне не жалко для детворы!
Воздух создан был, чтоб собой наполнять шары!

Или вот: в самолете сидит солдат,
Парашютом своим он, как матерью, крепко
объят,

Сжал кольцо. Высоту набирает Ан.
Там и воздуха вроде – шагни, упадешь в океан.
Но боится, не хватит чутка по команде
«Пошел!»

На еще, братан, чтобы все было хорошо!

А вот здесь серьезно: кафельный белый пол,
Белый свет, люди в белых халатах и белый стол.
Выдыхает врач и со лба вытирает пот:
Пациент перестал дышать, но еще живет.
Им обоим – не жалко – воздуха дам на вдох.
Я бы весь отдал, только бы он помог!

В жизни так бывает: не можешь порой
вдохнуть,
Может, страх, может, что другое сжимает
грудь.

Если воздуха завтра не хватит конкретно вам,
Подходите, и денег не нужно – бесплатно дам!

* * *

Нам слишком тесно было по квартирам,
И, улетаю в ночь на всех парах,
Мы оды нам открывшемуся миру
Писали в задымленных тамбурах.

И мы еще придем к порогу дома,
Как поезд на перрон. Замокнется круг.
Ну а пока наш дом – тот тамбур, полный дыма,
Вид за окном – до боли незнакомый,
Да колыбельная – колесный перестук.

* * *

Усни.
Смотри
В любую из сторон.
Увидишь, как в короткий вечер
Вместится вечность
И у дороги догорит костром.
Смотри
На замыкание полюсов –
От искры возгорает факел,
И по ступеням вверх Иаков
Ступает медленно под крики белых сов.
Смотри и слушай:
Ветер в сопках резок, но пуглив.
А утром рано
Не забудь проснуться, ощутив,
Как холодом, пришедшим с океана,
Ласкает щиколотки Берингов пролив.

* * *

Вызываю приливы мыслей
Теплым чаем в моей пиале.
Он легко оставляет брызги.
Их стирать поспешу? Едва ли...

На холодной доске из глины
Оставляет пометки, помарки
Тихий и бесконечно длинный
Диалог кипятка и заварки.

Они шепчут про все, что знают,
Обо всем, что считают важным.
Я вникаю в беседы чая,
И душа утоляет жажду...

* * *

Не понимаю, может,
душу напрасно гложет
опыт – ошибки трудной
сын, не признавший мать.
Значит, к концу апреля
певчие не отпели
еще. И не станут. Будто
им некого отпевать.

А может, в начале мая
в дом мой войдет хромая
женщина с впалой грудью,
в черном глухом плаще.
Сядет, протянет руку
и назовет супругом.
Классик наврал – не будет
глаз у нее вообще.

* * *

Я устал уже каждый день умолять часы
Отмотать назад и позволить вернуться к ней,
Как пилот, не увидевший линии и огней
За пределами взлетно-посадочной полосы,
Просит жизни у Бога и твердости у шасси.
На приборной доске нацарапав «Навеки ваш»,
Ржавый гвоздь крепко сжав, как стило в руке,
Я в последнем своем – и жаль, не крутом, –
пики,
Опуская нос, коль не важен уже тангаж,
Жду, когда надломится фюзеляж.

* * *

Я в детстве все время думал,
что тучи на нашем небе
растут из труб заводов.
Я думал, когда стану взрослым,
закрою все заводы,
чтобы не портили небо!
Я вырос. Теперь я вижу,
как закрывают заводы.
А туч не становится меньше...

* * *

Оттаял город – лаются клаксоны,
В их бесконечном споре правых нет.
В витринах ультрамодные фасоны
Все ждут, когда сойдет последний снег.

Но с холодом, увы, прощаться рано:
Как партизан, скрываясь от весны,
Лежит сугроб на плитке тротуарной,
В тени домов досматривает сны.

* * *

Весь табак, что выкурил по тебе,
Раздается залпом в горячей огнем груди,
Где твои войска захватывают плацдарм.
Я не слышу приказ отступить, я лежу в траве,
Пусть, увы, не герой, но уж точно не дезертир.
Артиллерия рассчитывает удар...

Метко раненный снайпером под ребро,
Я лежу уже среди госпитальных стен.
Вычленив сигналы эфира из тишины,
Узнаю из сводок информбюро,
Что на фронте объявленной мне войны
Без перемен.

***

Смейся громче, стихи читай нараспев!
 Пусть твой голос звучит духовым оркестром,
 И на улице этой он не оставит места,
 Чтобы я потерялся в нем, одуматься не успев,
 Ведь свободной секунды для мысли нет.
 Лишь боюсь, что настанет тот миг, когда ты
 Замолчишь и посмотришь в глаза мне,
 Ведь я посмотрю в ответ
 Взглядом, с которым в бой уходят солдаты.

***

Над городом начали рваться снаряды,
 И город наполнили слезы и крики...
 То – в небе под тысячей пристальных взглядов
 Салют расцветает букетом гвоздики.
 Пусть жители грянут «Ура!» в одночасье,
 А эти гвоздики напомнят кому-то,
 Что слезы бывают не только от счастья,
 Что залпы бывают не только салюта.

***

Вектор пути до точки в шторм сократив,
 Судно теряет маяк и находит риф.
 Все, чем забиты трюмы до потолка, –
 Древо, провизия, специи и шелка;
 Мачты и весла, палуба и штурвал –
 Перемешаются возле подводных скал.
 В соли морской, голодной до свежих ран,
 Раб и торговец, юнга и капитан
 Ныне равны. Их разноголосый хор
 Молится сутки, чтобы умолкнул шторм.

Словно услышав их исступленный крик,
 Волны утихли. Лодка, на ней – старик,
 Будто бы бури не видели отродясь,
 К рифу подходят, плавно на твердь садясь.

И, разглядев силуэт старика вблизи,
 Кинулся капитан к нему, возопив:
 «Спаси! Есть, отец, за скалою вон той река,
 Если ты местный, знаешь наверняка:
 Вверх по течению – мила, не больше, – порт.
 Город стоит там огромный, собою горд.
 Сейчас не заплатим – груз потонул, прости,
 Но дома у нас ты пожизненно будешь в чести.
 Там есть еще шелков, специй там запах свеж,
 Рома и мяса – не выпьешь за жизнь, не съешь.
 Все отдадим, старик, чтобы ты нас спас...» –
 И из последних сил капитан потряс
 Золотом в мокром насквозь кошельке.

Старик усмехнулся: «Мне по другой реке
 Дальше идти. Я вас не доставлю в порт,
 Но поднимайтесь, возьму вас к себе на борт.
 Прямо по курсу, сыны мои, есть черта...
 За ней – ничего. Нам вместе идти туда.
 Но за черту эту каждый шагнет один.
 Там ни «кого любил» и ни «кем любим».
 Весел там нет, нет звона цепей, оков,
 Там не до специй уже и не до шелков.
 Нет кабаков и порта, страха петли, тюрьмы.
 Нет там и света – поле цветущей тьмы...»

Точка опять превращается в вектор пути.
 Отче, скажи, а можно ли не идти?

***

На сером асфальте опавшие листья –
 Ушедшего летнего дня шелуха.
 У Бога по осени просят и счастья,
 И образумить совет ЖКХ.

Бог птиц отправляет на место зимовки,
 Закончит, закурит, устало вздохнет и
 Скажет: «Тепло дам в кратчайшие сроки,
 А счастья – пока подождете».

Елена Александренко

Небесные ростки

Русский берег

От волны вездесущего ветра
То летим, то как вкопаны мы.
Беззащитны, как слабая ветка
На просторах бесснежной зимы.

Но чем больше нас ветер утешит
И чем клонит сильнее до земли,
Тем и крепче мы, тем и упруге,
Чтоб за жизнь удержаться могли.

Человеки, они, как деревья, –
Были б корни для силы ствола...
И наш храм деревянный – деревня,
Русским духом сильна и светла.

И стояли бы мы в карауле,
Как дубов богатырская рать.
Нас бы ветры вовек не согнули,
И с земли этой нас не согнать.

И не нужно чужих нам Америк
И деревьев других, и ветров.
Держит нас на плаву русский берег,
Наша вера и наша любовь.

АЛЕКСАНДРЕНКО Елена Витальевна родилась в г. Донецке.

Член Союза писателей России, Международного Союза писателей 21-го века, член Товарищества детских и юношеских писателей. Автор десяти поэтических книг. Публиковалась в краевых, столичных и зарубежных литературных изданиях и периодике. Лауреат литературных премий Приморья, литературного журнала «Дальний Восток», 3-го Международного конкурса детской и юношеской литературы им. А.Н. Толстого. Лауреат премии им. Людмилы Татьянической (Екатеринбург). Живет в Приморском крае.

Одуванчик

Был в нем Маленького принца свет,
В этом добродушном одуванчике.
Он похож на солнечного мальчика,
Всем кивал и всем дарил привет.

Весел был, покуда солнцелик,
Улыбался небу и траве,
Оглянуться не успел – старик
С пышной сединой на голове.

Голова его – воздушный шар
Разлетится вдруг, как теплый снег...
И он счастлив даже тем, что стар,
Не обижен на короткий век.

О полете долго он мечтал,
Отраженьем солнца ввысь глядел
И на облако похожим стал,
Знать, так сильно этого хотел.

...Одуванчик новый, золотой
На земной явился пуповине.
Шмель переполнялся теплотой,
Утопая в сладкой сердцевине.

Превращений тайна не видна,
Остается нам лишь удивиться:
Одуванчик – Солнце и Луна,
Одуванчик – облачко и птица.

Башмаками по земле пыля,
Шар цветка так нежно держит мальчик.
Одуванчик круглый, как земля.
А земля хрупка, как одуванчик.

Небесные ростки

С утра апрель поет. А мне б от счастья плакать!
От свежих слез дождя воскреснет вся трава.
Теплынь листву прольет, просушит грусть

и слякоть,

Порадуюсь тому, что я еще жива.

Ощупывает вновь душа земную роскошь
И, словно выходя из панциря тоски,
Улиткою живой ко свету тянет рожки,
Чтоб ощутить в себе небесные ростки.

Тише воды, ниже травы

Никакого мне дела нет
До пустой молвы...
Буду жить я тише воды,
Ниже травы.
Буду слышать лишь,
Как вода поет,
Как трава растет,
Как трепещет лист,
Как земля моя
Шумный дождик пьет,
Как речной пережат речист.
Затаюсь вот так
И услышу вдруг,
Что не слышит никто нигде:
Как бренчит серебром паутин – паук,
О чем рыба молчит в воде.
До людской молвы
Мне и дела нет –
Все никчемная болтовня...
Сквозь лучи травы
Протекает свет,
Как молчание сквозь меня.

Придуманное счастье

Я выхожу туда не часто
В свое придуманное счастье.
Есть у меня холсты и краски.
Нет только нежности и ласки.

На выставке моих картин
Никто не видит и не слышит,
Но каждая картина дышит
В сетях волшебных паутин.

Я выхожу, не выходя,
Внимаю, чувствую и слышу,
Как дерзкий дождь ласкает крышу,
И мне близка любовь дождя.

И тени прошлого скользят
В траве нескошенных мгновений...
Во всем живет безвестный гений.
Во всем сквозит знакомый взгляд.

И здесь меня давно не ждут.
Лишь ветер потчует печалью.
Гуляет месяц обручальный.
В чужом доме поленья жгут

И гладят кошек и котят,
Не ждут гостей, роняя ложки,
И достается только кошкам
Всего, чего они хотят.

Огонь любви и тайны

Дома, как человеческие улы,
Притихли, и вечерний в них уют.
Детишки от тепла давно уснули.
А взрослые –
всегда друг друга ждут.

Печь разомлела,
Пляшет свет на лицах,
Согрелись все домашние углы.
Поют дрова, и пламя веселится,
И все верхушки острые круглы.

Смеются гномы
под плащом огня...
Совсем, как в детстве,
Сказочные гномы.
Все эти сказки
были до меня,
Когда и не было у нас
печи и дома.
Но где-то все же
Был зажжен огонь.
Огонь костра,
Огонь любви и тайны.
И чья-то очень нежная ладонь
Любимых плеч
касалась неслучайно.

И сердце, как в тумане еж...

К чему нам от зеркал таиться,
Когда стареют наши лица,
И «паутинки» не смахнешь...
И сердце, как в тумане еж –
Стучит и ходит все по кругу,
Потерянного ищет друга.

И мир срывается с петель,
Ведь столько в нем моих потерь.
И, горькой памятью горя,
Красны листы календаря.

А в красном – черные кресты
Той немоты и пустоты,
Беспомощных напрасных слез
И безответен мой вопрос.

О, сколько надо нам молить,
Когда душа болит, болит
О каждом, кто за гранью той,
Не обогреть тот путь свечой.

И с прошлым мы обручены –
На память мы обречены...
И время всюду ставит метки,
Рисуя родинки и сетки,
И дальний свет в колодцах глаз
Куда-то все уводит нас.

Мой белый журавлик

Сплету тебе рубашки из травы,
На каждый мертвый день – одну живую.
Плесну чуть-чуть небесной синевы:
Очнись, вернись, я без тебя тоскую.

Что делать, как закончится трава?
Тогда я попрошу тихонько небо
И стану белые вязать из снега,
Ведь я жива, пока еще жива.

И будет теплым этот снежный пух
И ласковым, как ангельские перья.
Спасет тебя мой устремленный дух,
Ведь я живу, по-детски в чудо веря.

Ты помнишь: в сказке девочка жила
Для братьев доброю сестрой Элизой.

Рубашки во спасение плела,
Когда беда ей бросила свой вызов.

Вот так и я готова руки жечь,
И никому не говорить ни слова,
Чтоб тающую жизнь твою сберечь,
Укрыть ее скорей от взгляда злого.

Но нет травы и на исходе снег:
Последнюю рубашку не успела...
Восходит в небо близкий человек
И улетает – мой журавлик белый.

Здесь я свой человек...

Наши корни здесь,
Глубоко они в русской земле.
Как сорваться мне с этого места
В далекие дали?

Без корней сердце высохнет,
Будет болеть и болеть,
И умрет на чужбине
От долгой тоски и печали.

Понимаю лишь русский снег
Над тайгой певучей.
И по-русски здесь русла рек
Говорят со мною.
Здесь я свой Человек,
Здесь мой русский язык могучий!
Я наполнилась им
И срослась со своей страной.

И какой бы она ни была,
И какой бы ни стала,
В ней дыхание мое,
Восхождение, покой и сила.
Если вдруг я уйду,
Чтобы жизнь начинать сначала,
Это будет моя голубиная Русь,
Россия!

Наталья Вершинина

Про Курочку Рябу

Как порою мы бываем самонадеянны и непоколебимы в своем невежестве... Например, считаем, что в древности люди были, конечно, глупее нас. Ан нет!

Наши предки, оказывается, были мудрее нас и обладали поистине космическими знаниями о мироустройстве.

А пришла я к этой мысли, не поверите, читая самые что ни на есть детские русские народные сказочки.

Все началось с того, что одна моя знакомая сказала, что эти сказки бессмысленны, парадоксальны и даже глупы. И она просто не понимает, зачем такую чушь читать детям. Я спросила: «А какие именно сказки?» – «Да вот хотя бы сказка про Курочку Рябу – просто бред какой-то!»

Это была отправная точка. Я тогда возразила ей, сказала, что, наверное, все-таки мы чего-то не понимаем, ведь сказка старинная, но привести веских аргументов не смогла. Решила подробно разобраться с этим вопросом, а в результате так заинтересовалась этой темой, так погрузилась в эту интереснейшую сказочную страну, что многое мне стало раскрываться с самой неожиданной стороны. Глубина наших детских народных сказок буквально потрясла мое сознание, в них заключена такая мудрость,

такой космос, что наше современное восприятие мира показалось мне просто примитивным. Однако все по порядку. Начнем с вечной загадки – что раньше, курица или яйцо? Вроде простой вопрос, но по поводу ответа спор так и не закончился.

А теперь вспомним нашу сказочку про Курочку Рябу.

Итак: жили-были дед да баба, и была у них Курочка Ряба...

Кто такие дед да баба? Это мужское и женское начало. Они старые, то есть мудрые, основатели рода, возможно, две ипостаси божественного начала, составляющие вместе гармонию. Вспомните ян и инь, кстати, не японцы с китайцами это придумали. Стоит только вслушаться в наши слова: кресть-ян-ин или слав-ян-ин, и все станет понятно. Вот вам вечная гармония, управляющая Вселенной. У деда и бабы есть Курочка Ряба. Заметьте, не белая, не черная, не рыжая, а именно рябая. Это тоже не случайно. И тут хочется спросить: «Вы часто смотрите в ночное небо? Какое оно?» Правильно, усыпанное звездами – рябое. Получается, что курочка, которой владеют дед и баба, – это наша Вселенная, где много, много звезд, планет, комет. Эта Вселенная готова рождать новые миры, земли, солнца, то есть нести яйца. Таких еще не развитых «яиц» в курице-вселенной бесконечно много, а ведь каждое такое «яйцо» – потенциальная «курица», то есть новая Вселенная. Известный принцип взаимовложенности – матрешка, то есть курица и яйцо возникли одновременно. И этот процесс рождения вселенных бесконечен. А над всем этим властвует вечная гармония – «дед и баба». Чувствуете, какая раскрывается бездна?! Итак, что же дальше в нашей сказке? Снесла курочка яичко, да не простое, а золотое, казалось бы, радоваться надо, но дед и баба пытаются это непросное яичко разбить, причем бьют отчаян-

---

ВЕРШИНИНА Наталья Николаевна, поэт, прозаик. Член Союза русских писателей Восточного Крыма. Образование высшее педагогическое, дополнительно в 2000 году окончила Академию Управления при Президенте Российской Федерации по специальности «государственное и муниципальное управление». Первая публикация была в 1979 году в журнале «Крокодил» (юмористический рассказ «Здравствуйте, здравствуйте!»). Издано четырнадцать книг поэзии и прозы, в том числе и для детей. Живет в Феодосии.

но: «Баба била-била, не разбила, дед бил-бил, не разбил». Спрашивается, зачем били, почему надо было это золотое яйцо разбить? А когда мышка бежала, хвостиком вильнула, и яичко разбилось, они начали плакать: «Плачет дед, плачет баба...» Видно, как-то не так им надо было достучаться до содержимого этого яйца. Их поведение кажется неадекватным: хотели разбить, так как били-били, а когда разбилось – плачут, вроде и разбивать не надо было.

А может, и не хотели они его вовсе разбивать, а для чего-то другого били? Начнем разбираться по порядку.

Во-первых, яичко было необычное – золотое. Золото у наших предков не считалось, как сейчас, ценностью. Это был металл, из которого делали очень красивые предметы, они не портились, так как золото ни с какими веществами не реагирует, не окисляется, долго сохраняется в любых условиях. Вспомните золото скифов. Где его нашли? Правильно – в могиле. Человек ушел в вечность, и ему положили в могилу нечто вечное, что не портится, и тоже неживое, не реагирующее на окружающий мир. А что изображалось на этих предметах? Совершенно верно – жизнь: звери, люди, диковинные растения, птицы, то есть память о том мире, который человек покинул. А вот при жизни предки украшали себя отнюдь не золотом. Это были жемчуга, камни самоцветные (кристаллы), серебро, перламутр, соболя, кожа, сталь. То есть нечто живое, изменяющееся. Золотое яйцо, которое снесла Курочка Ряба, – это был умирающий мир, неправильный, негармоничный, заключенный в золотую матрицу. Вспомните бессмертное произведение Гете: «Сатана там правит бал» и «люди гибнут за металл». Ничего вам это не напоминает? Высшие силы пытаются достучаться до тех, кто в этой матрице, но крепка золотая оболочка (а точнее, страсть к золоту в этом новом мире). То есть высшие силы хотели изменить этот мир, не разрушив его совсем, но зря били в набат, не достучались. А вот мышка бежала, хвостиком вильнула – яичко и разбилось...

А кто такая мышка? Мы ее еще называем мышка-норушка. Да, она живет в норке под землей, активна ночью, то есть представляет собой невидимый мир – мир ночи и подземного царства. Жаль, что современные читатели незнакомы с образами наших буквиц, а то бы сразу поняли, что мышь – это мысль.

Нас лишили этих образов, и азбука превратилась в алфавит, а буквицы с образами в фонемы. Речь стала безобразная, то есть безобразная. Мы перестали понимать, какой смысл вложен в наши родные слова. Так вот буква М – мыслете, Ы – (еры) – единство, Ш –

(ша) – простор, К – (како) – объем, А – (аз) – точка отсчета здесь и сейчас, это человек с внутренним осознанием самого себя. Мышка – это скрытые изотерические знания. В данном случае – это неосозаемое, что исходит от человечества, – мысли, которые слились в единую точку отсчета, и матрица, в которой находилось человечество, рушится от малейшего толчка (мышка вильнула хвостиком, и яичко разбилось). Рухнул тот уклад жизни, который был. Нет прежней цивилизации. Что это было? Война? Катастрофа?.. Нам остается только гадать. Ведь мысль может быть направлена на созидание и на разрушение. Мысль влияет на состояние нашей планеты, и Земля отвечает на негатив негативом. Не захотели люди жить в гармонии с природой, нарушили законы мироздания, не прислушались к высшим силам, и цивилизация погибла (яичко и разбилось). Вот поэтому плачет дед, плачет баба, они не достучались, не смогли сохранить мир. Но не все так безнадежно.

Чем заканчивается наша сказочка?

А тем, что Курочка-Вселенная успокаивает высшие силы – «не плачь, дед, не плачь, баба, я снесу вам яичко другое, не золотое, а простое». Жизнь бесконечна. Простое яйцо – это яйцо живое, способное к развитию, это мир, живущий в гармонии с природой, по законам мироздания. Вот почему простое яичко лучше золотого. Каждое яйцо – это потенциальная курица, то есть появится мир, способный сам создавать вселенные и рождать новые миры. Этот процесс во Вселенной бесконечен. Во Вселенной должна властвовать гармония, и никто не может нарушать законы мироздания. Эта сказка – предупреждение. Она говорит о том, что если мир примет матрицу догматическую, где материальное (золото) верховенствует над духовным, то такой мир обречен на гибель. Только мир развивающийся, живущий по законам мироздания, гармоничный угоден Творцу. В мире, где духовное выше материального и работает главный закон мироздания – закон любви. Очень важно читать детям эти, казалось бы, нелогичные сказки. Их мозг не засорен шаблонами, штампами и догмами и воспринимает эти сказки на генном и подсознательном уровне. Потом, когда они вырастут, интуиция им подскажет, что хорошо, а что плохо, где зло, а где добро, и поможет им сориентироваться в бурном потоке жизни.

Вот они какие, эти русские народные сказочки. В них важно каждое слово, а также порядок слов, они необыкновенно емкие, и на них откликается генетический код русского человека. Недаром говорят: «Сказка ложь, да в ней намек...»

Как дед вырастил репку

Все знают детскую сказку про репку. Но вот вопрос: как удалось деду вырастить такую огромную репку, что ее никак не вытянуть? И почему дед посадил, а не бабка или еще кто? Одним словом, много вопросов, а ответить на них не так-то просто.

Сказочка короткая, емкая, на первый взгляд даже глупая. В ней много раз повторяются одни и те же слова «дедка за репку, бабка за дедку...» ну и так далее. Мне казалось, что это не случайно. Будто наши предки хотели, чтобы мы запомнили именно такую последовательность событий и никак иначе. В наших сказках всегда есть намек на что-то важное. И я решила в этом ребусе разобраться.

Помогло мне в этом знание русской азбуки, которая включает в себе образы каждой буквы. Знание этих образов – ключ к разгадке.

Вдумаемся в каждое слово сказки по ходу событий, описанных в ней.

Итак: посадил дед репку. А кто такой дед? Это старший мужчина в семье, основатель рода, старейшина. И посадил он не елку или березу, не капусту или горох, а именно репку. И не целую грядку, а одну-единственную репку. А это не случайно, так как Реп – это первое имя русича. Имен в древности давали несколько. Первое, когда ребенок родился. Заметим, что слово «ребенок» содержит в себе это «реб-реп», а буквы «б» и «п» часто при произношении переходят друг в друга. Второе, когда чадо превращалось в отрока или отрочицу, а третье, когда это был добрый молодец или девица.

Ка – это душа. Именно поэтому мы часто, когда прощаемся, говорим до свидания, а потом – пока! По душам значит, душевно расстались. То есть дед заложил основы своего рода, поэтому репка одна и выросла она большая-пребольшая, – так семья разрослась. В сказке говорится, что репка и сладка, и крепка. И тут опять слова не случайные: сладка (с-лад-ка), то есть с ладом, крепка (к-реп-ка), это значит, что в русской душе лад, а это очень важно. Молодец дед, правильные заложил основы своего рода.

Читаем сказку дальше. Стал дед тянуть репку... Спрашивается, зачем? Ведь такая славная основа рода заложена. А чтобы возвысить эти молодые души, чтобы не были они приземленными!

Вот тянет дед, потянет, а вытянуть не может. Мало одной мужской энергии. Зовут дед бабку, а бабка божья душа, она учит внуков баить – говорить, с нее начинается изучение смысла букв, познание мира, она внукам сказки на

ночь рассказывает. Очень важно, из каких букв состоят слова «дед» и «баба». Дед – два раза повторяется буква добро. Баба – два раза повторяется буква боги, а буква А – это сам человек с его внутренним миром (Аз).

Начали они тянуть репку вдвоем – дедка за репку, бабка за дедку – не могут вытянуть. Не так просто душу рода возвысить. Зовут внуку (заметьте, не сына, не дочь, а именно внуку). Это, конечно, не случайно. Внука (ведь наши учи, человеческая душа!). То есть процесс восхождения человеческой души продолжается. Внука зовут Жучку (жизни учишь, человеческая душа!). Процесс продвигается шаг за шагом. Жучка зовут кошку. А кошка – это эзотерические и сакральные знания, она живет на границе двух миров – яви (видимый мир) и нави (невидимый мир).

А кошка зовут мышку! А вот мышка, которая живет в норке и вхожа в подземный мир, мир духов (навь), и есть мысль в чистом виде – мыслящая душа. И репку сразу вытянули.

То есть ко всему прочему нужен был смысл жизни, то есть основное направление – мысль, идея, общая для всего рода.

Вот почему полезно знать образы наших букв. С этим знанием то, что закодировано в наших сказках, становится понятным. Мы можем прочесть эти послания предков.

Нас лишили этих знаний намеренно, чтобы оторвать от корней. Сказка «Репка» о том, как в душе русских людей формируется русский дух – возвышенный, не приземленный, для человека с таким строем психики всегда духовное будет выше материального. То есть дед заложил основы рода создателей с высокими моральными качествами. В формировании таких людей участвовали энергии мужские и женские, учитывался жизненный опыт предков и их глубокие сакральные знания.

Вот поэтому сказка ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок. Именно молодцам, так как мужчина – основатель рода, он должен заложить основы (в том числе и моральные) своего рода, а женщина поможет ему в этом. Пора мужчинам задуматься над этой мудростью наших предков.

Да, азбука наша превратилась в алфавит, но выражение «азбучные истины» осталось, и материалов по древней русской азбуке и значении образов букв в этой азбуке предостаточно в открытом доступе в Интернете, и книжки стали выходить. Наши дети, которые ходят в обнимку с планшетами, могут легко найти этот материал. Главное знать, что искать. Так что не все потеряно, и я очень надеюсь, что русская культура, невзирая на засилье Запада, возродится.

Валерий Латынин

Мы все росли на русских сказках

Прощание с летом

Сгребаю в кучу роскошь сада
И поджигаю небеса.
Какая сладкая отрада
На эти дымных полчаса!

Трепещет ворох оловянный,
В багряном плавится огне.
И лето крылышком туманным,
Прощаясь, долго машет мне.

Обвалилось небо

Обвалилось небо на столицу.
За окном и в мыслях – мокрый снег.
Хмуры озабоченные лица.
В закоулках душ упрятан смех.

Ежатся пернатые солисты,
В снежной каше не поется им.
На проделки марта, как статисты,
Мы с любимой женщиной глядим.

А чего глядеть без интереса?
Серый снег слетает, словно моль.
Будем исцеляться антистрессом,
И пускай солирует любовь!

ЛАТЫНИН Валерий Анатольевич родился в 1953 году в станице Константиновская, Ростовской области. Член правления Союза писателей России. Окончил Алма-Атинское высшее общевойсковое командное училище (1974) и заочное отделение Литературного института им. А.М. Горького (1987). В России и за рубежом вышло несколько десятков его книг стихов, прозы, поэтических переводов. Лауреат всероссийских и международных литературных премий. Более 20 лет отдал военной журналистике. Полковник запаса. Живет в Москве.

Морозная ночь

Неспешно тает жар в камине.
Собакой лижется тепло.
Промерзший законный иней
Заполз погреться на стекло.

Вокруг желтка настольной лампы
Стустились сумерки и тишь.
Ночное небо греет лапы
На трубах деревянных крыш.

На Северном полюсе

Куда ни гляну, всюду – юг
И даль безлюдная, как в космосе.
Я угодил в гнездовье вьюг
На Северном пустынном полюсе.

Сияют изумруды льда
Над белизной голубиной,
Но дышит черная вода
В разводьях жуткими глубинами.

В ее бездонный мрак смотреть
Душа не может без дрожания.
Далекая земная твердь
Любима здесь до обожания.

* * *

Чье ты, чумазое горюшко?
Пятый... шестой тебе год?
Хилый подранок из горлышка
Пиво с бродягами пьет.

Рядом с рекламными куцями –
Язвы бомжей и сирот.
Светлое наше грядущее
В грязных лохмотьях растет.

Тревожный сон

Ты снова плакала во сне –
Видения смутили душу.
Прижмись, любимая, ко мне
И ровное дыханье слушай.

Ночные призраки уйдут,
Лишь только прошепчи молитву.
Над нами ангелы ведут
Невидимую людям битву.

Непросто выживать сейчас,
Так много демонов повсюду,
Но воины Христовы нас
Спасать по нашей вере будут.

Молись. Не верь в победу зла.
Молись и действуй во спасенье.
Молитва многим помогла
Спасти не только в сновиденьях.

Ошибка природы

Декабрь. Зеленая трава.
Занудный дождь идет.
Качает небесам права
Какой-то идиот.

А если это он и есть –
Творения венец,
Тот самый «хомо сапиенс»,
Тогда не прав Творец!

Зимою хочется зимы.
А в летний день – тепла.
Но так царим в природе мы,
Что та сошла с ума!

Уренгойская погода

Чего хотеть от северной погоды?
Не избалован ею Уренгой.
Погода, разве что чертям в угоду,
То снег, то воду сеет над тайгой.

Ползут дороги из-под вездеходов,
Шарахается в стороны вода.
Чего хотеть от северной погоды?
Мы не на отдых ехали сюда.

Назло чертям мутим в болотах воду
В глухих углах медвежьей стороны
И делаем отличную погоду
Для всей страны...

1982

Русские сказки

Мы все росли на русских сказках,
Где сокрушались силы зла,
Где обязательно развязка
К победе доброты вела.

И даже царские палаты
Не защищали подлецов.
Кащей, стяжавший горы злата,
Не выживал в конце концов.

Где простаки, поверив в чудо,
Преображались на глазах,
А хитрованы почему-то
Оказывались в дураках.

Родная твердь давала силу
Тому, кто правым в битве был,
А тать бесславную могилу
На русском поле находил...

Реальность разною бывала:
Бросала в грязь, влекла на дно,
Но доброта всегда спасала
И побеждала все равно.

Любыми бедами томимы,
Читайте сказки малышам.
Лишь только сказками хранима
От одичания душа.

Северное лето

Я люблю несуетный Сургут
В час, когда закат раскинет сети,
В час, когда прохожие идут,
А не суетятся, будто дети.

Возвращаюсь не спеша домой.
В сердце радость зачинает строчки.
Вижу, как деревья надо мной
Навострили клейкие листочки:

Слушают шаги и шорох шин,
Тихий шепот сосен-старожилов,
Слушают, как из земных глубин
Нефть идет по рукотворным жилам.

Я люблю свободный бег машин,
Равновесье темноты и света
В час, когда на клавиши души
Нажимает северное лето.

1981

Притяжение

Закону бытия согласно,
 Не ради красного словца,
 О том, что женщины прекрасны,
 Мы повторяем без конца.

В любой – галактика сокрыта.
 И путь мужской исповедим –
 Осколками метеоритов
 На притяженье их летим.

У нефтяников

Федоровка.
 Клуб среди болот.
 Слушателей стайка небольшая.
 Комарье покоя не дает,
 Слову вдохновенному мешая.

«Помните!» –
 Воздета вверх рука...
 В тот же миг доносится до слуха
 Тонкий писк и резкий всплеск шлепка –
 Чтец себе же лепит оплеуху.

А буровики сидят молчком
 И буравят нас веселым взглядом.
 И, наверно, думают о том,
 Что поэты – жидкие ребята.

Тонкокожих любят комары –
 Меньшей кровью кровь их достается.
 «Ничего, потерпим до поры,
 А не сдюжим – разведем костры», –
 Жертва экзекуции смеется.

А потом серьезнеет лицо.
 И встают в атаку, как пехота,
 Строчки про измученных бойцов,
 Про блокаду, Мгинские болота.

И уже иной заметен взгляд
 На заезжих в этот край поэтов.
 И уже кочует в первый ряд
 Для гостей отправленная «ДЭТА».
 Строчкам, что оплачены судьбой,
 Люди открывают души сами.
 Федоровка.
 Парни с буровой.
 Испытанье жизнью и стихами.

1984

«Северный огонек»

Ах, как ты сердцу близок
 И как теперь далек...
 В морозной дымке сизой
 Сургутский «огонек»!

Горишь ты, не сгорая,
 Как прочие – дотла,
 В студеных дебрях края
 Святой очаг тепла!

Тобой не раз согреты
 В приятельском кругу
 Газетчики, поэты,
 Которых свел Сургут.

Среди имен звучащих,
 Набравших дерзких сил,
 Наверно, к счастью, чаще
 Ты молодым светил.

Гори, костер отрядный –
 Редакционный свет,
 Над строчкою тетрадной –
 Надеждой новых лет.

В таежной, бездорожной,
 Тревожной стороне
 Нет светоча надежней,
 Чем огонек в окне!

Владимир Смирнов

ДВА РАССКАЗА

ТРИ ФЕНЕШКИ

– Капитан, сейчас вон та паутина тебе на голову упадет, придавит! – раздался громкий голос вошедшего в кабинет человека маленького роста в огромной офицерской фуражке, сшитой на заказ.

– Здравия желаю, товарищ полковник! – из-за стола поднялся коренастый, полноватый, краснощекий, седовласый капитан Сероусов.

– Почему паутина на потолке? Развели тут бардак!

Сероусов был начальником финансовой службы мотострелкового полка, дислоцированного в населенном пункте Олимпишесдорф Группы советских войск в Германии. Своей солидной внешностью он чем-то походил на прославленного русского полководца Михаила Кутузова. Из-за этого тем более как-то нелепо и жалко выглядели его маленькие капитанские звездочки на погонах. Ну никак не соответствовали его харизматическая внешность и воинское звание младшего офицера. Александру Ильичу Сероусову стукнуло уже сорок пять, он готовился к увольнению в запас на заслужен-

ную пенсию. В полку его очень уважали. Даже командир и начальник штаба обращались к нему не товарищ капитан и даже не Александр Ильич, а просто Ильич. И это не выглядело фамильярно, а наоборот, подчеркивало к нему уважение и особое доброе отношение.

Вместе со своим начальником поднялся из-за стола и его помощник – молодой прапорщик Виталий Сутырин. Помимо прочих служебных обязанностей он отвечал и за полковую кассу. В конце каждого рабочего дня помощник начальника был обязан подводить итоги в денежном журнале и сверять его остаток (сальдо) с наличными деньгами в кассе. Все должно было соответствовать, как говорится, тютелька в тютельку. Сутырин прекрасно знал, что при внезапной проверке начальники или ревизоры в первую очередь «снимают» кассу.

Неожиданное появление в столь ранний час такой крупной фигуры – начальника финансовой службы армии – не предвещало ничего хорошего. Обычно с проверками и ревизиями приходили представители дивизии, а тут – пожаловали аж из армии. И не кто-нибудь, а сам начальник! Подобное на памяти Сероусова и Сутырина произошло впервые.

– Денежный ящик на стол! – взглянув мельком на Сутырина, приказал начальник финансовой службы армии полковник Олейник.

Прапорщик Сутырин, немного волнуясь, открыл массивный сейф, извлек из него небольшой железный ящик, в котором хранилась наличность – ассигнации в виде марок ГДР и разменные монеты – пфенниги, или, как их еще запросто называли, – фенешки.

– Это вся наличка? – строго спросил полковник и, не дожидаясь ответа, опечатал своей личной печатью денежный ящик, а заодно и сейф.

Затем он сел за свободный стол, потребовал денежный журнал и текущие приходно-расходные документы. Вскоре его пальцы застучали по кнопкам калькулятора.

СМИРНОВ Владимир Вячеславович. Прозаик, поэт, журналист. Председатель правления Союза русских писателей Восточного Крыма, член Союза журналистов России. Лауреат Всероссийской литературной премии им. Н.С. Гумилева (2020), лауреат республиканских поэтических фестивалей. Автор исторической повести «Княжество Феодоро», поэтического сборника «Распахнута ресницы сосна», книг «Криминальный Севастополь» и «Завещание Генриетты». Произведения публиковались в журнале «Молодая гвардия» (Москва), газете «Слово» (Москва), альманахах и сборниках «Крымский мост» (Москва), «Крымский телеграф», «Крымское приключение», «Литературный Севастополь», «Литературная Феодосия», в «Литературной газете + Курьер культуры: Крым-Севастополь» и др.

Капитан Сероусов многозначительно взглянул на своего помощника, словно спрашивая, все ли с кассой в порядке? Сутырин неопределенно пожал плечами и наморщил лоб. Накануне вечером он добросовестно провел в денежном журнале все текущие документы и сверил остаток с наличными деньгами в кассе. Все соответствовало. Но был один нюанс. Утром, буквально за двадцать минут до неожиданного прихода высокопоставленного визитера из армии, он рассчитал полкового офицера-отпускника, выдал ему причитающееся денежное довольствие. Все бы хорошо, но в кассе не оказалось монеток номиналом в 1 фенешку, закончились они просто-напросто. А отпускнику, помимо крупных купюр, полагалось выдать еще 73 фенешки. Сутырин так и сказал отпускнику, что нет в кассе трех фенешек, поэтому он округлил ему мелочь до семидесяти фенешек и выдал.

– Да ради Бога, какие три фенешки? Все равно на них ничего не купишь, не надо мне их! – воскликнул отпускник и поспешно вышел из кабинета.

Обычно на подобные мелочи не обращалось особого внимания. Главное – чтобы в кассе не было недостатка, а излишек в несколько фенешек – сущий пустяк. В конце дня касса пересчитывалась и баланс восстанавливался. Однажды, год назад, инспектор-ревизор из финансовой службы дивизии капитан Путий обнаружил в кассе Сутырина излишек аж в четыре марки. Дело было сразу после выдачи денежного довольствия всему личному составу полка. Многие офицеры и прапорщики просто отказывались брать мелочь, вот и «накопилось» четыре марки.

– Да не переживай ты, не отражу я это в акте проверки. Понимаю, что после получения мелочь в кассе всегда остается. Ерунда, всего-то четыре марки, просто смешно, – сказал тогда капитан Путий.

«Но одно дело – знакомый инспектор-ревизор из родной дивизии, а другое дело – начальник финансовой службы армии. Но ведь всего-то излишек в три фенешки, и причина уважительная имеется. Да что такое эти три фенешки? По курсу на советские деньги – меньше одной копейки. Неужели полковник все-таки придерется?» – размышляла прапорщик Сутырин.

И тут, словно предугадывая его мысли, раздался торжествующий возглас полковника Олейника:

– Так и знал! Бардак у вас везде, и в кассе тоже! Обнаружен излишек в три фенешки! А, капитан, что скажешь?

– Товарищ полковник, разрешите объяснить? – спросил прапорщик Сутырин.

– Я не к вам обращаюсь, а к вашему начальнику, – грубовато отрезал полковник, – так, а теперь идемте все вместе к командиру полка, я доложу ему о грубом нарушении.

В кабинете командира части подполковника Чиненова прошел, как говорится, разбор полетов. Полковник Олейник в ярких красках рассказал командиру о грубейшем нарушении кассовой дисциплины, порекомендовал строго наказать своих нерадивых подчиненных.

Когда высокопоставленный визитер наконец-то покинул кабинет и уехал на автомобиле дальше, командир полка спросил капитана Сероусова:

– Ильич, как же так? И сколько этот излишек составляет?

– Аж три фенешки, товарищ командир!

Глаза у подполковника Чиненова округлились от изумления:

– Сколько?! Ильич, ты не шутишь? И из-за этого он мне тут полчаса нотации читал? Идите, работайте...

...Прошло около двадцати лет. Уже будучи на пенсии по выслуге лет, Виталий Сутырин узнал из Интернета новость:

«...С 1996-го по 2001 год генерал-полковник Георгий Олейник был начальником Главного управления военного бюджета и финансирования Министерства обороны Российской Федерации.

В 2003 году Георгий Олейник приговорен к пяти годам лишения свободы (в колонии общего режима) за «превышение должностных полномочий» при продаже по заниженной цене государственных облигаций внутреннего валютного займа в 1998 году «Военбанку» (облигации находились в доверительном управлении у Минобороны), чем нанес государству ущерб в 60 миллионов долларов. Находился в заключении три года (2002–2005)».

Вот вам и три фенешки...

Я – ВОР

Я – вор. Точнее, был мелким воришкой в своем далеком детстве. Почему я об этом вспомнил? Почему об этом пишу? Почему выношу на всеобщее обозрение столь малоприятные факты из собственной биографии? Не знаю...

Нет, я не шарил по карманам одноклассников в поисках мелочи, не воровал в магазинах и на рынках. Вместе с другими сельскими мальчишками я обчищал сады колхоза имени Ильича, а порой и фруктовые деревья жителей поселка Куйбышево. Наибольшей популярностью у нас пользовались черешня, абрикосы и персики, а груши и яблоки – «висели» на втором месте.

А что такого особенного было в этих пресловутых набегах на фруктовые сады? В нашем

счастливым советском детстве не только озорные мальчишки, но и вполне приличные девочки участвовали в подобных шалостях. Но одно дело – набеги на сады с единственной глобальной целью – полакомиться да удаль свою показать. Ведь иногда за нами гнался разъяренный сторож с берданкой наперевес. Приходилось мигом сигать с деревьев и мчаться напролом по буеракам, дабы не быть пойманным и заклеянным позором. Надо сказать, что сторож меня ни разу не догнал, бегал я хорошо. Но от мамы за разные шалости мне досталось несколько раз лозинкой пониже спины. Она меня хлестала лозинкой и плакала, а я убегал от нее в огород. А вот отец меня ни разу даже пальцем не тронул. Только говорил иногда в мой адрес: «Рассобачился ты, Вовка, пора за тебя взяться».

...Давно это было, почти пятьдесят лет назад, полвека минуло. Ну, фруктовые сады, ладно, Бог с ними. Но есть еще один неблагоприятный поступок, за который мне действительно стыдно.

Совсем недавно я пробыл несколько дней в старом родительском доме, где прошло мое детство, а ныне там проживает моя старшая сестра Валентина.

– Редко стал приезжать, братик, – укоризненно сказала сестра, – совсем забываешь родительский кров.

– Живу далековато, да к тому же работаю, не всегда удается выкроить время.

Зайдя в свою небольшую, но уютную комнату, я принялся что-то искать в комод. В нижнем ящичке мой взгляд неожиданно остановился на небольшой старой отвертке с наборной рукояткой из плексигласа. Самодельная рукоятка состояла из разноцветных плексигласовых колечек, словно яркая радуга. Откуда у меня эта отвертка? Я напрочь забыл о ней. Сел на диван и стал вспоминать.

...Ну, конечно, это она, та самая. Было мне тогда лет двенадцать. В соседнем доме на другой стороне нашей улицы проживала семья Трошковых. Я дружил с Виктором, который был старше меня на целых три года. Для подросткового возраста разница весьма приличная. Естественно, что я брал пример со старшего друга, старался во всем на него походить. В то время мы не только совершали набеги на фруктовые сады, но были еще увлечены строительством в лесу шалашей, землянок; лазили по скалам. Играли в войнушки, в индейцев, изготавливали луки, стрелы, копья и дротики, тренировались в метании ножей.

– Давай построим новую землянку, а то нынешнюю обнаружили грибники и пацаны с другой улицы, – предложил Виктор.

– Можно, – согласился я, – только инструмент нужен. Лопату я могу взять из дома, а топор и ножовку отец не разрешит.

– Лопату я тоже возьму, а остальное мы добудем.

– Как это, добудем?

– Разве мало соседских сараев и гаражей? Там все возьмем и в лес унесем.

Я не стал возражать. И в ближайшую летнюю ночь мы с Виктором залезли в гараж одного из соседей – дяди Саши. Боковая дверь в гараже оказалась незапертой. Мы позаимствовали, а точнее украли, топор и кое-что из мелочи, уже не помню, что именно. В числе этой мелочи оказалась и красивая отвертка с плексигласовой ручкой, которая досталась мне.

...Продолжая сидеть на диване, я размышлял: «Надо вернуть отвертку хозяину, ведь дядя Саша еще жив, живет в том же доме, на нашей улице. Но как это будет выглядеть? Вот приду я к нему домой и скажу: дядя Саша, полвека назад я украл у вас отвертку. Совесть замучила. Возвращаю вам отвертку назад. Уж простите меня, грешного. И как мне потом ему в глаза смотреть? А вдруг он расскажет об этом соседям и родственникам, и они будут считать меня вором? Стыдно и неудобно, позор. Что делать, как поступить? Может, оставить все как есть, зачем ворошить прошлое?»

...А как же совесть? Рано или поздно ошибки надо исправлять. На следующий день я взял злополучную отвертку и отправился к дяде Саше. Идти долго не пришлось, всего какую-то сотню метров.

– Какая отвертка? – удивленно переспросил дядя Саша. – Ты ее украл пятьдесят лет назад? Что за ерунда? Не помню...

Я протянул ему старую отвертку плексигласовой ручкой вперед.

– Мы с Виктором тогда еще топор у вас взяли. Извините.

– Точно, о топоре помню. Я тогда хватился, а его и нет. Пришлось новый покупать.

Дядя Саша взял из моих рук отвертку и стал внимательно рассматривать. Он вертел ее во все стороны, казалось, что пересчитал на ней все плексигласовые кольца. Вдруг глаза его заблестели.

– Вспомнил. Мне эту отвертку на работе товарищ подарил, собственноручно ее изготовил. Это его почерк, он мастером на все руки был. У меня в то время мотоцикл имелся, лишняя отвертка не помешала.

– Еще раз простите, дядя Саша.

– Да ладно, столько лет прошло. Ты тогда совсем мальцом был.

На том дело и кончилось.

...Нет, не кончилось. Я встал с дивана и положил отвертку обратно в ящик.

«Позже отнесу ее дяде Саше, обязательно отнесу. Возьму бутылку водки, зайду к нему и все расскажу. А потом допишу этот рассказ», – решил я и вышел из комнаты.

Диана Лугинина

Сердце – скворечник

* * *

*...Роден, близок и дорог,
как старый облезший свитер,
Омск – мой любимый город.*

Г.Д. Лугинин

Друзья уезжают в Питер
или поближе к Москве,
а я зацепилась нитью
на вязаном рукаве
за них, за родного брата.
Так за витком виток
(Глеба призвал Саратов,
Ваньку – Дальний Восток)
тянутся, не завяжешь –
не хватит крючков и спиц.
Папе и маме даже
понравился шум столиц
так, что с собой не взяли
лишних вещей и чувств.
Дом без своих хозяев
стал молчалив и пуст.

Что же осталось?
Ворот.
Нитку за хвост держу.
Больше не греет город,
приникнувший к Иртышу.

ЛУГИНИНА Диана Дмитриевна. Родилась в с. Александровском, Омской области. Окончила нефтехимический факультет ОмГТУ. Автор двух поэтических сборников, лауреат молодежной премии им. Ф.М. Достоевского, участник молодежного объединения «Литературная Лаборатория», член Союза писателей России.

* * *

Я не могу играть с тобой,
ведь я теперь совсем большая.
Настолько, что черкать обои
сама себе не разрешаю.
Не позволяю без причин
реветь (и по причинам тоже)
и не даю тащить к себе
домой всех беспризорных кошек.
Я заставляю есть супы,
мыть яблоки и чистить уши.

Одно не удалось – забыть,
как измерять глубины лужи.
Забыть кричалки и костры,
шалаш в лесу, карман в малине,
тебя и правила игры,
которых не было в помине.

* * *

В грохот маршрутки играл перебором,
крепко гитару к груди прижав.
Дорогой трясло. Возвращаясь в город,
ты пел Обороту и пел Чижа,
хмурился, мира не замечая,
медные струны вжимая в гриф.
Березы неслись за твоими плечами,
как хоровод. Я – одна из них.
Бледная, с рыжей листвой опалой.
Разница только, что мне никак
не посчастливится стать гитарой,
чтоб оказаться в твоих руках.

* * *

Каждой весной, когда расцветет сирень –
 новая кукла, мамин медовый торт,
 «больше пятерок, слушайся, не болей»,
 дома друзья, гости, бабушки. Каждый год,
 только веснушки проклюнутся на носу –
 «как подросла» и «стала совсем большой»,
 можно в честь праздника не заплетать косу,
 чтобы казаться старше.

Теперь весной
 множатся свечи на покупной пирог,
 новая люстра/платье/сковорода...
 Только сирень все так же за годом год
 сладко цветет под окнами, никогда
 не забывает.

* * *

Все крепче сплетая лапы,
 растут за кустом ирги
 две ели. Моя и брата.
 Их дедушка посадил.
 Теснятся, друг друга колят,
 боятся застыть в тени,
 но все же близки насколько,
 что корни уже одни.

Пускай мы сегодня оба
 разбросаны по стране,
 пусть елка одна – в сугробах,
 другая – блестит в Кремле,
 но что бы ни стало с садом
 без прежних хозяев, а тут,
 во мне, как и прежде, рядом
 упрямые ели растут.

* * *

Речи твои – пластинка
 с классикой и попсой.
 Сердце твоё – гостинка,
 ей не грозит простой.
 Вечно влюбленный,
 вечно сводящий с концами концы.
 Сердце твоё – скворечник,
 где не живут скворцы.

* * *

Живя от воскресенья до получки,
 подчас нуждаюсь в творческом декрете.
 Стихи ночами плачут, словно дети,
 но не хватает сил их взять на ручки.

* * *

Улиц без тротуаров
 в старом районе столько,
 что я могла бы даже
 вышагать всю тоску,
 если б не заиграла
 в плеере песня наша,
 как ледяным потоком,
 музыкой захлестнув
 улицы бездорожье.
 Переполняли город
 с каждым некрепким шагом
 сцены последних лет.
 Я утонула в прошлом.
 Сколько теперь не шла, но
 в горле – все больше ком,
 а сердца на месте – нет.
 С трепетом, безголосо
 строки ловлю губами,
 но на втором куплете
 можно сорваться в крик.
 Пауза.

Жжется воздух.
 Лезет под куртку ветер.
 Жалобно ноет память.
 Шаг и репит. Репит.

* * *

На мне так много твоей любви.
 Хватит, пожалуйста, хватит.
 Тяжесть такая, что от земли
 взгляда не оторваться мне.
 Знаю, что ты не хотел,
 но в ней невыносимо душно.
 Прыгает сердце, я в западне,
 в литровой банке лягушка.
 А раньше легкой была, нагой,
 свободной от тяжелой ноши.
 Любимый, пожалуйста,
 брось в огонь мою лягушачью кожу.

1

Мягко, как снег с пальто,
с меня отряхнул спесь.
Ты мне сказал, что
место мое здесь –
останься, стихи качай
(захочется – колыбель).
Ты мне пообещал
не запирасть дверь.
Видимо, сгоряча.
Разве ты будешь рад,
если я в поздний час
выйду под снегопад?

2

Вот без тебя наш дом –
пол, потолок, шесть стен,
мокрые плечи пальто,
поникшие на гвозде;
цокот собачьих лап,
шепот неспящих строк.
Сама себе создала
острог.

* * *

Мы сидели вдвоем: изранены,
будто только вернулись с войны.

Мы не плавали в океане.
Мы боялись соленой волны.
Не сумев убежать от бури,
окунулись в поток с головой.
Чувства хлынули. Мы тонули.
Но вода оказалась «живой».

* * *

В бумажных стаканчиках с кофе пенятся
облака.
Мы можем заставить небо смущенно
порозоветь,
когда говорим стихами. Читай для меня, пока
домой не проводим звезды, пока не найдем
рассвет.

На теле пустынных улиц растает ночной туман,
разбуженные трамваи потянутся на маршрут –
покажется эта ночь обрывком дурного сна,
где мы обращались в рифму то к Богу,
то к Иртышу,
бросая слова и камни с размаху в речной
поток.

Вот-вот зазвенит будильник.
Чуть-чуть – и вставать пора.
Светает.

Прошу, прочти мне последнюю пару строк.
И, может быть, я поверю, что сделана из ребра.

Лев Протасов

ДЕФЕКТ

Рассказ

1

Когда я появился на свет, тьма уже существовала.

В раннем детстве мне чудилось, будто она появилась вместе со мной. Позже я стал воспринимать себя как ее порождение – настолько мы срослись.

Тьма была необъятной глыбой из мягкого тумана. Она перемалывала меня, как глину, вкладывала в мою бедную голову не мои мысли, заставляла хотеть то, чего я не хотел. Я не видел глаз, не знал лица, но помню, что у нее были руки цвета пережженного кирпича. Эти руки тянулись ко мне, липли к трясущемуся телу и искали горло, чтобы... но всякий раз приходили взрослые и отпугивали ее.

Тьма. Все дело в том, что у меня от ее вида темнело в глазах.

Врач моим рассказам не поверил. Сказал, что у меня чересчур богатое воображение и в придачу панические атаки. Подозревал и еще что-то более страшное, но более страшное не подтвердилось. Взрослые тогда шибко радовались, бабушка особенно. А мне-то было невдомек, чего все радуются, если меня никто не хочет спасать.

Я говорил, что у меня странный дефект? Его обнауржили потом, в школе. Я путал метсами буквы – чаще на письме, но и в речи тоже проскальзывало. Особенно, если было старшно.

ПРОТАСОВ Лев Алексеевич – прозаик. Родился в Екатеринбурге в 1989 году, переехал в Омск в 2015-м. Лауреат областной литературной премии имени Ф.М. Достоевского в номинации «Проза» (2019). Финалист Международной литературной премии имени И.Ф. Анненского (2019), вошел в лонг-лист премии «Электронная буква» с романом «Красные Озера» (2019). Рассказы и романы печатались в журналах и на литературных сайтах.

А на первом диктанте мне было ой как старшно! Помню его до сих пор:

Онесь. Данва исечлиз стиржи. Оин весагд атрапляются в путь неврыми. Последними утилиают гарчи, жараванки, скавцьыр, утки, кичай.

Любопытно, разобрала ли учительница хоть слово? У нее лицо было доброе. И очень худое.

Отвела к логопеду, вызвала родителей – у меня тогда от страха иголки бегали по шее, будто сзади щекотал кто, и сама шея вся сжалась. Думал, что-то плохое натворил.

У логопеда узнали, что я в шесть лет ходил к тому самому «особенному» врачу, и направили к нему же. Что-то он мне поставил, я уж не помню. Мудреное что-то. Легастению, кажется. Со временем я научился это контролировать. Поначалу каждое слово перепроверял, вносил исправления, где нужно. Затем довел письмо до автоматизма. Если сильно нервничаю, то до сих пор буквы пляшут с места на место – не так сильно, как в детстве, и друзья по переписке обычно объясняют это банальными опечатками.

В школе, конечно, сразу не заладилось. Первоклассники знают слово «псих», а произдеваться над психом для детишек – святое дело.

Врач не связывал мой дефект с рассказами про удушье. А я и теперь не понимаю, была ли тьма его причиной или виноваты мимолетные случайности и такая себе наследственность.

Помню день, когда впервые получил увечье. Я учился во втором и как раз пропустил занятия – вроде как болел, хотя больше, конечно, притворялся, чем болел. По телеку шел «Спас» – родители частенько его смотрели, но меня Богом особо не донимали. Я только знал, что крещеный, и два раза был в церкви. Мне не понравилось – страшно и громко. Хотя большой

бородатый дед смотрел беззлобно и даже не ругался, когда я бегал – сказал только не кричать.

Шел «Спас» в большой комнате, и была поздняя осень, холодно – с отоплением беда, оттого я носом и шмыгал. Я играл в своей комнате, рисовал кривенького Чебурашку. Уши уж очень разные получались.

Когда пришла тьма, у меня вновь мурашки по шее поползли – я ее спиной почувствовал. Сразу сердце заколотило – в ушах, знаете? Лицо разгорается, сглотнуть не можешь, и сердечко в голову прыгает и там зевинт.

Глыба мягкого тумана вжала меня в стенку. А руки кирпичного цвета ухватили за лицо и начали его мять. Разве я мог бороться с непреодолимой силой, о которой больше никто не знал? Сила эта некогда была одним огромным миром, а жизнь барахталась лишь набором единичных клеток. Клетки слепились воедино, создали живое, и тьма должна была уйти в тень.

Это я теперь придумал, что тьма мстила жизни, ее отвергнувшей, выбирая самых слабых и беспомощных, в том числе меня.

Тогда я не думал. Просто кричал. Крик ридился сам собою и рвал мне глотку. Только потом пришло осознание, и я продолжил кричать – уже не рефлекторно, а чтобы призвать на помощь.

Тут же сбежались все взрослые в доме. Нашли меня орущим у стенки. На обоях красовался так старательно сделанный мной Чебурашка, но на эту шалость, конечно, никто не обращал внимания. Бабушка охала, папа пытался кое-как меня успокоить, мама плакала и звонила в больницу. Под правым глазом у меня красовались три глубокие царапины, и щеке было липко. И больно.

Под моими ногтями оказалась кровь и кожа. Врач советовал кучу лекарств. А беленькие полоски под глазом у меня до сих пор остались.

Мне сказали, что я сам себя оцарапал.

2

В пятом классе сменилась учительница по русскому и литературе. Пришли мы после зимних каникул в школу, а нам и говорят – Светлана Михайловна, мол, ушла, вот вам Тамара Ивановна. Я расстроился – доброе, очень доброе лицо было у Светланы Михайловны. Хорошая она была – правда, теперь я понимаю, что ученики на ней разве что верхом не ездили, да и в классе вечно стоял шум и хохот.

Мы перескакивали почему-то из третьего сразу в пятый, и если в третьем почти все предметы вела затюканная собственной добротой Светлана Михайловна, то в пятом учителя стали разные. Меня математичка очень хвалила.

Впрочем, русский и литературу у нас все равно еще две четверти вела Светлана Михайловна – от нехватки кадров, так родители перешептывались.

А Тамара Ивановна... Нет, ее лицо никак нельзя было назвать ни добрым, ни даже приятным. Колочий взгляд, холодный голос, губы-ниточки.

Первый диктант назывался «Зимний сон». Жуткая тишина царил в классе – дети ждали оценок. И дети знали, что кому-то сегодня точно попадет. Пожалуй, только Катька не волновалась – отличница все же, чего ей. Помню, как-то в шестом она зачем-то частицу «не» написала слитно со всеми глаголами – и в тетрадке у нее после штабеля красных разделительных черточек все равно гордо красовалась пятерка, только подписи «Молодец!» не было. Вот так – не молодец ты, Катька, а пятерка все равно твоя.

Но это будет через год.

Я сидел у окна на предпоследней парте – мне нужно было садиться поближе к заднему ряду, чтобы за спиной оставалось как можно меньше одноклассников. Сами понимаете, на перемене меньше наклеек с формы отдирать. Жизнь из-за накладывает ряд правил.

Шел снег. Тамара Ивановна скучно и строго зачитывала оценки, потом вдруг заулыбалась и выдала:

– Ну, и наш самый главный рекордсмен! Ваня! Рыбников! – я похолодел. – Скажи мне, как в диктанте из семидесяти слов можно наделать девяносто восемь ошибок? Да у меня не то, что глаза – у меня уши на лоб полезли от такого!

По классу прошла волна злого веселья. Кто-то прокричал шепотом (известное детское умение орать шепотом): «Окунь опять отжигает!» Тамара Ивановна эту волну ощутила и поддавалась ей:

– Задний ряд, тише! Да, как изволил выразиться Дима, Рыбников у нас еще как отжигает! – я вжался в парту. – Дети, вы знали, что есть слово «ураксили»? Его раньше не было, но Ваня сумел его выдумать! Какой неоценимый вклад в родной язык!

Дети засмеялись.

– Иван! – продолжала учительница. – В диктанте было «украшили». Ураксили – это как? Украшали и кричали «ура»? И кто тебе сказал, что букву «т» можно менять на «г»? Русский язык – пластичен, но не настолько же! Это... я не знаю, что тебе ставить! Это единица. Хотя тут, конечно, подходит только оценка минус десять.

Смеялись дети, улыбалась довольная Тамара Ивановна. Знаете, некоторые учителя из-за

долгой службы заражаются от своих подопечных известным синдромом. Синдром называется – пни слабого.

После урока мне, конечно, досталось. У меня ведь не было друзей. С девчонками общаться считалось зазорным, а пацаны в классе интересовались двумя вещами – спортом типа футбола или играми. Но я был слаб, и после легендарного Диминого «Окунь в футбол не может» меня не звали даже постоять на воротах (хотя куда уж место позорнее в том возрасте). А для игр нужен был комп, которого у нас отродясь не имелось – мы вообще-то бедно жили, всей семьей в бабушкиной полуторке. Бабушка слева в большой проходной зале, родители справа в той же зале, а я в крохотной задней комнате. Какой тут компьютер.

К «окуню» я привык. Слышал и «лошок». Но в день первого зимнего диктанта благодаря отличнице Катьке я узнал, что есть на свете слово «дегенерат». Все-таки умная девка, таких слов в классе больше никто не знал.

Вечером тихо-тихо снег шел. Кто-то плакал и пел – за окном.

Тьма пришла, когда я почти спал. Нависла надо мной бледным страхом и перекрыла дыханияне. Я быркался, но ослаб и потчи сонзание потерял. Потом мне сказали, что я чуть не умер. Сказали, мама вовремя нашла меня с подушкой на голове и спасла. Она вообще всегда заглядывала ко мне перед сном.

Ей утром надо было на работу. Всю ночь со мной дежурила бабушка – следила, чтобы я, чего доброго, не попытался опять себя задушить. Я говорил, что это и не я вовсе, но мне не верили.

Потом это повторялось часто. Тьма была как наваждение. Как родовое проклятье. Когда двери моей комнатки запирались, и в помещении ничего, кроме ночи, не оставалось, тьма желала мне смерти глухим, утробным голосом.

После «приступов», как однажды назвала их бабушка, стали появляться царапины на руках и всем теле. Однажды тьма пришла в середине дня – я так кричал, что соседи вызвали участкового. Знатно он посмеялся над моими рассказами, а как увидел список назначенных мне лекарств – смутился и исчез.

3

Я на каникулах после шестого класса. По математике – пять. По русскому директриса второй раз заставила Тамару Ивановну нарисовать трояк, чтобы статистику не портить. Это вообще стало ритуалом – Тамара Ивановна в конце года артачится, директриса ее уламыва-

ет, и у меня чудесным образом возникает трояк по русскому. И по литературе тоже. Вообще по всем гуманитарным у меня трояки.

Все лето мы должны были отдыхать на даче – ее строил покойный дед, чем бабушка очень гордилась. А дача – не школа, здесь друзья у меня были. Конечно, в самом начале деревенские мальчишки встретили меня враждебно да все время шпыняли. На четвертый день я не выдержал и назвал их предводителя дегенератом (спасибо Кате, у меня вообще память хорошая). Это был здоровый детина выше меня на две головы – по забавному совпадению тоже Ваня. Он ткнул меня в зубы и позвал на «стрелку», как мы это тогда называли.

Мне казалось, меня убьют. Только я все равно пошел. Ваня под общее улюлюканье сильно меня избил, но затем почему-то поднял с земли и радостно объявил о том, что я принят в «банду». Как позже выяснилось – за то, что «не зассал». С тех пор звал он меня не иначе, как тезка: «здоровая, тезка, айда с нами на пруд», «эй, тезка, приходи вечером за баней наблюдать», «тезка, нам стрелу забили, давай с нами». Боже, как я жалел, что Ваньки не было в нашей школе – не дал бы он меня в обиду. И окунем не называл – уж это дорогого стоит.

Кстати, наблюдения за баней ничего, кроме духа авантюризма, не приносили. Это было тайное еженедельное бдение шести пацанов за участком тети Любы – ну, потому что тетя Люба была красивая и потому что только перед ее участком было небольшое возвышение, где удавалось незаметно спрятаться за прохудившимся забором и следить, не выйдет ли кто наружу. Пару раз выходил ее муж, представляя себя Адамом – разочарование, да и только.

Еще ходили на пруд, в лягушек дули через трубочку – садизм, конечно, но не станешь же отрывать от коллектива, в который тебя приняли. Приходилось издеваться и над лягушками. Говорят, сейчас их там не водится – надеюсь, не из-за нас.

В середине июля повезло и с баней – выскочила-таки тетя Люба в полотенце. Ничего, конечно, особенного, но ощущение достигнутой цели нас не покидало. Правда, спалила она наш любопытный отряд, и дозор прекратился. Так еще, зараза такая, пошла родителям жаловаться. Бабушка и мама смущались. Папа, когда тетя Люба ушла, долго смеялся.

Беззаботным было то лето, счастливым... Увы, на следующий день опять произошло. Тьма настигла, когда я учился плавать. Глыба мягкого тумана обхватила сзади, навалилась сверху бетонной плитой и начала топить. Я воды тогда наглотался, но выплыл.

Вечером рассказал обо всем дома, и счастливое лето кончилось – мы спешно вернулись в город, весь август стал чередой походов по больницам. Сказали – аутоагрессия. Проверили на эпилепсию – не подтвердилось.

4

Седьмой класс. Весна. Погода стоит теплая, солнышко шарашит.

Учимся в первую смену, да и последний урок отменили – биологичка болеет. Вероятно, по вполне биологическим причинам в виде, например, разгулявшегося вируса гриппа. В классе пять человек отсутствуют уже неделю.

Впереди длинный вольный день. Домашку в седьмом классе все равно почти никто не делает, домой не хочу – сидишь в этой задней комнатке, как в вольере, и бабушкино лицо то и дело в дверном проеме: хочешь то, будешь это? Бабушку я люблю, но иногда она надоедает.

Помню, сижу на школьном крыльце, читаю книгу. Мозг обиженного ребенка (подростка уже, получается) любит являть ему фантазии о вселенской мести. Так что букв не вижу особо, а больше представляю, будто год отзанимался каратэ, парту ломаю пополам ударом ладони, но сейчас вместо парты у меня башка Димки Иванченко. Легко в юном возрасте мечтать о мучительной смерти врагов. Смерть не кажется чем-то настоящим. Да и книга у меня под стать – автор умело подпитывает эти мысли об отмщении. Называется...

– Слышь, заморыш, дай пройти, – Дима пинает меня под зад, но, поскольку я сижу, прилетает в копчик. От боли вздрагиваю, невольно корчусь. Дима – хорошист, не гопота с района. Гопота у нас не учится.

Он садится на три ступени ниже. К нему подсаживается Степа – не шибко-то они и друзья, но кино вместе обсуждают.

– Я тут книгу читаю...

– Степаша, ты дурак? Ты че погнал, какую книгу? – Димка ржет, брызгая слюной.

– Да Кинга. Блин, по нему еще «Мизери» снимали.

– Это там, где чиканутая мужику ноги лома-ла? Ну, это вещь! Так и че там с книгой?

– Кэрри. Короче, телку гнобят одноклассники, а она такая, типа телепатка. Предметы там двигает и поджигает все! Отпад, киноху надо найти!

– Ну, найдешь – глянем, – Дима косится на меня и снова ржет.

– Ты че? – спрашивает Степа.

– Так, может, заморыш-то у нас тоже того... типа, телепат.

– Да не, там же телка была.

– А заморыш типа пацан? Слышь, девочка, – он подходит ко мне и кидает десятикопеечную монету – новый прикол у пацанов, имитация оплаты для проститутки.

– Ты была хорошей девочкой, на, заслужила, – лыбится Димка сально, мерзко. Видно, что не остановится, пока до ручки не доведет – настрой у него такой нынче.

Поднимаюсь на ноги. Я выше на ступеньку, так что смотрю на него сверху вниз.

– Че встала? – говорит он мне и вдруг одним махом обхватывает меня за голову, подсекает ноги, и вот я уже кубарем качусь по ступенькам. Катиться немного – ступеней десять – но шишек я тогда насобираю будь здоров. Следом летит моя книга.

Дима небрежно прощается со Степой, вытирает о мое колено подошву и уходит.

Я медленно встаю. Девочки стайкой собрались наверху, у дверей, и глядят с пренебрежением. Отряхиваю штаны.

Подходит Степа и протягивает мне мою книгу. «Ярость» Кинга. В его глазах я вижу одобрение моего выбора. И у меня наконец-то появляется если не друг, то хоть приятель.

5

К восьмому классу со Степаном мы окончательно сдружились. Я даже бывал у него в гостях. К себе только не звал никогда – взрослые не одобряли. Чем мне запомнился Степа? У него были тупые шутки (того уровня, что если где-то употребили глагол «встать», то эрекцию надо вспомнить непременно). А еще он разговаривал, как шпана с окраины, несмотря на всю свою любовь к книгам и кино. Будем честными – мы все в том возрасте вспоминали эрекцию при слове «встать» и говорили, как шпана. Считалось, что так круче.

Обычно, когда мы собирались, Степа проходил какую-нибудь игрушку на компе, а я сидел рядом и смотрел. Так у меня появились темы для общения с одноклассниками – по крайней мере, теми, кто увлекался играми. Книжки тоже обсуждали, но гораздо реже. Обсуждали и девочек, конечно. Особенно учитывая, что некоторые из них демонстрировали чудеса акселерации. Да вот хоть Катька, отличница – уходила на лето ребенком, в восьмой класс пришла оформившейся женщиной (ну, так нам тогда казалось).

Появилась в классе новенькая, Лена – рыжая девочка с длинной косой. У нее на ранце была нашивка в виде лисицы. Лисой ее и прозвали. Потом упражнявшийся в словообразовании Дима Иванченко слепил имя и кличку в

единое Лисолена, из которого с его же легкой подачи получилось Сисялена. Это было глупо, но неудивительно для девочки с самой большой грудью в классе.

Не учел Дима, что новенькая очень хорошо вписалась в девичью половину нашего юного коллектива. Потому однажды вечерком (а восьмой класс мы проучились на второй смене, заканчивали затемно, зато приходили к часу дня) три девчонки зажали бедного Димку в женском туалете и отпинали его каблуками – ну, а что противопоставишь против трех озлобленных подростков? Так Дима лишился статуса заводилы и потихоньку перешел в когорту школьного среднего класса, где тусуются обычные незаметные парни – не лошки, но и далеко не «лидеры мнений».

Я был рад. Мне чудилось, что случилась она – вселенская месть. А Лену даже в кино позвал. Самое удивительное, что она согласилась. Деньги пришлось тырить из папиного кошелька, но оно того стоило – и пусть на «Спасе» хоть круглыми сутками вещают о том, как плохо воровать! Я даже, как взрослый, купил ей розу, которая была предусмотрительно забыта в кинотеатре, дабы не спалиться перед мамой – ну, знаете, мамы девочек очень опасаются за их честь.

Честь, разумеется, не пострадала. И даже так называемый первый поцелуй не случился. Но – между нами – ущипнуть я ее смог. Правда, вместо принятой в кино красивой пощечины получил локтем в бочину. После удара, решив, что с меня хватит, Лена продолжила со мной гулять как ни в чем не бывало. И удар-то был слабенький, формальный, что ли, – потому, опять-таки, оно того стоило.

Жизнь налаживалась. Я ходил с девочкой в кино, я мог с ней периодически гулять, у меня появился какой-никакой друг – да, жизнь точно налаживалась. Вот только тьма донимала, как прежде. Я старался скрывать ее приходы – я не хотел больше к врачу.

А она являлась по вечерам, кроила меня на свой лад, и я переставал улыбаться. Тьма словно отбирала мою жизнь и тем продлевала свою. Она походила на тень, отчаянно цепляющуюся за существование во плоти, существование здесь и сейчас. Давила меня, душила да все приговаривала утробным своим, тихим голосом:

– Я хочу, чтобы тебя не было. Чтобы ты никогда не рождался.

О, многие годы я засыпал под эту колыбельно-погребальную песню, пока не спросил однажды – хрипло, едва слышно, боясь потревожить взрослых в соседней комнате:

– По...чему? Почему? Почему?!

– Ты отнял жизнь, – был мне ответ.

Я отнял жизнь. Чью?

В ноябре Степа сделал мне просто шикарный подарок – стопку журналов для взрослых. В несмышленную его башку каким-то чудом закралась догадка, что вообще-то у всех пацанов есть компы и выход в Интернет, который таит в себе неограниченный спектр возможностей по поиску барышень и не только, а у его теперешнего друга с этим голяк. Лена, конечно, очень хорошая, но у Лены все самое интересное под одеждой, и в этом ее минус – так я тогда рассуждал.

Журналы старательно прятались мной в днище дивана, а сверху всегда были мои детские альбомы – на случай, если кто заглянет. Я засматривал глянцевые страницы до дыр на протяжении всей зимы, даже Лене один раз показал – та высказала свое фи касательно избраженных там процессов.

А по весне, десятого апреля, журналы пропали (я запомнил этот день хорошо, потому что на следующий оказался в больнице). Детские альбомы были на месте. Но под ними вместо гладенькой бумаги рука нащупала лишь деревянные доски старого дивана.

Папа мне в тот день странно подмигнул. Мама провела воспитательную беседу, бабушка сообщила, что у меня еще «не выросло».

Ближе к ночи тьма пришла снова. Ее руки цвета пережженного кирпича принесли нож и всадили его мне в ладонь. Не насквозь – откуда у слабой полутени силы проткнуть человеческую руку насквозь. Но порез вышел глубокий – кровь лилась, не переставая, а сам я истошно выл.

Так, воя, с окровавленным ножом в руке я выскочил в большую комнату. Помню, бабушка закричала и схватилась за сердце. Папа с перекошенным от испуга лицом бросился отнимать у меня нож, хотя я не сопротивлялся.

В травме меня довольно быстро зашили.

До боли знакомый врач удовлетворенно диагностировал у меня расстройство личности и на две недели определил в клинику неврозов. Это была скука смертная. Пьешь таблетки, с них же дуреешь да все время лежишь – в окошечко смотришь.

В первую ночь моего там пребывания выпал снег. Да, случается, что и в апреле наступают зима. Мне почему-то представилось, как снег падает на мое лицо и закрывает глаза. В больнице кто-то плакал, кто-то спал. А я лежал и верил, что забуду свою боль. Или покину свой дом, замерзну и засну где-нибудь в пути, и меня отыщут рано утром и похоронят, чтоб глаза никому не мозолил. Я засыпал. Были тяжелые сны. А Лена меня заочно бросила.

6

Я в десятом. Нам составили расписание на первую смену, и наши шесть уроков закачивались ближе к двум часам.

Двадцатого апреля мы сидели со Степой за компом – он проходил «Биндинг оф Айзек», где персонаж рыдал в недрах подземелья и убивал монстров своими слезами, я вдумчиво наблюдал за пляшущей картинкой на экране.

Позвонил телефон.

Степа выругался, поставил игру на паузу и взял трубку (у него еще был стационарный). Через минуту он сказал:

– Тебя, – и протянул мне телефон.

Я знал, что звонят из дома. И отчего-то похолодел.

– Да?

– Ванюша. Ванюш, – на том конце провода явно не знали, как продолжить.

– Ну?

– Вань, ты приходи домой, ладно? Бабушка умерла.

И папа повесил трубку.

Я любил бабушку. И я ненавижу апрели.

Труп похож на что-то из воска. Бабушка лежала в церкви в середине помещения. Над бабушкой пел уныло священник. Над бабушкой трясли кадилом. А лоб у нее был сальный и блестящий.

Я плакал. И страшно этого стыдился – мне чудилось, что так я совсем не взрослый. Взрослые принимают горе мужественно (так я тогда думал).

Потом бабушку все обходили и целовали в лоб. Мама сказала целовать через платочек, иначе негигиенично. Я не хотел через платочек. Поцеловал голый воск.

Мертвые на себя не похожи. Мне показалось, что в бабушке не осталось ничего знакомого. И я поверил, что душа существует.

Ночью выл.

7

В одиннадцатом классе выяснилось, что вступительные экзамены во всех университетах заменены на тесты. А это означало, что я могу сдать русский. А это означало, что я могу поступать, куда угодно, ведь с остальными предметами проблем у меня не было.

И родители принялись старательно проедать мой мозг вопросами профориентации.

Помню, мама позвала на кухню и заявила:

– Иди в наш политехникум. На матмех или физику. Сейчас дефицит инженерных кадров.

– Но я не хочу.

– Сам понимаешь, с твоим русским в гуманитарии тебе путь закрыт.

– Мама, я почти не допускаю ошибок. И есть еще время, чтобы научиться не допускать их совсем.

– Ну и куда ж ты собрался, умник?

– Я... – я не знал, что сказать, и ляпнул первое попавшееся: – На философский.

– Совсем дурак? Если тебе мозгов не хватает понять, я объясню. Мы плохо живем, потому что твой папа решил, что у него есть призвание. И теперь он журналист в занюханной газетенке. А я хотела бы хорошо жить. И хотела бы, чтобы ты хорошо жил.

– По телеку говорят, хорошо жить грешно, – попытался я сострить.

На меня глянули со странным презрением и ответили:

– Я, знаешь, грешный человек. Как и все мы.

В тот момент я ее почему-то ненавидел. А ближе к выпускному решил сбежать. Даже со Степой договорился, что сразу после окончания школы перекантуюсь у него с недельку. Ну, Степа-то за любой движ был. Заранее наплеал что-то там своим родителям – уж не знаю, что именно. У него вообще родители были спокойные, как два танка.

Прошел единый экзамен. Отгремел выпускной.

На выпускном я целовался с Соней – была у нас такая девочка, невзрачная, но милостивая. Поговаривают, кто-то и не только целовался в праздничном угаре – мне, увы, не свезло, Соня оказалась скромной.

От пьянки было весело и была решимость. Я вернулся домой среди ночи (даже не помню, как дошел), собрал все необходимое – точнее, то, что мне казалось необходимым с учетом моего состояния. А потом отключился на полу.

Утром выяснилось, что похмелье – это когда тело дрожит и голову будто свинцом заполнили. Я почему-то был весь в синяках, с напрочь разбитым лицом. Папа принес минералку, перекись и пластырь. От перекиси лицо жгло.

Позже я перебрал свою бунтарскую авоську – две толстовки, зубная щетка, пустая бутылка шампанского, один носок. И вправду, полный набор для побега.

Позвонил Степе и сказал, что все отменяется. Степа вообще не понял, о чем я – ему, видать, было еще хуже, он больше выпил.

В общем, провалилась моя оборона. Пластмассовый мир победил, все дела.

Хотя поступил я все же по собственному желанию. Дефект, преследовавший меня с детства, в конечном итоге определил мой выбор – детская психология. Говорят же – в психологи

идут те, кто хочет разобраться в собственных заморочках.

Меня приняли в университет в другом городе. Жил я в студенческом общежитии, то есть в каком-то смысле побег все же удался. Я был зол на родителей – зол за то, что они не верили ни мне, ни в меня. Тьма пропала на несколько лет.

8

Я выучился, остался в аспирантуре. Я вроде как перспективный научный работник разрабатываю коррекционные курсы для детей с дисграфией. Мне теперь совсем не требуется корректор – пишу грамотно, и всякая буква знает свое место. Недавно написал большую статью «Дефекты воспитания и их влияние на неполную социализацию» – опубликовали в журнале ВАК.

Я много лет не виделся с родителями – пока не узнал об их разводе.

Папа опять женился – выяснилось, что есть женщины, которых устраивают журналисты из занюханых газетенок. Я, кстати, познакомился с его новой женой, когда приехал в родной город, – она приятная.

А потом предстояла встреча с мамой. В детстве не замечаешь многого. Например, оказалось, что мы жили в плохом районе. В детстве этот набор серых пятиэтажек казался вполне себе симпатичным.

Я шел к родному дому с чувством тревоги. Ибо где память – там слеза.

Мама стала седая и серая, что те пятиэтажки. На лицо осунулась, руки у нее загрибели пуше прежнего, хотя и раньше были не очень – от домашней работы.

Обняла скупно, будто и не рада.

Мы сидели в моей старой комнате – там теперь столик, можно попить чай. Обои прежние – до сих пор на них красуется мой кривенький Чебурашка, одно ухо больше да кривее другого.

– Знаешь, мою научную статью в журнале опубликовали, – говорю я. – С конференций не вылезая.

– Ну, – строго отозвалась мама. – А с деньгами-то чего? Без них ведь не жизнь.

– Я на своем месте. Это главное.

– Ой, сын. Лучше бы меня тогда послушал. Зайди на любой сайт с вакансиями – посмотри, какие там зарплаты у инженерных кадров.

Она немного помолчала и продолжила с какой-то виноватой интонацией:

– Ты был злым ребенком. Трудным. Этот еще твой дефект. Орал все детство, будто тебя режет кто. Но я действительно хотела, чтобы у тебя все получилось. Не так, как у нас с отцом. А ты что? Приезжаешь и выдаешь – я, мол, почти пошел по его стопам!

– Я был трудным?

– А легких деток разве таскают к психиатрам?

Чебурашка со стены глядит на меня, не отрываясь.

– Ты был непослушным.

– Правда? И ты всерьез считаешь, что этот рисунок на стене... что... – я заговорил неровно от волнения. – Испорченные обои стоят шрамов у меня под глазом?!

– Ты меня тоже тогда оцарапал. Весь локоть разодрал.

Она замолчала.

Тьма.

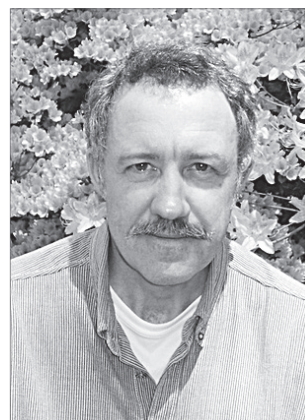
Ть. Ма.

Мать была необъятной глыбой из мягкого тумана. Она перемальвала меня, как глину, вкладывала в мою бедную голову не мои мысли, заставляла хотеть то, чего я не хотел. Я не видел глаз, не знал лица, но помню, что у нее были руки цвета пережженного кирпича. Эти руки тянулись ко мне, липли к трясущемуся телу и искали горло, чтобы... чтобы что, мама?

Октябрь 2019 г.

Геннадий Головин

Ветра легкое брожение

Мысли

Дрожью пронизано тело пруда,
Ветер промчался, рябь поднимая.
Мысли, куда вы летите – туда:
В юность, которая не увядает?

Мысли мои свежи и легки,
Будто цветы вешнего сада.
В небо взлетают, как птицы с руки.
Свету, простору небесному рады.

Преображаюсь от мыслей благих.
И на душе от мыслей спокойно.
Где-то за лесом ветер затих.
Полною грудью дышится вольно.

Ноябрь 2018

* * *

Дом в моей деревне утонул в снегу.
Снежная царевна на лесном лугу
Выткала перину, легкую, как пух, –
В солнца паутине серебрится луг.

ГОЛОВИН Геннадий Леонидович родился в г. Алчевске, Луганской области (Донбасс). Поэт и публицист. Окончил Луганский педагогический институт, исторический факультет. С 1985 г. жил в Москве. Работал в археологической экспедиции в Дагестане от Института археологии г. Москвы и в Центре археологических исследований г. Москвы. Автор нескольких книг стихов, изданных в бумажном и электронном виде в России, США, Германии, Украине, Белоруссии, Австралии, Канаде, Греции. С 1999 года живет в г. Хавертауне (Пенсильвания, США), работает в г. Филадельфии.

Дом моей деревни – мой исконный род.
Род мой очень древний, как и весь народ.
Из былин узорной русской старины,
Глади заозерной сказочной страны.

Дом моей деревни... Веет суховей.
Нет его. Остался в памяти моей.
И деревни тоже нет моей давно.
Видно, мне другого в жизни не дано.

26 октября 2015

Чудо!

Прохлада бисера росы,
И трав сплетение густое,
И звон отточенной косы,
И запах травного настоя.

В речном затоне первый плеск,
И ветра легкое брожение,
И золотого диска блеск,
И, чудо! – милой пробуждение.

10 июня 2009

Нежный поцелуй

Месяц над лугами,
Змейкою река.
Спят в небесной гамме
Звездные века.

Молоко парное –
Сонный Млечный путь.
Полотно льняное
Облегает грудь.

Зов открытых окон,
Жар любовных струй.
Золотистый локон.
Нежный поцелуй.

11 августа 2002

* * *

Круги на воде, словно камешек брошен,
И снова в томленьи озерная гладь.
Нам памятью сердца лишь только хорошее
Из жизни прошедшей дано вспоминать.

В сугробах пушистую, мягкую зиму,
Мороза узор на оконном стекле
И месяца серп в неподвижной полынье
И в поле две ленты – от розвальней след.

Весны пробуждение по рощам и долам
И вербные почки, как бисер росы,
И птичий галдеж, переключку и гомон
В лесах и полях по бескрайней Руси.

Желанного лета цветы полевые,
Над озером в дымке туманный рассвет,
Ковры в изумрудах – луга заливные,
Волшебной в полнеба дуги семицвет.

Обильную, пышную осень плодами,
В лукошках лесные дары через край,
Стога при покосе и копны рядами,
Пахучего хлеба ржаной каравай.

Круги на воде, словно камешек брошен,
И снова в томленьи озерная гладь.
Нам памятью сердца лишь только хорошее
Из жизни прошедшей дано вспоминать.

Март – 1 апреля 2009

Лики счастья

Кроткое, как тихое добро,
Притаилось счастье где-то рядом.
Не оно ли в росах серебро?
Не оно ли золото листопада?

Не оно ли инея узор?
Не оно ли изумруды лета?
Стоит задержать подольше взор,
Виден лик его в лучах рассвета.

Оглянуться стоит лишь вокруг,
Позабыв о мнимой жажде власти,
И отчетливо увидишь вдруг
Мир и ты в нем – истинное счастье.

5 декабря 2010

Осень в Мещерах

Листвы охапку разноцветной
Тебе, смеясь, преподнесу.
«Я твой подарок драгоценный
Домой, – сказала, – отнесу».

В хрустальной вазе, на столе
Пестреет мой подарок щедрый.
Не раз я вспомню дивный лес
Из сказки-осени в Мещерах.

22 сентября 2012

* * *

Никаких надежд не оставляя,
Мчится скорый поезд в темноту.
Отгремели гулко грозы мая –
Месяца, в котором встретил ту:

С русыми, как рожь (короткой челкой),
Локонами-пряжами до плеч.
Кроткую и скромную девчонку,
О которой память мне сберечь

Завещала трепетная ива
На рдяном закате у пруда.
Скорый поезд мчится торопливо...
На всю жизнь запомню, навсегда.

В лунном свете утопает вечер.
Лунным светом серебрится пруд.
Буду помнить сказочные встречи
С девушкой, которую зовут .....

18 июня 2012

Вишневый сад

В проемах окон снегопад.
Стоит в снегу вишневый сад.
Так, в детстве сказочно-далеком
Кружился снег в проемах окон.

И я, доверчиво-наивный,
Смотрел на мир волшебно-дивный
Сквозь снега первого круженье,
Мечтая до изнеможенья.

Давно не манит жизни бег,
Но не забыты: первый снег –
Зимы из детства снежный локон.
...Вишневый сад в проемах окон.

Февраль – март 2013

Божественный покой

Опрятная церквушка,
Как мудрая старушка,
Блестит в закате луковкой
На взгорке, у реки.

Предвестница кукушка
Кукует на опушке,
И замирают звуки,
Тревожно-глубоки.

И, словно красна девица,
Деревни у околицы,
Махнет платком зарница,
Прощаясь, над рекой.

И вот уж звезды теплятся
Вкруг молодого месяца,
И в мире воцаряется
Божественный покой.

27 ноября 2010

Часы с кукушкой

Сколько мне осталось куковать
В этой жизни: три, четыре, пять?
– Птичьих звуков насчитал я десять.
Хорошо в лесу гулять. Я весел.

Между сосен собирать грибы.
Не устал нисколько от ходьбы.
В зелени поляны: погляди-ка,
Россыпью краснеет земляника.

В гуще леса или на опушке
Слышу я считалочку кукушки.
Проникает сквозь густой орешник
Птичий счет размеренный, неспешный.

Просыпаюсь – солнце в небесах.
День готовит сети и ловушки.
Вот, хотя бы, десять на часах.
На часах затейливых с кукушкой.

7 августа 2012

* * *

В небе синем плывут облака.
Прикоснусь к их перине слегка.
И приятно обрадует слух,
Будто звон, их серебряный пух.
И летит этот звон в небеса,
Феерический, сочный, густой.
И сверкает на солнце роса,
И земля вся искрится росой.

Не спеша протекает река
Жизни – Лета, теряясь в веках.
Где-то там мой последний приют.
...Облака в синем небе плывут.

9 июня 2015

Земной покой

Я бы рад был земному покою,
Где-то ведь существует такой.
Плыть на лодке закатной рекою,
Глади водной касаясь рукой.

Я бы рад был пожить этой былью,
Но погряз в небылицах давно.
Лишь во снах лебединые крылья
Мне из юности машут в окно.

22 августа 2004

Олег Клишин

«Качает мир свирель ночную...»

К 80-летию Николая Трегубова

*Не пренебрегайте музыкой стиха...
Вся сущность поэзии в сочетании звуков.*

Валерий Брюсов

1

За всю жизнь я лишь однажды удостоился вызова на дуэль. Причем вызывающий вопреки дуэльному кодексу не стал привлекать посредников-секундантов, а самолично позвонил по телефону и сразу определил убойные средства будущего поединка. И не какую-нибудь архаику в виде шпага или пистолетов, а... «На танках будем драться!» – заявил он наступательным тоном, видимо, желая с помощью этой грозной техники уничтожить противника так, чтобы и мокрого места не осталось.

Подробности разговора не вспомнить. Наверняка что-то нелицеприятное пришлось выслушать в качестве обоснования столь суровых намерений. Наверное, я все-таки как-то попытался смягчить решимость собеседника, убедить его не выяснять отношения таким радикальным способом. Попытался юмором ответить на шутку. Тем более, что, несмотря на предъявленные обвинения, тогда не чувствовал себя таким уж виноватым. Ведь вся «вина» моя заключалась в том, что незадолго до это-

го написал что-то типа рецензии на один из номеров журнала, который редактировал мой собеседник. Да, признаю, довольно ерническая интонация этого отзыва вполне могла вызвать негодование редактора. Когда твоё детище, твоих питомцев так!.. Можно понять. Но это немного позже дошло. Дошло именно то, что не столько сама критика, сколько её несерьезность, насмешливость стали основной причиной вызова. Наверняка звонивший как опытный редактор хорошо понимал уязвимость некоторых текстов, размещенных в этом номере. Но вот когда кто-то со стороны так бесцеремонно указывает и показывает!.. Нет, этого стерпеть нельзя – надо ответить. Надо поставить самозваного наглеца-рецензента на место. И он блестяще это делает. В своем стиле – с игрой, фантазией, юмором,

---

КЛИШИН Олег Николаевич родился в 1960 году в Омске. Поэт, критик. Член Союза писателей России. В 1982 году окончил Сибирский автомобильно-дорожный институт. Автор четырех книг стихов: «Выход» (2000), «Круговая порука» (2007), «Вычитаемый век» (2015), «Набросок» (2020). Стихи и критические материалы печатались в журналах и периодической печати Омска и страны. Лауреат Международной премии имени Иннокентия Анненского (2014), региональных премий; Губернатора Омской области имени Леонида Мартынова (2008), В.А. Макарова, премии журнала «Звезда» (2011). Живет в Омске.

не исключаящими в то же время возможности почувствовать всю серьезность момента. В подобном случае разговор с другим свелся бы к банальной словесной перепалке, итогом которой стала бы обычная ссора.

Здесь же экстравагантная «дуэль на танках» с ходу ломает все плоские стереотипы выяснения отношений. Конфликт сразу выходит на уровень, недостижимый для заурядных литературных разборок. Боле того, «конфликта» как такового и не получается, поскольку «виновный» не то чтобы признал свою вину, но оказался мгновенно обезоружен таким подходом. Вовлеченный в некое действие, он уже не думает о защите или, тем паче, о нападении, а просто пытается осознать происходящее, с удивлением отмечая, что «высокая страсть», по слову поэта предполагающая «для звуков жизни не щадить», оказывается, имеет место и в наши дни. Ошеломляющее само по себе открытие. И этот звонок, и вызов – лучшее доказательство ее существования. Даже если это чувство трансформировалось в довольно неожиданный образ, напоминающий смелую гиперболу, нельзя сомневаться в его подлинности. По крайней мере, такая недвусмысленная отсылка к тем временам, когда вопросы чести решались на дуэли, уже о многом говорит. В первую очередь о том, что слово для моего собеседника – не пустой звук. И что он ни от кого не намерен терпеть неуважительного, а тем более пренебрежительного отношения не только к сказанному им самим, но и к сочинениям его подопечных, авторов вышеупомянутого журнала. Повторюсь, дело не в том, что в статье было указано на недостатки (у кого их нет?), а в том, как, каким тоном, в какой форме это было сделано. Не сразу понял. Не уловил этого нюанса в ходе короткой назидательной беседы. Лишь много позже... Поскольку пишутся эти строки, ясно, что данный случай не имел никаких тяжелых последствий. Более того, при последующих встречах не чувствовалось никакой неприязни.

Несмотря на случившееся, собеседник вполне допускал, что у другого человека может быть свое мнение. И что этот факт никоим образом не может быть основанием для долговременной ссоры. И уж тем более не может служить поводом для кровопролития.

Отметим эту черту характера, не совсем обычную в писательской среде, как правило, густо засеянной бациллами мелкого тщеславия. Именно тогда стало понятно, что мой собеседник, в отличие от многих «зараженных», очень хорошо понимает и воспринимает юмор. И даже если иногда камешек залетает в его огород, умеет отреагировать на это «вторжение» не банальной затаенной обидой, а весьма нестан-

дартным «вызовом». Ведь умение посмеяться над собой – это, пожалуй, одно из самых существенных качеств человека и поэта.

2

Да, именно с поэтом состоялся у меня тот давний телефонный разговор. Николай Михайлович Трегубов, старейший из ныне здравствующих и один из самых ярких и своеобразных представителей омской поэзии за всю ее историю. Не помню точно дату нашего знакомства – где-то в середине 90-х прошлого века. По крайней мере, первая из подаренных мне книг «Солнечные знаки» (Омск, 1997) датирована лаконичным автографом от 16 октября 1997 года.

Понимаю, может, не совсем правильно было разговор о поэте начинать с сугубо житейского эпизода. С другой стороны, этот эпизод, хоть и был неожиданным, но все же закономерным следствием разговора о стихах. А потому мы никуда не ушли от интересующей нас темы, а скорее всего, наоборот, приблизились к ней окольной тропинкой, другими словами – оказались на стыке жизни и поэзии. И каким бы на первый взгляд странным ни показался этот подход, он порой позволяет проследить взаимосвязь между поступками человека и творениями поэта. Сравнивая их, можно обнаружить немалое сходство между поведением человека, чертами его характера и образным строем его стихов, их звучанием и другими особенностями поэтической речи. Выявить родство человека со всем тем, чем определяется неповторимый голос поэта.

Впервые внятно расслышать этот голос позволила как раз таки вышеупомянутая книга. Очень скромная по объему, но весьма полная по содержанию и позволившая открыть дверь в своеобразный поэтический мир Николая Трегубова. За своеобразием далеко ходить не пришлось – всего лишь через несколько страниц читаем:

*Большие скорости не в сказках,
а наяву себе представьте:
мотоциклисты в красных касках,
словно тюльпаны на асфальте...*

Удивительно яркий и точный образ. Но впечатляет не только сама «картинка» и ее динамичность – поражает стремительность мысли, которая, как известно из тех же сказок, быстрее всего на свете. В том числе вопреки законам физики, быстрее самого света. Поэтому одновременно с образом, едва ли не опережая его, рождается мысль, а с ней и чувство. Хрупкая нежность живого цветка и угрожающая

твердость дорожного покрытия, и красный цвет – цвет опасности, и... ощущение возможной трагедии уже с нами, уже поселилось в нас. Переживание возникает еще до поезда, который появится в следующих строчках, как символ этой опасности, исходящей от грубой бездушной материи. Кажется, что сближение и даже столкновение неминуемо. Но беспечная юность не хочет задумываться. Не ее это дело. Она несется навстречу неизбежному.

И тут мы слышим оклик: «Куда вы, мальчики? Куда вы?» – оклик, к которому всей душой уже готовы присоединиться, чтобы предупредить, остановить безоглядно летящих по жизни мальчиков, опьяненных скоростью и не замечающих грозящей беды. Хотя что-то подсказывает, что эти оклики не будут услышаны. Слова окажутся брошенными на ветер. Но это совсем не означает, что эти слова не стоило выкрикивать. Да, в этот момент молодость их не слышит. Должен пролететь этот стремительный отрезок жизни, чтобы стал ясен их смысл. И чтобы затем в пору умудренной зрелости понять, каким все-таки прекрасным было то бесшабашное время. Ведь если опасность миновала, можно увидеть другой пейзаж, расслышать иную музыку:

*И горький ветер пахнет гарью,
и в дымке голубая даль.
Железную выводит арию
на стыках старенькая сталь.*

Помимо восхищения от вида одним махом раскинутой поэтической «скатерти-самобранки» с великолепными «яствами» почти для всех органов чувств, мы понимаем, что «горький ветер» наполнен здесь горечью утраченных иллюзий, а запах гари не только от угольного дыма, но и от сгоревших надежд, неосуществленных ожиданий, которыми всегда полны молодые годы.

И совсем не случайно появляется здесь «поезд» – «Они летят навстречу поезду, // себя стремясь опередить...». Железная машина, махина, кроме явной угрозы юрким и таким беззащитным в своих «цветочных» шлемах мотоциклистам, как это ни странно, символизирует их будущее – этап зрелой, взрослой жизни, которая движется по строго заданной колее – железным путем. Как правило, в общем или плацкартном вагоне под монотонный перестук колесных пар. Конечно, такая поездка намного безопаснее, чем отчаянные гонки на двухколесных «конях». Но в то же время пожилой пассажир поезда, глядя в вагонное окно, в какой-то миг позавидует мальчикам, мчащимся на своих «Явах» к далекому горизонту, еще не ве-

дающим, что их там ждет. Ведь сам он уже наверняка знает, что именно в этом «вагоне» он встретит свою старость, с грустью сознает, что именно этот поезд доставит его и до конечной станции. Да-да, недаром – «на стыках старенькая сталь». Попутно в этой последней строке стихотворения отметим прелестный переСТук, которым поэт, замечательно дополнив картинку, тем самым как бы оставляет свой фирменный фонетический автограф.

Кто хоть немного знаком с творчеством Николая Трегубова, знают, что в игре со звуком он достиг виртуозного мастерства. Но, как нам представляется, совсем не потому, что старательно отработывал этот прием, а скорее всего по причине того, что ярко выраженный звуко-ряд в его стихах – это производная природного дара, особенность голоса, ставшая неотъемлемой частью поэтической речи, в которой в свою очередь прослеживается корневая глубинная связь с фольклорными традициями народного творчества. «Медлила медь онеметь...», «Чак да чак! Чак да чак! Смачно чавкал солончак», «Отчаянно отчалил от причала...» – практически на любой странице можно обнаружить характерный звуковой рисунок, индивидуальный, как почерк. Нет смысла множить примеры, поскольку это все равно, что из единого поэтического сплава извлекать один из основных его компонентов. К тому же, эта тема нуждается в специальном разговоре с применением филологического инструментария. Нам же есть еще о чем помимо... К примеру, детство. Без этой первоначальной страницы в жизни человека невозможно уяснить что-то главное в судьбе поэта.

3

Николай Михайлович Трегубов родился 8 января 1940 года. То есть принадлежит к тому самому поколению детей войны, чьи первые шаги в буквальном смысле совпали с ее началом: «Война вплотную подступает – в огне, в таком огне страна, // А сын поднялся и шагает...». Это о себе и о матери, еще совсем молодой, которая с тревогой наблюдает за маленьким сыном, еще не зная, но материнским сердцем предчувствуя, какие испытания их ждут. Эти строчки из небольшого цикла «Военные акварели». Уже из другой подаренной книги – «Восьмой цвет радуги» (Омск, 2007). Цикл, состоящий из девяти стихотворений, датированных некоторыми памятными месяцами тех грозных лет. Последнее закономерно совпадает с Днем Победы – «9. 1945, май». Но сразу возникает вопрос – почему «акварели»? Ведь в этом цикле речь идет о страшном военном времени, у которого, казалось бы, нет ничего общего с нежными полупрозрачными красками, с ее светлым и порой

немного грустным настроением. Но, прочитав, все-таки понимаешь: акварель – это детство. И, несмотря на все ужасы, которые довелось пережить в столь младенческом возрасте, детство не оказалось окончательно накрытым «кровавым грозным полотнищем» огненных разрывов и «адом канонад». Детская «акварель», к счастью, не оказалась полностью перечеркнутой углем и сажой головешек от сгоревших в том огне городских домов и деревенских хат. Дети – голодные, напуганные, настороженные – все-таки остаются детьми:

*Таращат робко синие глазенки
на репродуктор черный на стене,
а за окном сердитая поэмка,
мороз рисует сказки на окне.
Последние апрельские морозы.
Сорок второго трудная весна.
Околок светит ребрами березок...*

Все-таки, несмотря ни на что, на стекле, написанном морозом, дети видят сказки! Кажется бы, время сделало все, чтобы из детей вытравить детство, но не вышло, не получилось. И самое удивительное, что мы об этом узнаем из стихов, написанных через много десятков лет. Как удалось сохранить и передать ощущения, которые были пережиты практически в бессознательном возрасте? Николай Трегубов честен со своим читателем. Он не говорит, по примеру Льва Толстого, что помнит себя, а значит, и то, что происходило вокруг с трехмесячного возраста. Но в то же время ощущения, испытанные в те годы 2–3-летним малышом, не могли забыться, не могли исчезнуть бесследно. Думается, что атмосфера того времени воспроизведена в «Военных акварелях» с такой невероятной осязаемостью не только по рассказам близких – матери, бабушки, старшего брата. И не памятью рассудка, и даже не памятью сердца, как подразделял другой поэт. Здесь что-то более глубинное, нутряное – здесь память живота, сведенного голодом, память кожи, синеватой и прозрачной от плохого кровообращения, память всего детского тела, продрогшего до самых косточек от жестоких холодов, не отпускающих до середины весны.

Не отсюда ли этот потрясающий образ – «светящиеся» ребра березок? Скрытая и в то же время прозрачная метонимия, за которой читатель мгновенно видит не только молодой березняк, но и проступающие под тонкой кожей ребра ребятишек, вынужденных вместе со взрослыми – в основном с матерями, бабушками – жить в те годы с непрекращающимся чувством голода, засыпать, подавляя постоянное желание есть.

Таким образом, избежав описательного натурализма, который не всегда уместен в стихах, автор добивается предельной выразительности и максимального воздействия, тем самым делая читателя едва ли не очевидцем тех событий. Но не посторонним наблюдателем, а человеком, собственной кожей ощущающим жестокою реальность тех лет, включая трагическую безысходность самых первых месяцев войны, когда:

*Идти неохота и жить неохота.
По полю в неволю плетется пехота...
Ни капли воды, ни корочки хлеба,
И дым за спиною расползся в полнеба...*

Спрашивается, можно ли одним мастерством этого достигнуть? Наверное, нет. Должно быть еще что-то – глубинное, первоначальное, лежащее в основе желания высказаться, запечатлеть пережитое.

«Правда – вот единственная муза этих страниц, единое оправдание, единая цель» (Анри-Фредерик Амьель, 1847 г.). Быть может, чувство правды, чувство правоты (если вспомнить других великих) – вот та необходимая составляющая, без которой с помощью самого изощренного мастерства можно произвести лишь более или менее удачно зарифмованные строки. И эта составляющая, несомненно, присутствует в «акварелях» (и не только в них, скажем заранее). Несмотря на младенческий возраст будущего поэта, несмотря на размытые контуры тех далеких лет, их суть с беспощадной правдивостью ощущается в этих стихах и проступает на страницах всей книги, как водяной знак подлинности.

Дело в том, что, прожив долгую жизнь, поэт прекрасно сознает, что, в отличие от многих ровесников, ему сказочно повезло – он остался в живых. Ему повезло – не умереть с голодухи, повезло – не погибнуть при бомбежке или от случайной, а то и совсем не случайной пули. Ведь их семья – мать с малолетними детьми – оказалась на оккупированной немцами территории, где и после войны для непоседливых мальчишек был велик риск...

Об этом с горечью и болью сказано в дистихе, посвященном «Другу Кольке», погибшему от «трофейной» мины, которую пацаны решили ликвидировать в костре. И мина эта, как орудие слепой судьбы, взяла одного Кольку вместо другого. Такие «знаки» запоминаются надолго и ощущаются как пожизненная вина: «И ныне Кольку слышу, // И жизнь к нему бежать – не добежать...». И последняя строфа, как эпитафия всем ровесникам-мальчишкам, пережившим войну, но навсегда оставшимся в своем послевоенном детстве:

*Потери эти не вносились в списки
Солдат, погибших на самой войне,
Не ставились ребятамobelisks.
Не потому ли больно мне вдвойне?*

Наверняка никакиеobelisks не смогли бы уменьшить боль. Но мы понимаем, что здесь говорит отчаяние человека, который не может, не умеет смириться с этими нелепыми потерями, с гибелью друзей-ровесников, так и не вступивших во взрослую жизнь. Война, словно сказочное чудовище, уже поверженное, побежденное, своими агонизирующими щупальцами все-таки дотягивалась до беспечных детей, подростков и утягивала их с собой в царство мертвых. Смириться с этим нельзя.

4

Охота!.. Неохота, но надо. Иногда, руководствуясь собственными ощущениями, хочется обойти молчанием какую-то тему – не заметить, закрыть глаза. Но потом понимаешь, что это было бы не совсем честно. Тем более, если эта тема занимает довольно существенное место в творчестве Николая Трегубова. И без нее никак не обойтись. Поэтому, даже рискуя нарваться на очередной вызов, хочется разобраться...

Да, конечно, традиция... Аксаков, Тургенев, Толстой и многие менее известные писатели отдали дань этой барской забаве. Довольно азартно баловались ружьишкой. Большинство современных охотников, хотя и не баре, но унаследовали эту пагубную для окружающей фауны страсть. По сути, психологический атавизм, доставшийся от пещерных предков, вынужденных охотой добывать себе еду. Сейчас, по крайней мере для городских жителей, нужды такой нет. Поэтому убивают не ради пропитания, а, как сказано, забавы для. Поэтому «...всякая охота гнусна и не имеет оправдания» (Жюль Ренар). Но не будем столь категоричны. Наша задача не заклеить чуждое увлечение, а все-таки попытаться понять, чем это убийственное хобби привлекает? Что оно значит для пишущего стихи? И, вообще, совместен ли образ человека с ружьем с ипостасью поэта?

Не думаю, что на последний вопрос существует однозначный ответ. Границы размыты, переходы неуловимы. Как в том таинственном рассказе Стивенсона про доктора Джекила и мистера Хайда. Два человека в одном теле. Парадоксальная, но в то же время весьма объяснимая в свете современной психиатрии история. Например, почти все охотники совершенно искренне считают себя любителями природы. И у нас нет причин в этом сомневаться. Другое дело, как проявляется это «любительство»? Или даже любовь? «Стреляю тщательно, с лю-

бовью...» – такое признание требует какой-то безоглядной решимости, показывающей, что человек полностью подчинен охватившей его страсти. И в данный момент не способен разумом контролировать свои действия. Люблю природу я, но странную любовь – перефразированная строка классика очень подходит в данном случае. Или народная мудрость: бьет значит любит. Применительно к охоте «бить» (бить дичь, зверя), значит – «убивать». При этом понятно, что мнение объектов этой «любви» – зверушек, птиц – никак не учитывается. А вот чем отличается «любовь» к природе обычного охотника от «любви» человека, который кроме ружья владеет пером, – умеет писать «стихи на прикладе»? Да, именно в этом и различие, что свои наблюдения, переживания в процессе охоты, во время пребывания в лесу, в тайге, на озере он может зафиксировать и передать удивительно ярко, зримо и звучно:

*Уголок, забытый богом,
Сосен сломанный прогал,
Где медведь изломы трогал –
Звуки резкие строгал*

*И стоял, смиренно слушал,
Лапу сжавши у щетки.
Ах, какой счастливый случай –
Струнный голос у щепы...*

Самое интересное, что после таких стихов всерьез задумываешься: а не важнее ли для «охотника» этот нетронутый уголок дикой природы, таежные звуки, здесь услышанные, не важнее ли они возможного охотничьего трофея? За ответом далеко ходить не надо. Тут же в заключительной строфе мы его получаем:

*Пальцы даже онемели,
Не взвели тогда курки:
Не посмели, тоже пели.
Бить казалось не с руки.*

Да, действительно, на этот раз косолапому повезло – убийство не состоялось. В эти минуты единения с природой рука с ружьем не поднялась. Мирлолюбивый Джекил взял верх над свирепым Хайдом. Поэт победил охотника. А стихотворение можно считать великолепной компенсацией за упущенную добычу. Поэтический «трофей» оказался предпочтительнее кровавой жертвы. А значит, потребность души в красоте, музыке на этот раз оказалась сильнее кровожадного инстинкта.

К сожалению, такое случается не всегда. Ружье-то не бутафорское, а самое настоящее. И заряды – дробь, картечь...

*Палец лег на спусковой крючок –
О боек ударился курок.
И картечь рванулась цели встречь.
Секачу пришлось в сугробе лечь...
От плеча приклад легко отринут,
Гильзы вынимаю –
Пальцы стынют.*

Резко, четко – заученные до автоматизма движения передаются огнестрельному механизму. Руки и ружье, как единое целое. И сами строки со смежной рифмовкой словно приобретают цельность стальных дул двустволки, начиненных убойной силой, несущей смерть. Уже после первого двустушия ясно – выстрел будет точен. Жертва обречена. Кто в этом эпизоде выиграл внутреннее противоборство? Ответ очевиден. Кажется, что хладнокровный человек с ружьем не оставил шанса для проявления поэтической натуры. Но это не так. Не совсем так. Даже в пылу охотничьего азарта где-то «в глубине, на самом дне сознания...» или в душе (кому как больше нравится) живет поэтическое мироощущение. И пока воинственный Марс занят своим кровавым делом, где-то рядышком, словно агент Эвтерпы, притаился призрачный лесной эльф, тонко чувствующий, сопереживающий, рефлексирующий. Благодаря ему и запоминается все происходящее в те минуты, начиная от звуков, красок, запахов и заканчивая внутренним состоянием, чтобы затем быть переданным в стихах. Пускай даже в таких жестких, вроде бы не обнаруживающих никакого сожаления, а только фиксирующих мстительное самоудовлетворение охотника-убийцы, настигшего свою жертву:

*От засады гром дуплета,
Пробираюсь меж лесин;
Между кочек вдоль болота –
Вижу – красный лисовин*

*На снегу лежит, оскалась,
Грозно выставил клыки,
Отпускаю, не раскаясь,
Индевелые курки.*

Однако справедливости ради надо сказать, что «раскаяние» очень часто возникает здесь же – на месте совершения...

*В душе растет азарт,
И сердце вот взорвется.
Ружья внезапный гвалт –
Секач в сугробе бьется.*

*И вновь в стволы картечь,
Так тихо стало. Тихо...*

Эта «тихая» строка заметно меняет «азартное» настроение. А последние строчки этого стихотворения только усиливают это впечатление: «Стираю влагу глаз – наверное, от ветра». Человеку с ружьем как-то неудобно проявлять такую чувствительность, тем более в присутствии своих друзей-охотников. Поэтому внезапную слезливость лучше всего объяснить порывом ветра. И вполне понятно, что настоящий мужчина стыдится слез. Тем более было бы из-за чего, а то из-за какой-то дикой свиньи!

Здесь хочется отметить, что мотив «раскаяния» так или иначе присутствует у многих пишущих «стихи на прикладе». Далеко ходить не надо. Друг молодости нашего героя, замечательный поэт Николай Разумов также отметил на охотничьем поприще. В стихотворении «На корсака» в заключительной строфе становимся свидетелями кульминации азартной охотничьей гонки:

*Ближе! Ближе!
Зверь сдает усталый.
Хлестанули ружья вразнойбой.
И так тихо, и так плохо стало...
Что же мы наделали с тобой!*

И тут своя «тихая» строка, кардинально меняющая эмоциональный настрой. Правда, здесь она еще и усилена последующим сожалеющим восклицанием.

Делает ли это скоропостижное «раскаяние» более совершенными стихи? Скорее всего, нет. К их качеству проявление чувствительности прямого отношения не имеет. Зато мы можем быть свидетелями более широкого спектра переживаний. А также некоего побочного эффекта, с помощью которого можем увидеть проявление некоего общего архетипа в сознании группы людей, объединенных двумя довольно специфическими увлечениями.

Расшифруем... Да, именно творчество охотников-поэтов дает, прямо скажем, уникальную возможность наблюдать, с какой быстротой и непосредственностью реализуется теологический принцип, заключенный в русском народном присловье «не согрешишь – не покаешься». В стихотворении «Черный соболь» Николая Трегубова этот процесс запечатлен особенно наглядно:

*Эхо выстрела затихло,
пес победно зарычал:
на снегу, как дымный выхлоп,
Соболь раненый лежал.*

Странно... Но, даже сознавая всю неопровержимость совершенного зла, невольно восхи-

щаешься неожиданным сравнением, с точностью моментальной фотографии передающим картину произошедшего. «Дымный выхлоп» на снегу помимо отчетливой – черным по белому графики – мгновенно ассоциируется с пороховым облачком после выстрела, которое растворилось в морозном воздухе, ненамного опередив душу умирающего зверя, не говоря уже о незримо возникших здесь «Охотниках на снегу» Питера Брейгеля, чья добыча исподволь напомнила убиенного ранее «лисовина».

Ну а далее следует уже привычный ритуал покаяния с соответствующими словами и атрибутами:

*Опустившись на колени,
Молвил: «Господи, прости!»
Солнце траурные тени
в ельник бросило с горсти.*

*Столько гнался за добычей,
А добыл и сам не рад.
Шею горестно набычил,
отвожу невольню взгляд...*

Тяжесть греха искупается сладостью покаяния? Может, в этой «сладости» все и заключается? И без нее не было бы никакого смысла взводить курки? Ответить на эти вопросы – все равно, что проникнуть в черепную коробку первобытного человека, который после охоты ритуальными плясками вокруг добычи воздавал дань уважения духу убитого зверя. Не будем брать на себя такой непосильной задачи. Просто приведем еще парочку примеров. Для полноты картины расширим охотничьи уголья ареалом водоплавающей дичи.

Уже приведенная выше звучащая строка «Отчаянно отчалил от причала...» является началом лебединой песни, которая, как и полагается, завершается трагически:

*Лебедушка на плесе умирала,
И голову, и крылья уронив.
Пыталась приподняться...
Вновь упала –
По зеркалу пошел последний круг.
Вот от чего отчаянно кричала:
Цветные гильзы плавают вокруг.*

Правда, в этом стихотворении остается не совсем ясным, кто все-таки виновник гибели лебедушки? Хочется думать, что автор стал всего лишь невольным очевидцем трагедии. Лебедь на Руси – птица сакральная, символ любви, верности, чистоты. Не верится, что у поэта, хоть и охотника, поднялась бы рука на священный символ. К тому же, охота на лебе-

дей давно запрещена. Скорее всего, это дело рук какого-нибудь отмороженного браконьера, для которого что лебедь, что гусь, что разжиравшаяся кряква – все одно – мясо птицы.

Что касается второго примера... Еще один собрат по перу и по охоте Аркадий Кутилов с присущей ему откровенностью продолжает «покаянную» перестрелку:

*Напакостить мог и тихонько сижу,
И вдаль деликатно глаза отвожу.
Ружье отгремело, остыли столы...
Подранок нелепо рисует углы...*

Нельзя не заметить абсолютную идентичность в проявлении некой «стыдливости» у этих необычных охотников – «отвожу взгляд» и «глаза отвожу». Так ребенок, раскучивший игрушку, не хочет смотреть на дело рук своих, уже понимая, что поступил нехорошо. Но взрослые заранее все знают. Тем не менее – охота пушке неволи, и они продолжают брать на мушку очередную жертву, чтоб затем, отводя глаза, тяжким вздохом обозначить свое сожаление. Тот же Кутилов, зная эту особенность своей чувствительной поэтической природы, прежде чем совершить убийство пернатых «братьев», уже наперед предусмотрительно замаливает грех: «Молитву читаю восходу, востоку: Заря золотая, прости за жестокость!..» И далее: «Как порохом пахнут убитые братья! // А крылья раскинуты, как для объятия...» Кстати, давно замечено, что люди жестокие, как правило, очень сентиментальны. Убить, чтобы затем совершенно искренне оплакать, – для них в порядке вещей.

5

К счастью, в общении с природой не эти «убийственные» примеры являются определяющими. Привели их только потому, что из песни слова не выкинешь. Очевидно, что в лес, в тайгу ходят не для того... не только для того, так скажем, чтобы грибы-ягоды собирать. Во-первых, без ружья туда вообще небезопасно соваться. А во-вторых, как бы это странно ни звучало, охотничий трофей – это необходимый атрибут инициации – посвящения человека в некое сообщество людей, значительная часть жизни которых связана с тайгой. Статус поэта не дает здесь никакого преимущества и тем более автоматического пропуска. Ему, как и всем прочим, надо пройти этот «обряд», для того чтобы его признали своим. Причем, не только среди «таежных» людей, а самое главное – стать своим в том таинственном первозданном мире дикой природы, где человек до сей поры ощущает себя в меньшинстве, где:

*Повдоль реки еще домишки
стоят без окон, без дверей,
И показалось – я не лишний
среди деревьев и зверей.*

Но, пожалуй, самым показательным в этом плане является стихотворение «В ТАЙГЕ», по своей структуре напоминающее притчу или миф, где современный человек гипотетически (но от этого ничуть не менее достоверно) встречается со своим предком каменного века. Самое удивительное, что, несмотря на временной разрыв во много тысяч лет, два персонажа сразу находят общий язык. И более того – чувствуют едва ли не прямое родство:

*Друг с другом близко в чем-то схожи:
Прищур,
Движенья,
Тот же взгляд...
Да это ж пращур, боже, боже.
Пра-пра, пра-пра (сто тысяч раз)...*

Эта встреча – лучшее доказательство того, что современный охотник здесь совсем не случайный гость, не какой-нибудь заезжий турист, а прямой потомок коренных обитателей здешних мест. И этот глухой заповедный край является для него родным. Примечательно, что в последующем непринужденном разговоре представителей двух разных эпох их охотничьи орудия оказываются как бы ненужными. Да, они маркируют исторические периоды развития человеческой цивилизации, но на время беседы отставлены в сторону:

*Друг другу что-нибудь подарим,
расскажем каждый про житье,
на дружбу по рукам ударим,
забыв ружье,
забыв копье...*

Попутно отметим очень органичное сочетание эпического строя всего стихотворения со сценкой практически домашнего чаепития, подчеркивающей теплоту и задушевность общения людей, привыкших к суровым условиям глухого таежного края:

*Нам на земле не будет тесно,
возле костра чайку попьем.
Он будет петь
И слушать песни,
в костре помешивать копьем.*

И тут же, как изумительно двумя первыми строчками четверостишия, одним предложе-

нием, словно бесшовной сваркой (выпускник МВТУ имени Баумана может профессионально оценить это сравнение) соединяются Бытие и быт. Стык невозможно обнаружить с ходу, но зато сразу чувствуется, какой невероятный объем вмещает текст, на таком малом пространстве охватывая столь различные экзистенциальные категории. А это один из основных показателей качества поэтического текста. Его отличительная особенность.

Упоминание о пении и песнях в этом стихотворении позволяет нам вернуться к нашей магистральной теме, кое-где уже пунктирно обозначенной. К теме звука, созвучий, к теме музыки и пения, которая постоянно присутствует в стихах Николая Трегубова, наделяя их ярким своеобразием и неповторимостью. По большому счету именно к этой теме мы шли, продираясь сквозь таежные дебри:

*Влево, вправо или прямо –
Рям за рямом, рям за рямом...
Ветер по тайге гудит
И восторг стоит в груди:*

*Снег скрипит под сапогами,
стонет внятно сухостой,
и в лесной тревожной гамме
слышен дальний волчий вой.*

*Буераки, буреломы
Да завалы у реки.
Мы в тайге, как будто гномы,
так деревья высоки.*

Чувствуется, с каким удовольствием идущий повторяет слова второго стиха, напоминающие звучную речевку, в которой явственно слышится «за-ря – за-ря», словно отзвук вечно юной «пионерской зорьки». Этой ассоциации нисколько не мешает далеко не каждому городскому жителю известное – исконно сибирское – словечко «рям», означающее заболоченную местность с зарослями кустарника. И опять остается удивляться, как буквально походя, посредством звуковой игры в одной строке поэт соединяет значительно отдаленные временные пласты – седую древность первобытной жизни, продолжающуюся тысячелетиями, и такую яркую приметку дня вчерашнего, уже безвозвратно канувшего в прошлое.

И сколько энергии несут в себе эти бодрящие звуки, помогая преодолевать таежное бездорожье, справляться с усталостью. И дальше звуки не прекращаются, а сливаются в одну вечно звучащую таежную симфонию, где и скрип, и стон, и волчий вой чередуются и соединяются в единой «лесной тревожной гамме». Где слышны

«древнего ветра напевы» и «не смолкает говор перекаатов», и наступает «В собольих выплесках суббота...» и т.д. Примеров не счесть. И музыка эта, как мы уже убедились, не ограничивается пределами одного стихотворения. И она наполняет не только «охотничью страну», не только книгу, которую мы сейчас перелистываем. Звучанием этой музыки (имеющий уши не может не услышать) пронизан весь поэтический мир Николая Трегубова независимо от разнообразия тем, которые этот мир составляют.

В то же время, учитывая все сказанное, с достаточной степенью уверенности можно предположить, что для Николая Трегубова основные истоки звучащего слова находятся именно в первозданном таежном краю (раю), на родных сибирских просторах. Доказательств, казалось бы, уже достаточно. Но вот в стихотворении «Ольге Николаевне» (кстати, далеко не каждый отец может позволить себе такое уважительное обращение к дочери, за этим тоже многое можно прочесть), наполненном удивительно теплой интонацией, возникают неопровержимые приметы того, что любовь к родному человеку невольно соединяется с другими чувствами, пристрастиями, которыми живет душа. И без которых ее существование немислимо. Нет, мы не сравниваем, не оцениваем значимость. Есть вещи несопоставимые. Мы лишь обращаем внимание на то, что совсем не случайно они соседствуют в стихах, стоят в одном ряду...

*Мы с дочерью ночные птицы:
Ни дочь не спит, ни я не сплю.
Листаю книжные страницы,
как будто беляка троплю...*

В начальной строфе сразу обозначены приоритеты, безусловно, необходимые для обычного человеческого счастья. «Счастье бывает только на обычных путях» (А. Пушкин). Роль любящего отца, роль книгодея... Последняя, как мы видим, не обошлась без отсылки к другому любимому занятию, которое не отпускает даже тогда, когда человек находится в домашней обстановке, вдалеке от такой близкой сердцу лесной глухомани. А далее на воскрешенную память картину зимней природы поэт смело переносит свои чувства, чтобы хотя бы мысленно с ней воссоединиться:

*В снегах тоскуют перелески
и лыжный скрип для них не нов.
Луна. Тропа. Снежинок блески...
Чтоб описать, не хватит слов...*

Вообще, зимний пейзаж, где мороз и много снега, – излюбленный фон многих стихотворений

Николая Трегубова. Возможно, день рождения, пришедшийся на самый зимний месяц, в какой-то мере определил это предпочтение: «Я следы отчеканил неплохо // На горячем январском снегу...», «Я в своем государстве белом...», «Тори тропу по первоснежку, // Твори прекрасное!..». Примеров множество. Нет смысла перечислять. И, между прочим, с какой непринужденностью и уверенностью повелительная фраза подхватывает поэтическую эстафету, начатую поэтом девятнадцатого века: «Дружно гребите во имя прекрасного...», тем самым доказывая, что стремление к прекрасному не зависит ни от эпох, ни от времени года, ни от того, весла у тебя в руках или лыжные палки.

Немного отвлеклись. Вернемся к стихотворению, посвященному дочери. В заключительной строфе мы становимся свидетелями почти интимного момента – ожидание Музы, предчувствие ее прихода. Опять же во многих стихах, уже давно ставших классическими, этот момент зафиксирован. Начиная с самых известных: «И забываю мир – и в сладкой тишине... Душа стесняется лирическим волнением...» и «Когда я ночью жду ее прихода...». Но Николай Трегубов создает свою обстановку, находит свою особую интонацию, чтобы привлечь «гостью с дудочкой в руке»:

*Качает мир свирель ночную,
В квартиру пала тишина.
Сейчас стихи писать начну я –
Нужна лесная вышина...*

При этом поразительно, с какой бережной деликатностью фрагменты словесных узоров предыдущих столетий переносятся в интерьер современного жилища. И создают свой неповторимый рисунок, свою атмосферу, присущую только этому дому. И «мир», и «тишина», и «ночь»... И даже «дудочка», как неприменный атрибут капризной гостьи, здесь обозначена «свирелью». А ведь мы знаем, что свирель – это музыкальный инструмент древнегреческого лесного божества Пана. С помощью звуков свирели он приманивал к себе лесных красавиц нимф со всеми вытекающими последствиями. Кстати, в контексте нашего разговора, приуроченного к круглой дате, очень любопытно было узнать, что по одному из мифов в награду за помощь богам Пан был превращен в созвездие Козерога.

Какой, к лешему, Пан в сибирской тайге? – в свою очередь может возразить въедливый читатель. Вроде бы из-за одного слова он сюда из эллинских лесов за рога притянут. Отчасти с этим замечанием можно согласиться, но с существенными оговорками. Во-первых, для ми-

ровой культуры барьеров не существует. Тем более, если это касается мифологических и мистических сущностей, ее населяющих. Вспомним «иностранцев» – гномов, появившихся в родной тайге. А во-вторых, и что, на наш взгляд, более существенно, – именно лешего можно считать не только славянским родителем Пана, но и его коллегой, если учесть множество сходных обязанностей, выполняемых ими на вверенных территориях. Углубляться не будем, дабы не заблудиться в лесных и мифологических дебрях. Только одно напомним, что свирель, она же дудочка, согласно фольклорным преданиям не так уж редко оказывается и в лапах лешего, который на ней играет не хуже своего древнегреческого собрата.

Нас же больше интересует культурно-поэтическая традиция, поэтому в качестве авторитетного свидетельства с удовольствием приводим музыкальный пассаж с участием упомянутого инструмента в исполнении гениального Велимира: «Зеленый леший – бух лесной // Точил свирель, // Качались дикие осины, // Стенала благостная ель...».

В общем, вполне ожидаемо, что леший должен был появиться на страницах книги. И он появляется:

*По лощине пеший леший
До утра сбивал росу,
Шаловливо душу тешил,
В чаще спрятался, в лесу.*

С одной стороны, было бы опрометчиво приписывать человеку черты и свойства лесной сущности. Но, с другой стороны, поэт – это существо во многом не от мира сего. Поэтому не приписывая, не сравнивая, лишь с удивлением замечаем те уже отмеченные нами особенности, которыми хранитель леса в той или иной степени как будто поделился с поэтом и человеком. Ведь лешему «приписывается все разнообразие лесных звуков, он может кричать на разные голоса, безупречно подражая не только зверям и птицам, но и людям».

Да, именно «лесные звуки», которыми, как мы уже убедились, насыщена книга, являются одним из главных животворных источников поэзии Николая Трегубова. Недаром, вернувшись в городское жилье – «Листаю книжные страницы, // как будто беляка троплю...». И тут же воспроизведение дорогого сердцу пейзажа лунной ночи и сказочного зимнего леса. И как неперемное условие появления стихов – «Нужна лесная вышина...». Недаром – «Не в храм вхожу, а в лес...». И не случайно в свое время замечали, что «так деревья высоки...». «Когда деревья были большими», – тут же всплывает

где-то в подсознании как мимолетный привет из детства. И вновь нельзя не отметить, что переход в ипостась поэта невозможен без обращения к природе, без ее осеняющей «вышины», без ее незримо благословляющей десницы.

«Человеческий дух, вообще, питают истоки, чья мощь не идет ни в какое сравнение с разумом, и среди них стихии, которые повелевают людьми...» (Хосе Ортега-и-Гассет). Мысль философа подтверждает поэт, рисуя поистине величественную картину единства человеческого духа и мироздания:

«В бесконечной глубине человеческого духа, в глубине, недоступной для слишком человеческого, куда не достигает ни мораль, ни право, ни общество, ни государство, – катятся звуковые волны, родные волнам, объемлющим вселенную, происходят ритмические колебания, подобные колебаниям небесных светил, глетчеров, морей, вулканов», – так писал Александр Блок.

Из сказанного мы вправе сделать вывод, что поэзия как частный случай проявления природной стихии подчиняется тем же глобальным законам, которые регулируют все явления, происходящие во Вселенной.

6

Ух, высоко забрались! Спустимся пониже. Вернемся ближе к земному, лесному и вообще к житейскому и человеческому, без чего, кстати говоря, поэзия так же немислима, как живое без воды и воздуха.

Склонность лешего к шуткам, проказам, даже порой грубоватым... Уточняющее определение оставим пока за скобками, а насчет шуток нельзя не согласиться. «Шаловливо душу тешил...» – очень похоже. Опять же, если припомнить некоторые житейские эпизоды... Вновь телефонный звонок. Но теперь уже я позвонил. После гудков слышу незнакомый голос: – Секретарь поэта такого-то слушает...

Что за притча?! Прямо скажем, неожиданно. Непривычно. Вообще, когда слышишь чужой голос в сотовом... а тут человек пожилой, мало ли... Но, слава богу, все нормально, просто поэт занят – бредется (такие подробности!), у него сегодня мероприятие, но минут через пять освободится, – бодро доложил секретарь, пока я внутренне встраивался в ситуацию.

А что? Еще раз убедились, что в чувстве юмора поэту не откажешь. Прикольно – личный секретарь! У Горького, помнится, был такой человек ввиду громадного объема переписки, издательских дел и пр. А вот Пушкин, Блок и многие другие поэты как-то обходились. Даже Николай Гумилев не додумался до личного секретаря, хотя по свидетельствам современ-

ников очень любил председательствовать на собраниях возглавляемого им «Цеха поэтов», выглядеть начальником и учителем. Что, впрочем, не мешало ему после исполнения роли мэтра увлеченно играть в жмурки со своими учениками.

А вот тут наш земляк, можно сказать, пошел по стопам своего знаменитого тезки. Нет, не в смысле этой невинной детской игры, которая, если знать дальнейшие судьбы ее участников, может показаться зловеще символичной. А дело в том, что Николай Трегубов много лет руководит литературным объединением имени Якова Журавлева, куда входят в основном люди зрелого возраста. Под эгидой объединения периодически издаются сборники, журналы. В том числе журнал для детей «Журавленок». Как? На какие средства? Признаюсь, эти подробности мне неизвестны. Одно можно с уверенностью и без преувеличения сказать, что подобная деятельность, как это нередко случается в нашем Отечестве, носит характер подвижничества. Поскольку все полезное, что делается отдельными талантливыми и бескорыстными людьми, как правило, происходит независимо от структур, в чьи задачи входит помогать таким людям. Помогать! А не «руководить процессом», как это чаще всего понимают представители означенных структур. Что по сути сводится к распределению бюджетных денег между «проектами», которые в большинстве своем не имеют ничего общего ни с культурой, ни с искусством, ни с просвещением. Зато с успехом продолжают огулпать народ, потакая невзыскательным вкусам толпы.

Как проницательно определил тот же Александр Блок: «Чиновники суть наша чернь, чернь вчерашнего и сегодняшнего дня». К сожалению, и в будущем ничего не изменилось. Спустя век картина та же. Внутреннее противостояние поэта и черни, зафиксированное еще раньше другим поэтом, по-прежнему сохраняется. Поскольку причины его не устранены и в принципе неустранимы. И это никак не зависит от перемены социального и служебного статуса черни, поэтому не надо быть провидцем, чтобы сказать, что читатели еще не скоро дождутся книги «Избранного» одного из самых своеобразных и ярких поэтов земли омской. Книги, которая по всем критериям должна была появиться к столь солидной юбилейной дате как некий итог долгого творческого пути. Сам Николай Михайлович, судя по всему, этим вопросом особо не заморачивается. Просто делает свое дело. Пишет стихи, редактирует журналы, помогает выпускать книги «журавлевцам», ведет литобъединение. Ему легче найти средства на общее издание, чем просить за себя. Не думаю, что это от излишней скромности. Скорее

от неспособности принимать соответствующие позы и говорить определенным тоном нужные слова, которые способны размягнуть черствую чернь, привыкшую к льстивой патоке многочисленных просителей. Наоборот, чаще он говорит слова, не задумываясь о впечатлении и последствиях, которые они произведут. Иногда достается и коллегам – писателям, поэтам. Некоторые обижаются. Думаю, что зря. Слишком серьезное восприятие самого себя и своих достижений не способствует хорошему настроению, поскольку жизнь слишком часто дает повод усомниться в собственных достоинствах. Поэтому иногда полезно сработать на опережение. Юмор и здесь помогает: «Чувство юмора позволяет нам ужиться с чужой глупостью – и со своей собственной» (Торнтон Уайлдер).

Способность посмеяться над собой – существенный признак наличия чувства юмора у человека. Николай Михайлович, бесспорно, наделен этой способностью. Любитель шутки и мастер резкого словца, он порой может пошутить так, что не всякий сразу поймет шутка это или все всерьез? Только по характерному хитроватому прищурю, доставшемуся от пращуров, по улыбке, едва тронувшей губы, можно догадаться. Только хорошо знающие эту манеру понимают, что за внешней грубоватостью и резкостью скрывается добродушие, отзывчивость и, как это ни покажется странным, повышенная чувствительность и ранимость. Впрочем, ничего особо странного в этом нет, поскольку эти качества априори присущи натурам поэтическим. Внешнее поведение лишь защитная маскировка наподобие раковины моллюска, защищающей нежную живую плоть от болезненных воздействий окружающей среды. Другое дело, что иногда форма и фактура этой «раковины» настолько необычны, что способны вызывать не только удивление, но и возмущение и неприятие. В истории литературного Омска так было с «королем писателей» Антоном Сорокиным и с поэтом-бродягой Аркадием Кутиловым. «У каждого свой след и почерк свой...» – как пишет Николай Трегубов, не претендуя на эпатажную славу своих знаменитых земляков, но и не думая отказываться от своего пути, прекрасно сознавая его неповторимость и своеобразие: «И мне придется свой оставить след...». Хотя внимательный читатель наверняка почувствует, что всех троих, хоть и в разной степени, объединяет фраза Виктора Шкловского: «Мы юродствуем, чтобы быть свободными». Ничего не поделаешь, но история показывает, что довольно часто в России для людей ярко-талантливых, незаурядных путь отщепенца, изгоя или человека

из подполья предопределен изначально. За свободу, в том числе за свободу творчества, приходится платить и зачастую очень дорого.

«Быть может, все в жизни лишь средство для ярко-певучих стихов», – словно развивая собственную мысль, заметил автор эпиграфа. На самом деле эта красивая, но в то же время достаточно жесткая формулировка хорошо отражает взаимосвязь жизненного и творческого пути поэта Николая Трегубова. Не только подчеркивает их неразрывность, но и указывает на подчиненность одного другому. Не секрет, что подобное соотношение далеко не всегда способствует счастливому существованию. Чаще совсем наоборот. А за долгую жизнь всякое случалось, многое пришлось пережить. Разумеется, всего не отразишь в стихах. Да и ни к чему пытаться это сделать. Есть то, что остается и должно оставаться между строк. В настоящих стихах это «пространство тишины» не менее важно, чем сами слова. Если произошедшее имело какое-то значение, то читатель непременно это почувствует даже без прямого упоминания о событии, оставившем «свой след», – по интонации, по тону, по вопросам, остающимся без ответа:

*Седая зрелость наступила.
Что позади?
Что впереди?
И стынут на столе чернила,
И холодок гудит в груди...*

Ведь «гудящий» холодок в груди говорит о наступившей зрелости никак не меньше, а даже больше, чем первая строка, фиксирующая внешний признак этой поры. Тут хотелось бы разок перейти от поэзии к прозе жизни – вернуться в оставленную нами квартиру. Или точнее – заглянуть в комнату, в которой довелось пару раз побывать, но не читателем, а гостем.

7

Покажи мне свое жилище, и я скажу... А что сказать? Что добавить к тому, что знаешь? Скит отшельника, келья монаха... Только вместо икон, распятий и свечей – книги, книги... Одна стена до потолка в книжных полках, прогнувшихся от тяжести. И на полу плотными рядами – высокие накренившиеся стопки книг, разъезжающиеся кипы рукописей. Лишь узенький проход между бумажных терриконов к столу, на котором выдавший виды комп с громоздким монитором. Библиотека, кабинет, спальня – все в одной небольшой комнатухе. Бумажный прибор едва не захлестывает деревянные борта кровати с придвинутым к изголовью шкафом. На ней сидит поэт, как старый

капитан в рулевой рубке. Тельняшка только усиливает сходство. Цвет полинявших голубых полос как будто из одной палитры с выцветшими «васильками» глаз. Все под рукой – две книги открыты на нужных страницах, листок бумажный с красными строчками, как лоща будущего стихотворения... Еще один курс для выхода в открытое поэтическое море. Кошка темно-коричневой масти осторожно лавирует между бумажными завалами.

– 15 лет – уже старушка. Мы ей операцию делали, когда жена еще была... Болела долго, но выкарабкалась.

Скорее всего сейчас уже и кошки нет. Что еще? Порой молчание красноречивей слов. И к чему слова, когда и без них понятно? Слова могут быть – о погоде, о книгах, о старой кошке. Но в то же время по словам, когда они в стихах, по ним можно почувствовать то, о чем не сказано впрямую. Почувствовать и понять гораздо больше о человеке, о том, что в нем – глубинном, подлинном живет. Иногда об этом можно прочесть в чужой книге: «Я переживаю себя, как брошенного в пучину; выплыву на мгновение, схвачусь за летящий на волнах обломок разбитого корабля; и вновь утопаю» (Андрей Белый). А порой что-то прорвется и в собственных стихах, как будто бы помимо слов, минуя смысл, лишь интонацией передавая невысказанное, затаенное.

8

«Звезды созревают к осени // и падают на землю...» – так начинается, пожалуй, самое удивительное стихотворение «Восьмого цвета радуги». Почему среди многих замечательных стихотворений оно показалось особенным? Во-первых, форма. Стихотворение написано верлибром, который поэт явно не жалуется, поскольку очень редко использует. К тому же, вспоминаем, что в начале книги мимоходом прочли: «Верлибр – верблюд одногорбый...». Согласимся, что мало, мягко говоря, симпатии заключено в таком определении. Но прежде сразу возник вопрос – а почему одногорбый? И чем он хуже двугорбого? Но потом вдруг дошло – рифма! Да-да, ведь: у верблюда два горба, потому что жизнь – борьба. А в верлибре нет рифм, поэтому он и одногорбый. Другими словами – горбун, уродец. Такой прозрачный намек, характеризующий форму свободного стиха. Хотя и не сразу поймешь. К этому можно прибавить, что любой бедуин скажет, что на двугорбом верблюде ехать намного комфортнее, устроившись между горбами. Но поэт легких путей не ищет, не выбирает комфортабельных средств передвижения, а все получается само собой. Как мы уже отмечали – стихийно.

Наверное, и верлибр подвернулся случайно. Появился в таежном урмане как диковинный дромадер, которого проворный леший со свойственной ему сноровкой тут же оседлал. И сделал это так естественно и непринужденно, как будто имел дело с привычным обитателем тайги – сохатым или просто с деревенской лошадкой. И верблюд-верлибр не подвел – вывез все, что на него навьючили. Да, конечно, шутка. С другой стороны, в каждой шутке есть доля... шутки, а остальное может быть вполне всерьез. Так шутят, когда не решаются сразу говорить о самых серьезных и значимых вещах. Когда необходимо подготовить себя и собеседника, чтобы попытаться высказать что-то главное – то, к чему только через много лет приходит душа, вобрав горестный опыт страданий, потерь и долгих раздумий. А во-вторых... во-вторых, совсем иная музыка...

*Звезды созревают к осени
И падают на землю,
Словно спелые груши.
А я, как лунатик маятный,
Хожу меж кустов расхристанных:
Хочу отыскать радость –
Редкую,
Пугливую птицу.
Но разве найдешь ее,
Если все в усталости:
И травы,
И деревья,
И свет.
Даже свинцовое озеро –
Тяжелая светлая плоскость,
Скошенная к горизонту.
Я ловлю мокрый холодный лист,
Сорванный ветром с клена.
Луна между деревьев что-то высматривает.
Может, лето?
А может, радость?
Но где она, радость? Где?
Не нашел я ее.
Не нашел.
Но зато на душе – хорошо.
Хорошо и тихо.
Я устал.*

Что-то от японского хокку с его кристальной прозрачностью и глубинным ощущением единения человека с окружающим миром. Максимальная выразительность при минимуме средств. А вопросы... Загадки жизни, тайны поэзии... Увенчаются ли успехом поиски «редкой птицы»? Насколько обретенная усталость способна заменить потерянную радость? А может, действительно, все уже позади, и остаются одни воспоминания? Ответов окон-

чательных не получим. Поэзия не дает ответов, но зато способна задать нужные вопросы. И каждый раз, читая и перечитывая любимые стихи, мы что-то для себя пытаемся объяснить, понять. Нельзя рассчитывать, что это понимание будет окончательным и бесповоротным, но само приобщение к поэтическому миру всегда благотворно, поскольку дает возможность читателю разрешить какую-то насущную мысль, тем самым лучше узнать себя самого. Поэтическое слово Николая Трегубова, несомненно, обладает этим «разрешающим» свойством.

Только внимательно прочитав, вслушавшись в затаенные звуки осенней природы, начинаешь понимать, что появление свободной формы здесь совсем не случайно. Оно предопределено известным принципом: «Я пишу, как живу, – свободно и свободно» (А.С. Грибоедов). Предопределено не только временем года, но и временем жизни. Здесь мы становимся свидетелями обретения еще одной, возможно, наивысшей, степени свободы, которая приходит с возрастом зрелости и мудрости, хотя и неизбежно связана с накопившейся усталостью после тяжелого и долгого пути. Но усталость после честно выполненной работы при осознании результата трудов, пусть и не всегда оцененных по достоинству, не может не способствовать душевному равновесию и спокойствию. Поэтому не удивляет, что после безуспешных поисков радости все-таки возникает некое безотчетное умиротворение, когда просто – «на душе – хорошо». Отсюда и закономерное расширение акустического диапазона, когда голоса природы до предела приглушены, для того чтобы мы могли лучше расслышать собственный голос поэта – голос, едва отделенный от молчания, когда слух настраивается на ту самую «свирель ночную». И этот чистый, прозрачный звук особенно различим в морозной звенящей тишине над белизной первоснежья, на фоне величественной картины зимнего неба, усыпанного январскими звездами, где он в конце концов сливается с мелодией всего мироздания, становясь неотъемлемой ее частью.

Декабрь 2019

ТРЕГУБОВ Николай Михайлович (р. в 1940). Окончил институт инженеров железнодорожного транспорта и МВТУ им. Баумана (Москва). Публиковался в журналах, альманахах Москвы, Новосибирска, Свердловска, Омска. Автор десяти поэтических сборников, вышедших в Москве, Новосибирске и Омске. Лауреат областной литературной премии (1997). Руководитель литературного объединения имени Якова Журавлева, член Союза писателей России.

Елена Марченко

Окно распахнуто в небеса

* * *

В детстве забот-то было:
 Ссадина на коленке,
 Вдруг расплелась косичка,
 Мячик пропал в траве.
 Я все вокруг любила,
 Кроме молочной пенки,
 Запаха жженных спичек,
 Йода и сна в обед.
 Так поскорей хотелось
 Вырасти: взрослым проще
 И интересней даже –
 Взрослые могут все!
 Выросла, повзрослела,
 Ссадины стали больше,
 Йод перестал быть страшным –
 Жалко, что не спасет.

* * *

Пролился дождь на жаркий луг.
 Июньский полдень пряный. Душно.
 По травам босиком бегу
 В тенистый лес кукушку слушать.
 В слегка растрепанном венке
 Дрожат пугливые ромашки.
 Что мне отмерено и кем?

МАРЧЕНКО (Кузнецова) Елена Васильевна, 1983 г. р.
 Член Союза писателей России с 2018 года, поэт. Автор поэтических сборников «Паутинки из солнечных дней» и «Дыхание марта». Член молодежного литературного объединения под руководством М.В. Четвериковой «Литературная лаборатория» при Союзе писателей России.

Я звук «ку-ку» ловлю бесстрашно.
 Пять, десять, двадцать, пятьдесят,
 Один, два, три... Собьюсь со счета.
 А надо мной «ку-ку» летят,
 Как будто вечность дарит кто-то...

Отмерь, кукушка, счастья мне.

* * *

На лугу, разогретом солнцем,
 Среди горных хребтов и вершин
 Стадо облачное пасется
 В голубой небесной тиши.
 Разбрелось по цветущим склонам
 И не слышно зовущий рожок:
 В тени кедров спит утомленный
 Ветер – облачный пастушок.
 Тропка тянется тонкой лентой,
 Будто кто-то изящно резцом
 Поработал. Необыкновенно
 Пахнет счастьем и чабрецом.

* * *

Качается тишина
 На мягких еловых лапах,
 Игольчатое окно
 Распахнуто в небеса,
 Березовая стена
 Уже пожелтела. Запах
 У леса такой грибной,
 Что хочется рассказать
 Как дышится мне легко
 Сентябрьским светлым утром
 И в солнечный листопад

Как радостен каждый шаг.
В просвет между облаков
Гляжу с ошущеньем, будто
Вдруг сможет меня поднять
Душа.

* * *

Я в твой солнечный город шагну из вокзала,
В этом городе все мне как будто знакомо –
Я во сне сотни раз до тебя доезжала...
А на деле – в углу чемодан запыленный.
Я четырежды в год собираюсь в дорогу,
Каждый раз остаюсь, свою робость прощая.
Жизнь проходит. Но ты не суди меня строго –
Ты в мой город и сам лишь во сне приезжаешь.

* * *

Теплый ноябрь – вестник тяжких
и горестных дней –
Был год с похожей погодой, потом умер папа.
Я за шесть лет повзрослела и стала мудрей:
Я не хочу, чтобы снова был теплым ноябрь.
Только бы снег, пожалуйста, пусть будет снег!
Пусть уходящая осень закрасит все белым,
Пусть холодает, зато я пойму по весне:
Этой зимой я ни капельки не повзрослела.

* * *

Словно мука из сита,
Сыпался снег с утра
Из облаков, расшитых
Серой тоской утрат.
Снег укрывал порошей
Город продрогший мой, –
Прошеной ли, непрошеной, –

Благостной пеленой.
Глядя, как снежный город
Прячет черты дорог,
Гладил довольно бороду
В облачном небе Бог.

* * *

Ждут переспелые ранетки
На дикой яблоне у дома,
Когда во двор ворвется стая
Пунцово-красных снегирей,
Снег будет падать между веток
И хороводить невесомо,
Снеговиками вырастая
На запорошенном дворе.
А Сашка из квартиры девять
Письмо в почтовый ящик бросил,
Письмо, в котором детский почерк
Как будто скачет на коне.
В нем: «Дед Мороз, в тебя я верю,
Хотя и взрослый – скоро восемь.
Мне нужен папа, очень-очень!
Проверь дневник, там троек нет».

* * *

Навсегда останется: маленькой
в выходные в парке под вязами
папа мне воздушные шарики
на запястье ниткой привязывал.
Папы нет – есть непоправимое,
я давно не ношу сандалики,
навсегда ко мне нитью незримою
привязались два легких шарика.
Узелки получились прочные:
знаю точно, когда стану старенькой,
в парке будет мой сын своей дочери
на запястье привязывать шарики.

Вадим Физиков

В одухотворенном мире напевного стиха

В полномесном томе избранных произведений Валентины Ерофеевой-Тверской «Душа исповедальная», выпущенном Министерством культуры Омской области в 2013 году (редактор – Нина Ягодинцева), собраны стихи разных лет. Это книга чистой поэзии, включившая обширный массив стихотворных текстов и лирическую поэму о милом автору сиротском, но сердечном детстве в бабушкином доме на тихих Северных улицах. И не может не быть исповедальной по определению. Ее скрепляет в художественное единство характер лирической героини, сложное развитие любовно-поэтического романа и многогранное обаяние любимых приемов поэтики.

* * *

Открывается книга программным произведением, вынесенным за пределы всех четырех лирических разделов. Уже в нем впрямую обозначены некоторые важнейшие ориентиры духовно-нравственной жизни героини: «проторенной дорогой не шла, / Не иду»; «быть самою собою – / Душою и телом»; «Мы легко подчинились / Вселенскому ритму»; «С нами Бог! И едины – / Любовь и молитва»... (3, 13) Впрочем, оговорюсь, что христианское и здесь, и в других стихах по большей части обозначено декларативно, органично, но реализовано не эстетически. За исключением тех стихотворений, где воплощено состояние воцерковленного человека в заклинии, молитвенном слове:

* * *

*Скоро праздник святой – Покров.
Белый снег упадет на дороги.
И на паперти ждут даров
Люди нищие и убогие.*

*Божьей Матери помолюсь,
Преклоню перед ней колени:
«Ниспошли благодать на Русь,
На неверящее поколение!»*

*Чтоб других не смущать ничем,
Еле слышно молюсь, с надеждою...
...Запах ладана и свечей
Пропитает мои одежды..... (3, 46)*

«Сколько было прожито... тревожных лет» бедовой, упрямой героиней «с непокорной головой!» С сознанием, что ее сердце окрепло от страданий. Она не ходит в поводу обстоятельств, а стремится выше и выше поднимать планку своих возможностей («В жилет не стану плакаться...»). В лирической героине привлекает сложная диалектика связи суровых испытаний, сомнений, тоски – и мужественного желания доискаться до сути происходящего, до понимания процесса жизни и резервов ее неоскудения в каждом отдельном человеке:

*Росла не баловнем судьбы –
Почти из нищих.
Я не из тех, кому везет, –
Из тех, кто ищет... (3, 23)*

ФИЗИКОВ Вадим Михайлович родился в 1938 году в Омске. Кандидат филологических наук. Автор четырех книг критических и литературоведческих статей, а также многочисленных публикаций в периодических изданиях. Инициатор издательского проекта «Омское лукоморье». Заслуженный работник высшей школы России.

Правы критики творчества Валентины Ерофеевой-Тверской, отмечавшие в числе доминирующих качеств ее лирической героини стойкость, силу характера. Не ту, что «коня на скаку остановит». Сохраняя обаяние и видимую слабость женственности, она берет на себя груз ответственности за смелость поступка, не-

посильного подчас мало терпеливому мужскому плечу.

*На крутом житейском берегу
Я, как верба, на ветру отчаянно.
Всякий раз склоняясь
под печалью,
Не ломаюсь – душу берегу... (3, 20)*

Замечательна по скрытому психологическому наполнению здесь последняя строка. И какая оригинальная мелодика упорства живет во всем тексте в контрастности звукового образа: мягкость сонорных оксюморонно сочетается с упрямой энергетикой усилия яркого ассонанса! Понятно, почему такой женщине близко романтическое чувство жизни как радости, почему так упорно живет в стихах надежда на лучшее:

*...Мир стал ярок, светел
И весел.
А всего-то – есть апрель
И солнце,
Есть окно –
Вспорхнуть и улететь.
И надежда есть,
Что все случится. (3, 60)*

Такое мироощущение позволяет автору в лучших стихах открывать гармонию в каждой грани и подробности окружающего нас мира:

*...Как дождинки падают с веточек,
Вслушайтесь! .....(3, 21)*

Часто характер лирической героини открывается читателю не в прямом авторском слове, но опосредованно, например через «пейзаж души» – прием, открытый романтиками на рубеже XVIII–XIX веков. Так, в единственном тексте избранного тома лирики, посвященном морю, рефлексировав о природе его очарования, автор утверждает: в нраве моря есть особенное свойство – оно всегда остается самим собой. И это, очевидно, сродни лирической героине поэта. Встречая на страницах книги многочисленные и нередко оригинальные метафоры, невольно думаешь о преобладающей способности художественного слова, его возможности, если не изменять, то обогащать, очеловечивать, одухотворять мир: «В окна войдет с поклонами / Лунный, белесый свет»; «Опасно и странно / рябины горят покажанием»; «Слово тихое и заветное / Нежно просится с губ само...»; «Затуманились берега, / Пригорюнились переправы...»; «Страница

улиц лужами смеется»; «Празднично наряжена заря, / Засмушалась, в серебристой глади / Разглядев румянец свой...»

* * *

Лирическая героиня Ерофеевой называет себя «осенней женщиной» (3, 161). Отсюда, видимо, элегическая окрашенность многих текстов. Но все же преимущественная ее стихия – весенняя, романтика ликующей радости души, реальной и беспричинной – от свежего коромысла радуги, от солнца, устремленности к поднебесью. В них «манящая звезда надежды» на обновление, песня неба, музыка, вдохновленная туманной далью, тревожной песней, «стылостью русских берез» (3, 96), свежим ветром, журавлиным клином... В них мелодия счастья. Ими «душа, непогодами битая, / Светит всегда» (3, 128). Конечно, знает она и сомнения, и душевную смуту, но, преодолевая печали и «не в меру гордую, непроходящую тоску», автор приходит через свой трудный «лирический роман» к жизнеутверждающей, пусть иногда наивно светлой, но задушевной идее надежды и веры, «полета без крыльев» (3, 188). И потому в ее книге целое созвездие радостных стихов о весне. Лето здесь живет главным образом в изобразительных, пластических образах. Осень и особенно весна пережиты более глубинно, лирически. В весеннем пейзаже – выразительны детали, найдено единство колорита, передано движение обновляющегося мира.

Очевидно, неслучайно из мотива долгожданного весеннего света рождаются в книге и темы, очень дорогие автору, – тема Родины, любви к России, неповторимости ее красоты и негибкости русского характера. Правда, в них преобладают социально-публицистическое начало, прямые, нелицеприятные акценты. И в этом тоже, полагаю, проявляется сущность лирической героини: она не приемлет многое из того, что происходит ныне с Отечеством. Конечно, современному поэту трудно сказать в этой теме что-то совершенно оригинальное. И пусть рождаются иной раз стихи «вслед» за уже написанным кем-то – дороги искренность, незаемная сердечность драгоценного чувства Родины:

*...Знаю одно, что мне счастье – любить
Край полевых незабудок,
Стылые запахи утренних рос,
Ближних церковей очертанья,
Крепкой зимою упругий мороз,
Святочный шум и гулянья.
Дедовских баек зернистую суть,
Сказки, что в детстве слагали... (3, 140)*

А еще важно, что тема настойчиво звучит в книге, являя читателю разные свои грани. Прежде всего, живую веру в будущее России. А то ведь, что греха таить, – во многих россиянах надежда на возрождение нашего Отечества основательно поколеблена. Другая ипостась темы России – это то, как ее масштабность преломляется в природе русского характера:

*...Так широта
моей душе подарена.
И никакая вам
я не мадам,
Я – сибирячка,
русская,
сударыня!* (3, 86)

Мы находим в стихах Валентины Ерофеевой-Тверской и развитие давнего мотива русской классики – «странной» любви к России (Лермонтов, Некрасов, Тютчев, Блок...). Поэтесса решает тему в двух вариантах: публицистическом и эстетическом. Сравните:

*А я ее за горе не клянжу,
Я все с ней разделяю без остатка.
Да, русским на Руси сейчас несладко –
И это тоже ставят нам в вину.* (3, 38)

Или в стихотворении «Родина»:

*Есть в слабости твоей
двойная сила.
Ты и сейчас себе
врачуешь раны...
...Вчера – Чечня,
позавчера – Афган...
И страшно, что
в излечиванье ран
Сильней России
нет на этом свете.* (3, 101)

Эта не разуму подвластная, но верующая наперекор логике и всем мыслимым обстоятельствам любовь – своеобразный оберег, который, по слову Тютчева, только и может спасти нас для будущего.

* * *

А еще одним духовным талисманом лирической героини поэтессы – к нему она «припадает» так же естественно, как дышит, – стали фольклорные истоки творчества. Стихи Валентины Ерофеевой-Тверской продолжают напевную линию отечественной стихотворной традиции. Они, видимо, рождены благодарной детской памятью о певучих и мудрых сказках в доме бабушки, о протяжных русских песнях и плачах.

*Вот счастье, –
что в сердце надежно и нежно
хранится минувшего радостный свет...*
(3, 391)

Такова ближайшая причина постоянного обращения к народно-поэтической праматери. Чего тут только нет! Целое лукошко фольклорных приемов и образов: это и мягкость уменьшительно-ласкательных суффиксов, напоминающих о месте и значении доброжелательства, любви в повседневном людском общении: «...Побрела, доверилась / Каждую кровиночкой, / Но куда – неведомо, / Приведут тропиночки. / Стежки неприметные / Вдоль разлук да слезонек: / Где мечты крылатые? – / Там, где дух березовый»... (3, 349) Это и узнаваемость постоянных эпитетов, рождающая в тебе чувство близости, приобщенности к вековой гармонии народно-поэтического словоупотребления (сокол ясный, в чистом полюшке, буйну ветру...). И гуманное основание параллелизма композиционных планов в их контрастах и сопоставлениях, в которых со стародавних времен запечатлено взаимовлияние мира природы и человека, осмысленное вместе с тем остро современно:

*...Где-то вьюга бесится,
И не видно месяца,
Лишь окошко светится,
Где покоя нет:
Там горюет девица,
Плачет и надеется,
Что осенней ночью
Народится доченька,
Детка-безотцовщина...*

В дальней стороне. (3, 145)

Отметим и многочисленные традиционные формулы народной речи, вплетенные в авторскую метафору: «Волною синей лен во поле льется. / Горчит тревогой вестница польнь». Не всегда, правда, они бывают столь органичны в слове поэтессы и тогда ощущаются как бы отдельно от текста, как очевидная стилизация («Раненько зоренькой встав поутру...» – 3, 315).

Напомним также и такую особенность русской стихотворной ритмики, восходящую к песенному фольклору и гениально закрепленную в поэзии Некрасова как дактилическая рифма. Она требует немало мастерства, но и одаряет певучей нежностью. Я попытался было отметить в книге Валентины Ерофеевой-Тверской примеры дактилических окончаний стихов, но очень скоро понял, насколько они здесь частотны: печальями-плечами ли; праздника-разны-

ми; грузные-необузданный; пожарище-межа еще; ворогом-вороном...

Среди художественных составляющих напевного строя лирики автора обратим внимание и на разнообразные повторы слов, поэтических формул, строк и их вариаций, в частности, на такой эффектный прием поэтического синтаксиса, как накопление, экспрессивная концентрация близких друг другу стилистически слов, в первую очередь глаголов, образующих следующие друг за другом назывные предложения:

*...Отпусти.
Прости.
Простить позволь.
Ухожу.
Не будет потепленья. (3, 255)*

Повтор как частотный поэтический прием в стихах сибирской поэтессы, думается, также имеет истоком фольклорное начало (во степи, во поле; искать – не сыскати; сказы-пересказицы; по-над просекой; за бедой беда; отцепись-отстань; во леса да в омуты; не то покоряюсь, / Не то – покоряю; закружу, заговорю, / Растревожу, залелею...). Однако известно, что повтор в широком понимании термина есть основа всякой ритмически организованной речи и, значит – поэзии как таковой. И потому неудивительно, что в стихах Валентины Ерофеевой-Тверской мы встречаем как разнообразие ритмических образов (об этом подробнее ниже), так и специфическое повторение одного слова или строки в начале и в конце строфы или целого текста, да еще и в сочетании с анафорой, усиливающее рефреном динамизм высказывания и придающее строфе или стихотворению изящество и впечатление художественной завершенности. Акад. В.М. Жирмунский в своей монографии «Теория стиха» называл этот прием поэтики «кольцом строфы, кольцом стихотворения» (4, 498–518), иллюстрируя его примерами из русской классики (Пушкин, Жуковский, Фет, Блок). Прием был достаточно популярен и в испанской, восточной, немецкой поэзии нового времени. Могу предположить, что в творчестве сибирячки он активно проявился не без влияния знаменитого лирического цикла Сергея Есенина «Персидские мотивы» («Шаганэ ты моя, Шаганэ»).

** * *
Я уйду. Я замкнусь.
В облаках растворюсь,
Если нет мне обещанных крыльев.
Я дождинкой-слезинкой
На землю прольюсь...*

*...Эх, душа! Разве ты не богата?!
Я, конечно, конечно,
На землю вернусь
Обновленной, счастливой,
крылатой. (3, 70)*

Лирическая героиня чувствует себя счастливой частью мироздания. Можно лишь догадываться о причинах горести начальных стихов текста. В поэзии всегда есть место для тайны и далеко не все в ней поддается расшифровке, и в этом помимо новизны и гармонии еще один источник ее власти над нами. Но в преображении печали души, ее предстоящем слиянии с миром (дождинкой-слезинкой на землю прольюсь) заключено открытие в себе новых резервов жизни, которым прирастают богатство личности и ее обновленность, счастье. И это уже не прямые декларации романтико-публицистических ранних стихов автора, а художественное решение сложной философской проблемы «человек и вселенная». Не случайно в этом стихотворении так настойчивы глагольные рифмы. Они, как лейтмотив, не просто собирают текст в единство, но и убеждают в том, что основой внутреннего движения лирического «я» оказывается поступок. А рядом в книге, через страницу, та же тема счастливой души решена не в философско-космическом плане, а в интимно-психологическом ключе:

** * *
Скажи, бывает в любви передышка –
Утром, в среду, через года?
Ответь, скажи мне – зачем так вышло,
Что боль со мною моя всегда?..*

*...Зачем губам, и рукам, и телу
Душа, разлюбленная тобой?
И что мне с этой душою делать,
Что сердцу делать с душой такой?..*

*Стань, смех мой, звонким –
до слез обильных,
Румянец, вспыхни, душа – вспорхни...
Я не способна копить обиды,
Храни же,
Боже!
Его храни! (3, 73)*

Уточним, что и здесь мотив женской гордости и достоинства в теме любви живет одновременно и на психологическом поле, и на философской глубине. Счастье этой одинокой души в том, что она у м е е т любить. И убеждает нас своим мужеством – как это просто и трудно, если близкий человек разлюбил. Надо, оказывается, любить и ценить д р у г о г о больше,

чем себя: ведь в любви эгоистическая природа твоего сердца заканчивается, по утверждению А.И. Герцена (2, 350). Нет, любить – значит возвыситься над ситуацией, стать сильнее ее, мудрее и мужественнее. И преодолеть, победить предательство, покинутость, одиночество, найти опору для продолжения жизни в правоте своей верности в любви. И разве не прав был Иван Бунин, утверждавший в «Темных аллеях», что несчастливой любви не бывает?! (1, 170–171)

*...Преумножая многие печали,
Я научилась верить и любить.* (3, 76)

Это признание сибирской поэтессы дорогого стоит. Как и ощущение счастья ее лирической героини – в умении ценить – в качестве драгоценного дара каждый день своей судьбы, словно он единственный или последний.

Лирические разделы, завершающие книгу Валентины Ерофеевой-Тверской, – это миниатюры о любви. Горестные и радостные заметы сердца. Пунктир ожиданий, разлук, боли измен и новых встреч – что в омут с головой. Да, в сложном, противоречивом чувстве лирической героини и хмельная радость, и греховное осознание, и самоосуждение за то, что была готова «принять / Первого встречного» (3, 337). Но тем для читателя убедительнее в этих исповедальных стихах-признаниях подлинность правды, глубина пережитого и отважность высказывания. Когда тебе доверяют самое интимное, трудно не откликнуться столь же сердечно.

* * *

*Мне не нужно ни в чем виниться...
Я уверена в самом главном:
Я умею теплом делиться,
Нераскаянно, с полным правом.*

*Я невзгоды приму любые –
Покаяние, вызов, постриг...
За одно, что меня любили,
Мне не страшно, что станет после...*
(3, 379)

Даже сдержанный психологизм авторской манеры письма, свойственный многим текстам из разделов «Для двоих» и «Мелодия сердца», не может приглушить силу характера героини.

*...Да, объяснить все разом не сумею,
А проще, может быть, не захочу.
Надежды, как дитя, в душе лелею,
Лишь от обид сутулюсь и молчу.
Ты не ищи иронии в улыбке –
Куда сложнее быть самой собой.*

.....
*И я упрямо
Делаю
Ошибки...* (3, 260)

Такая стилистика позволяет опускать подробности изменения психологической ситуации и тем самым избегать повествовательности, что свойственно самой природе лирического и отличает поэзию от прозы. Тот же принцип интересно проявляется и в организации ритмического образа в концовках многих стихотворений Валентины Ерофеевой-Тверской. Речь идет о «наиболее ответственной части текстов. Здесь завершается лирический сюжет, «дорисовывается» душевный облик лирической героини. Здесь формулируется итог, поэтическое «открытие», ради которого стихотворение было создано» (5, 168).

У сибирской поэтессы последняя строка бывает горестно оборвана («Вряд ли ветер будет объяснять, / Что с нами...»; «И кажется, что близко счастье, / А путь – забыт...»). А иногда, реже, «обрыв» завершающей строки превращает ее в прозаическую концовку, что звучит стилистически неожиданно и не менее драматично. Но чаще последний стих оказывается как бы разорван надвое. Ритм при этом не нарушается, но усиливается экспрессивность, напряженность мелодики:

*...Кольцо обручальное больше не греет
Ни душу, ни сердце, ни память мою.
Я чувствую: губы мои холодеют.
– А пропасть не видно?
– Над нею стою!* (3, 235)

Впрочем, такой ритмический прием широко используется автором не только в финальной части стихотворений. Чтобы эти наблюдения над поэтикой книги и отдельного текста не показались читателю «игрой в бисер», замечу, что многие поэтические средства ритмики в томе стихов Валентины Ерофеевой-Тверской представляются мне адекватными характеру ее лирической героини. Так, динамизм и остроту ее голосу сообщают многочисленные вольные стихи. В паузах укороченных строк – и потаенная печаль, и не прямо выраженный драматизм или, напротив, приращение радости и уверенности:

*Стальная крепость – тихий дом,
Гнездо уюта,
Где ночью плачу. А потом
Смеюсь, где людно...* (3, 165)

Или:

*...Ливни пройдут – на небо умытое
Выйдет звезда... (3, 128)*

В качестве частного замечания выскажу предположение: если бы цитируемые здесь четные строки графически были расположены не с начала строки, читатель ощущал бы прием еще острее. Понятно также и достаточно частое использование в книге дольников, где усилен элемент ударности стиха за счет преодоления более гармонической ритмичности силлабо-тоники.

*...Мы от встреч ничего не ждем.
Как давно нам луна светила!
Ощутила бунтарский подъем.
Оказался подъем – по силам. (3, 256)*

* * *

И вот когда понимаешь единство характера лирической героини, взаимосвязанность приема и содержания в книге поэтессы, прощаешь ей и общие места в стихах (особенно ранних), и неточности словоупотребления, которые, конечно, могли быть устранены при бо-

лее жестко-доброжелательном редактировании большого сборника избранных произведений. Постигая одухотворенный любовью и талантом мир Валентины Ерофеевой-Тверской, веришь: поэзия не разучилась пробуждать в нас «чувства добрые» и с надеждой думать о будущем.

2014 г.

Библиографические примечания

1. Бунин И.А. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 7. – М. : Издательство художественной литературы, 1966. – 400 с.
2. Герцен А.И. Сочинения: в 9 т. Т. 2. – М. : ГИХЛ, 1955. – 516 с.
3. Ерофеева-Тверская Валентина. Душа исповедальная: Книга стихов. – Омск, 2013. – 408 с.
4. Жирмунский В. Теория стиха. – Л. : Советский писатель, 1975. – 664 с.
5. Сильман Тамара. Заметки о лирике. – Л. : Советский писатель, 1977. – 224 с.